
Джеймс Кервуд
Гризли
#эксмодетство

Гризли
Джеймс Оливер Кервуд

Аннотация
Джейм Оливер Кервуд. Гризли
Глава1. Король и его владения
Глава 2. Незваные гости
Глава 3. Первая встреча
Глава 4. Планы охотников
Глава 5. Мусква
Глава 6. Тэр убивает карибу
Глава 7. Брюс уточняет факты
Глава 8. Мать Мусквы
Глава 9. Поединок
Глава 10. Через горы
Глава 11. Брюс и Ленгдон на месте побоища
Глава 12. В неведомую страну
Глава 13. Пипунескус
Глава 14. Появление собак
Глава 15. Попался
Глава 16. Приручение Мусквы
Глава 17. Тэр собственной персоной
Глава 18. Великодушие сильного
Глава 19. Последняя схватка
Глава 20. «Прощай, Мусква!»

Глава 21. Муква ищет своего друга

Аннотация

Известный роман американского писателя Джеймса Оливера Кервуда о трогательной дружбе осиротевшего медвежонка Мусквы и огромного медведя Тэра. Книга продолжает мини-серию подарочных изданий о природе с иллюстрациями петербургского художника Владимира Канивца.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Джейм Оливер Кервуд
Гризли

© В. Неделин, перевод, наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава1
Король и его владения

Безмолвно и неподвижно, словно огромный красно-бурый утёс, стоял Тэр, оглядывая свои владения. Маленькие и широко поставленные глаза его, как и у всех гризли[1], видели плохо. На расстоянии трети или полумили ему ещё удавалось рассмотреть козу или горного барана, но дальше всё исчезало либо в сверкающем солнечном мареве, либо в непроглядном мраке ночи, и только по запахам и звукам Тэр догадывался о том, что творится вокруг. Он и теперь не мог видеть, что происходило внизу, в долине. Ветер приносил оттуда странный и непонятный запах, который беспокоил Тэра. Именно это и насторожило его, и теперь Тэр стоял тихо, не шевелясь. Тщетно ум животного бился над разрешением загадки. Пахло не карибу [2]— их-то он убивал немало, — не козой и не горным бараном. Это не был запах ленивых толстых сурков, нежащихся

---

[1] Примечания: 1
Гри́зли — крупный серый медведь, обитающий в Северной Америке.

[2] Примечания: 2
Кари́бу — некрупный канадский олень.

на согретых солнцем скалах, — сурков он ел сотни раз… Этот запах не вызывал у него ни злобы, ни страха. Тэра разбирало любопытство, и всё же он не решался спуститься вниз. Удерживала на месте осторожность. Но, даже если бы у Тэра было прекрасное зрение, он всё равно не узнал бы больше того, что рассказал ему ветер.

Тэр стоял у самого края уступа скалы. В одной

восьмой мили[3] под ним расстилалась долина, а на таком же расстоянии вверх от него шла расщелина, по которой медведь спустился сюда вчера днём. Ложбинка на уступе горы, не более акра[4] величиной, заросла по краям роскошной мягкой травой и цветами: пестрели фиалки, лоскутки незабудок, дикие астры и гиацинты. А посредине её была жидкая грязь, и место это, футов[5] в пятьдесят шириной, Тэр посещал всякий раз, когда у него начинали болеть ноги.

На север, восток и запад в золотистом свете июньского утра распахнулась удивительная панорама Канадских Скалистых гор. Отовсюду — из прорезанных в сланце лощинок и узких теснин, со скал, подбирающихся к линии вечных снегов, из долин — неслось, наполняя округу, монотонное, ласкающее журчание. Реки, потоки и ручьи стекали вниз из-под самых облаков, оттуда, где лежали вечные снега, и в воздухе, не умолкая, звучала музыка бегущей воды. Всё благоухало. Последний месяц северной весны, июнь, шёл на

---

[3] Примечания: 3
Ми́ля — 1852 м.

[4] Примечания: 4
Акр — мера земли, равная 4046,86 м^2.

[5] Примечания: 5
Фут — 30 см.

убыль, уступая место первому месяцу горного лета.

Ранние цветы уже покрыли солнечные склоны яркими коврами — красными, белыми, пурпурными. И всё живое пело: толстые сурки на скалах, важные гоферы[6] на своих холмиках, огромные

[6] Примечания: 6
Го́фер — североамериканский грызун.

шмели, перелетающие с цветка на цветок, ястребы, орлы, парящие над вершинами. Даже Тэр и тот по-своему пел: когда он всего несколько минут назад топтался в вязкой грязи, из огромной груди гризли вырывалось какое-то странное урчанье, не похожее ни на его воркотню, ни на рёв. Это значило, Тэр доволен — это была его песня. И вот прекрасный день вдруг как-то сразу померк. Не шевелясь, Тэр всё ещё принюхивался к ветру. Он был озадачен. Запах волновал его, хотя и не вызывал тревоги. Незнакомый запах действовал на гризли так же, как первый обжигающий глоток бренди на ребёнка. И низкое, зловещее, как отдалённый гром, рычание вырвалось у него из груди. Сознание подсказало наконец, что владыка этих просторов не кто-нибудь, а он, гризли, и появление здесь какого бы то ни было непонятного ему запаха — вещь просто недопустимая.

Медленно поднялся он во весь свой десятифутовый рост и, как дрессированная собака, уселся, уронив, на грудь отяжелевшие от облепившей их грязи передние лапы. Десять лет прожил Тэр здесь, в горах, а такого запаха ему не довелось слышать. И никак нельзя было примириться с этим. Он ждал, пока запах усилится.

Тэр не прятался. Резко выделяясь на фоне гор,

стоял он, не заботясь, что его увидят. Размеры его казались чудовищными, а новая июньская шуба отливала на солнце золотисто-коричневым блеском. Передние лапы его толщиной были почти с туловище человека, из них торчали огромные когти-ножи, по пять с половиной дюймов[7] каждый. Лапы гризли пропахали в грязи две параллельные борозды, расстояние между которыми было не меньше пятнадцати дюймов. Он был толстый, гладкий и могучий. Глазки, не больше мелких орехов гикори[8], сидели в восьми дюймах один от другого. Два верхних клыка, острые как кинжалы, были длиной с большой палец мужчины, а огромным челюстям ничего не стоило перегрызть шею карибу.

Тэру ещё не приходилось встречаться с человеком, и ещё ничто не могло ожесточить его. Подобно большинству гризли, он никогда не убивал ради удовольствия убить. Из целого стада выбирал он одного карибу, которого и съедал без остатка, высосав мозг из каждой косточки. Царствовал Тэр мирно. И требовал он только одного: «Не тронь меня». Это же самое говорила

---

[7] Примечания: 7
Дюйм — 2,54 см.

[8] Примечания: 8
Ги́кори — дикий орешник с мелкими орехами.

и вся его поза, когда, сидя на задних лапах, он принюхивался к незнакомому запаху.

Неприступные вершины гор вздымались высоко в небо. Могучий, одинокий, величественный, гризли был под стать этим горам. Равных ему не было в горных долинах. Гризли неразлучны с горами — так повелось из века в век, — и Тэр был весь плоть от плоти и кровь от крови этих гор. Среди них начиналась, среди них и угаснет вся его родословная.

До сих пор не случалось такого, чтобы кто-нибудь мог усомниться в могуществе и правах Тэра, разве только его же сородичи. Но с ними он обычно дрался по всем правилам и нередко — насмерть… И он готов был к новым схваткам, пусть только посягнут на его права. А пока его не свергли, он здесь властелин, вершитель судеб и — захоти только им быть — деспот.

Династия, к которой принадлежал Тэр, царила здесь, в долинах, и на склонах гор испокон веков, и всё живое было послушно её велениям. Правил здесь и Тэр. Делал он это попросту. Его ненавидели, перед ним трепетали. Но сам он не знал ни ненависти, ни страха и действовал в открытую. Ему ли было прятаться от того неизвестного, что надвигалось на него снизу, из долины?

Пока он сидел, поводя острым коричневым носом, какая-то неясная нить протянулась в сознании гризли к далёким поколениям предков. Тэр никогда раньше не слышал подобного запаха, и всё же теперь тот не казался ему совершенно незнакомым. Запах не находил себе названия и не вызывал никакого определённого образа, но Тэр уже знал, что это — угроза.

Минут десять сидел гризли, словно каменное

изваяние. А потом ветер переменился, и запах стал слабеть, пока не исчез совсем. Плоские уши Тэра слегка приподнялись. Медленно повернул он свою огромную голову и оглядел зелёный склон и уступ. И теперь, когда воздух был снова чист и свеж, он сразу забыл этот обеспокоивший его запах. Гризли опустился на четвереньки и возобновил прерванную охоту на гофера.

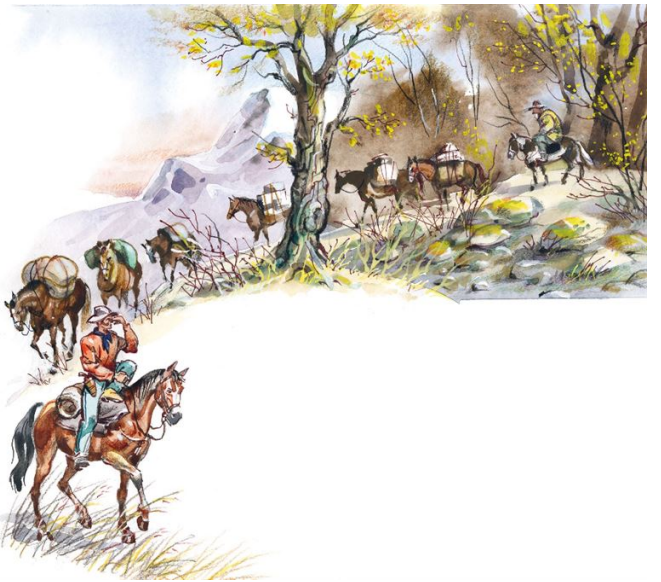
Зрелище получалось довольно забавное. Тэр весил добрую тысячу фунтов[9], а горный гофер не больше шести дюймов величиной весит шесть унций[10].Но Тэр мог без устали копать землю хоть час, чтобы достать маленького, толстого гофера и проглотить его, как пилюлю. Это было лакомство, на поиски которого Тэр не жалел ни трудов, ни времени.

Облюбовав нору, расположение которой его устроило, гризли принялся разгребать землю, как собака, охотящаяся за крысой. Тэр находился на самом верху склона. Ещё раз или два в последующие полчаса поднимал он голову, но странный запах из долины больше не беспокоил его.

---

[9] Примечания: 9
Фунт — 409 г.

[10] Примечания: 10
У́нция — 30 г.

Глава 2
Незваные гости

А тем временем милей ниже, в долине, там, где ель и пихта, подступая к оврагу, начинали редеть, Джим Ленгдон придержал лошадь. Долго смотрел он перед собой, затаив дыхание. Потом вздохнул с наслаждением и, подогнув правую ногу, удобно упёрся коленом в луку седла. Он ждал. Отстав от него ярдов [11]на двести-триста, Отто, всё ещё не выбравшийся из леса, никак не мог справиться с Дишпен, упрямой вьючной кобылой.

Ленгдон улыбался, прислушиваясь к выкрикам спутника, грозившего Дишпен всевозможными карами, начиная с обещания немедленно вспороть ей брюхо и кончая посулом более милосердной смерти — от удара дубинкой. Дух захватывало от всех этих обещанных ужасов, на выдумку которых разъярённый Отто бывал неистощим. Однако на лошадей они не производили никакого впечатления. У Ленгдона же вызывали улыбку и восхищение. Он прекрасно знал, что,

---

[11] Примечания: 11
Ярд — 91 см.

как только огромный, добродушный Брюс Отто упрётся плечом в тюк на спине лошади, желая помочь ей, именно в этот момент Дишпен опрометью кинется вперёд, а уж после этого бедняге не останется ничего другого, как разразиться такими проклятиями, от которых кровь стынет в жилах.

Но вот одна за другой все шесть вьючных лошадей экспедиции выбрались из чащи. Здоровенный детина верхом на индейском горном пони замыкал шествие. Он сидел в седле согнувшись, подтянув колени почти к самому подбородку: такая посадка выработалась у него за долгие годы жизни в горах, да и то потому, что нелегко, конечно, человеку шести футов и двух дюймов ростом ехать верхом на пони.

Ленгдон спешился и осмотрелся. Его отросшая светлая борода подчёркивала густой загар лица. Расстёгнутый ворот рубашки открывал обветренную и загорелую шею. Серо-голубые глаза его, острые и проницательные, изучали окрестность с весёлым упорством охотника и искателя приключений.

Ему было тридцать пять лет. Половину своей жизни он проводил в диких местах, а всё остальное время писал об увиденном.

Спутник его был лет на пять старше, но зато на шесть дюймов выше, если, конечно, лишние шесть дюймов можно считать преимуществом. Брюс полагал, что никакого преимущества здесь нет. «Вся беда в том, — говаривал он, — что я никак не перестану расти».

Он подъехал к Ленгдону и спешился.

— Видел ты что-нибудь подобное? — спросил Ленгдон.

— Недурное местечко, — согласился Брюс. — И самое подходящее для лагеря. Здесь тебе и карибу, и медведи. Свежее мясо нам не помешает. А ну-ка, дай спичку, Джим.

У них вошло в обычай раскуривать трубки от одной спички. После первой глубокой затяжки Ленгдон кивнул в сторону леса, из которого они только что выбрались.

— Здесь бы и разбить лагерь, — сказал он. — Сухой хворост, проточная вода и пихта; из пихты можно устроить хорошие постели. А лошадей стреножим и выпустим на ту лужайку в миле отсюда, через которую мы проезжали. Там и травы, и дикой тимофеевки край непочатый. — Он взглянул на часы. — Ещё только три. Можно отправляться дальше… Но… Как по-твоему, может быть, задержимся на денёк-другой, посмотрим,

что здесь хорошего?

— Что ж, пожалуй, — отозвался Брюс.

Он сел, прислонившись спиной к скале, и пристроил на коленях длинную подзорную трубу из меди. Труба эта была реликвией ещё времён Гражданской войны.

Ленгдон отстегнул от седла бинокль, привезённый из Парижа.

Они сидели плечо к плечу, внимательно исследуя холмистые склоны и зелёные скаты гор, возвышавшихся перед ними.

Вот она, дикая, «неведомая страна», как окрестил её Ленгдон. Ведь к этим местам невозможно было подступиться; непроходимые дебри окружали их со всех сторон, и, насколько можно было судить, нога человека ещё не ступала здесь. Двадцать дней продирались Брюс и Ленгдон сквозь эту чащу и прошли всего сто миль; каждая миля досталась им с трудом. Вчера днём перевалили через гребень Великого Водораздела, который, казалось, расколол самые небеса надвое, а теперь они рассматривали первые зелёные склоны и величавые вершины Файерпенских гор.

На севере — а они направлялись на север —

протекала река Скина; на западе и юге лежала горная страна Бэбин с бесчисленными реками и озёрами; на востоке, за Великим Водоразделом, — горный район реки Оминеки и притоки Финлея.

Охотники ушли из обжитых мест десятого мая, а сегодня уже тринадцатое июля. Теперь они наконец у заветной цели. Два месяца пробирались они в эти края, куда ещё не проникал человек. И их старания увенчались успехом. Сюда не забредал ни охотник, ни старатель. Сказочная долина расстилалась перед ними. И сейчас, на пороге её тайн и чудес, Ленгдон испытывал ту особую радость и упоение, которые понятны только людям одного с ним душевного склада.

Его друг и товарищ Брюс Отто, с которым он пять раз забирался на север, считал, что все горы совершенно одинаковы. В горах он родился и прожил жизнь. В них же, скорее всего, и умрёт.

Брюс вдруг резко толкнул Ленгдона локтем в бок.

— Вижу трёх карибу, — сказал он, не отрываясь от подзорной трубы. — Идут поперёк склона, милях в полутора вверх от долины.

— А я — козу с козлёнком. Вон там, на чёрном сланце первой горы справа, — отозвался Ленгдон. — Бог ты мой! А вот и «батюшка» смотрит

на неё вверх, с утёса… Да у него борода в целый фут длиною! Ставлю что хочешь, Брюс, — мы очутились в настоящем райском саду.

— Пожалуй, — рассеянно сквозь зубы процедил Брюс, пристраивая подзорную трубу повыше на колене. — Здесь полным-полно горных баранов и медведей, уж поверь моему слову.

Минут пять они молча наблюдали. Позади них лошади жадно щипали густую, сочную траву. Долина, казалось, спала, затопленная морем солнечного света. И только голос воды, бегущей с гор, звенел в ушах Ленгдона и Отто. И Ленгдон подумал, что так бывает только во сне.

Долина напоминала огромную, уютно свернувшуюся кошку. А все звуки, слившиеся в их ушах в одно мелодичное журчание, были её блаженным сонным мурлыканьем.

Ленгдон всё ещё наводил бинокль, чтобы поближе разглядеть козла, застывшего на утёсе, когда Отто снова заговорил.

— Вижу гризли, здоровенного, как дом, — сообщил он бесстрастно.

Редко кому удавалось нарушить его невозмутимость. Разве что вьючным лошадям и особенно этой Дишпен. Самые же волнующие сообщения вроде последнего Брюс делал с такой небрежно-

стью, словно речь шла о букетике фиалок.

Ленгдон резко выпрямился.

— Где? — спросил он и нагнулся над плечом товарища, прослеживая направление подзорной трубы. Нервы его напряглись.

— Видишь, вон там склон у второго отсюда перевала… прямо за ущельем? — сказал Брюс, прищуривая глаз. — Он как раз на полпути к этому перевалу. Выкапывает гофера.

Ленгдон навёл бинокль на склон и ахнул.

— Видишь? — спросил Брюс.

— Как будто перед самым носом, — отозвался Ленгдон. — Брюс, да ведь это самый большой медведь во всех Скалистых горах!

— Если не он, то его двойник, — усмехнулся невозмутимый Брюс. — Он больше твоего восьмифутового на добрую дюжину дюймов, Джимми! И… — на самом интересном месте Брюс умолк, вытащил из кармана плитку чёрного «макдональда»[12] и откусил добрый кусок, не отрываясь при этом от подзорной трубы, — …и ветер нам благоприятствует, а он сейчас так увлёкся, что ничего не замечает, — закончил Брюс и поднялся.

Вскочил и Ленгдон. В такие минуты товари-

---

[12] Примечания: 12

«Макдóнальд» — название жевательного табака.

щи понимали друг друга без слов. Они завели лошадей обратно в лес и привязали их там. Из кожаных чехлов вытащили ружья и зарядили их крупным зарядом. После этого оба минуты две изучали склон и подступы к нему невооружённым глазом.

— Можно пробраться по ущелью, — предложил Ленгдон.

Брюс кивнул.

— По-моему, оттуда можно стрелять ярдов с трёхсот, — сказал он. — Лучшего не придумаешь. Если подходить снизу, он почует нас. Эх, будь это часа на полтора раньше!

— Тогда мы бы залезли на гору и свалились прямо на него! — со смехом отозвался Ленгдон. — Когда дело доходит до лазанья по горам, то второго такого сумасшедшего, как ты, Брюс, днём с огнём не сыщешь. Ведь ты способен перевалить хоть через Хардести или Джикай, лишь бы подстрелить козла сверху, пусть даже ты мог бы с тем же успехом сделать это и не забираясь на гору. Хорошо, что сейчас не утро. Нам удастся добраться до этого медведя и по ущелью.

— Возможно, — сказал Брюс.

И они отправились.

По зелёным, цветущим лугам они шли не скрываясь, пока не приблизились к гризли примерно на полмили. Дальше он уже мог увидеть их. Ветер переменился и задул прямо в лицо. Они заторопились и не сбавляли хода, пока почти вплотную не подошли к склону, скрывавшему медведя. Теперь до него идти было всего минут пятнадцать. Ещё через десять минут они вышли к ущелью, заваленному камнями; весенние потоки, веками падающие со снеговых вершин, промыли его в

склоне горы. Здесь они внимательно огляделись вокруг. Великан гризли находился сейчас от них ярдах в шестистах вверх по склону и меньше чем в трёхстах от ближайшего к нему выхода из ущелья. Поэтому Брюс заговорил шёпотом.

— Ты поднимешься наверх и подкрадёшься к нему, Джимми, — сказал он. — Если промажешь или только ранишь его, то он сделает одно из двух… а то и из трёх: займётся тобой или удерёт через расщелину, а то и спустится в долину… вот здесь. Помешать ему уйти через расщелину мы не сможем. А если он кинется на тебя… останется одно — прыгать в ущелье. Скорей же всего, если ты не убьёшь его сразу, он кинется сюда. Здесь-то я его и буду стеречь. Желаю удачи, Джимми!

С этими словами он выбрался из ущелья и притаился за скалой, откуда можно было наблюдать за гризли. Ленгдон же стал осторожно взбираться по отвесной стене ущелья.

Глава 3
Первая встреча

Во всей этой сонной долине ни одно живое существо не было занято так, как Тэр. Медведь этот был, так сказать, личностью весьма своеобразной. Подобно иным людям, он очень рано укладывался спать. В октябре его начинало клонить ко сну, а в ноябре он уже заваливался на боковую в долгую спячку. Спал до апреля и поднимался на неделю, а то и дней на десять позже остальных медведей. Сон у него был богатырский. Но зато, когда он вставал, сна не оставалось ни в одном глазу. В апреле и мае он позволял себе вздремнуть лишь считаные минуты на согретых солнцем скалах. Но с июня и до середины сентября уже дважды в сутки спал часа по четыре, и спал по-настоящему.

В то время как Ленгдон начал осторожно подниматься из ущелья, Тэр был занят по горло. Он поймал того гофера, которого откапывал, и слопал одним духом этого толстого, почтенного вида патриарха. А теперь с увлечением заканчивал свою трапезу случайно попавшейся толстой

белой гусеницей и несколькими кислыми муравьями. Он вылавливал их под камнями. В поисках этого лакомства Тэр орудовал правой лапой, переворачивая ею огромные глыбы. Девяносто девять медведей из ста, а то и все сто девяносто девять из двухсот — левши. Тэр же всё делал правой лапой! Это давало ему большое преимущество в драках, так легче было ловить рыбу, да и раздирать мясо тоже было сподручней. Дело в том, что правая передняя лапа у гризли намного длиннее левой. Она настолько длиннее, что если бы гризли вдруг лишился своего шестого чувства — чувства ориентации, то ходил бы, как привязанный, по кругу.

Продолжая свои поиски, Тэр двигался в сторону ущелья. Огромная голова была низко опущена. На близком расстоянии его зрение по своей остроте могло поспорить с микроскопом. А обоняние было настолько тонким, что ему ничего не стоило поймать красного горного муравья даже с закрытыми глазами. Тэр выбирал гладкие, плоские камни. Его огромная правая лапа с длинными когтями действовала столь же совершенно, как и рука человека. Приподнимет ею камень, потянет раза два носом, лизнёт горячим плоским языком — и пошёл к следующему. Он относился к своему

делу чрезвычайно серьёзно, как слон, ищущий земляные орехи в стоге сена, и не видел в своих действиях ничего смешного. Ведь не для смеха же на самом деле выдумывала всё это сама природа. Уж она-то знала, что делала!

Временем своим Тэр располагал более или менее свободно и за лето, действуя по своей системе, добывал добрую сотню тысяч кислых муравьёв, сладких гусениц и разных сочных насекомых, не говоря уж о целых полчищах гоферов и маленьких горных кроликов. Вся эта мелюзга помогала ему нагулять впрок необходимые запасы жира, за счёт которых он жил во время долгой зимней спячки. Вот поэтому-то природа и превратила его зеленовато-карие глазки в пару микроскопов, безошибочных на расстоянии нескольких футов и почти бесполезных на расстоянии в тысячу ярдов.

Только он собрался перевернуть новый камень, как вдруг замер на месте и целую минуту простоял, почти не шелохнувшись. Потом голова его медленно наклонилась к самой земле. Чуть внятный, необычайно привлекательный запах доносился до него. Запах был до того слаб, что Тэр боялся шевельнуться — как бы не потерять его направление. Так и стоял, пока не убедился, что

не ошибается. Поводя носом и принюхиваясь, он спустился на два ярда ниже. Запах усилился. Ещё два ярда — и запах привёл его к каменной глыбе. Она была огромна и весила фунтов двести. Но правая лапа Тэра отшвырнула её, словно мелкую гальку. Сейчас же из-под неё раздалось яростное, протестующее верещанье, и маленький полосатый горный бурундук метнулся оттуда. Он угодил прямо под левую лапу Тэра, которая обрушилась на него с силой, способной сломать шею карибу. Но Тэра привлёк сюда не запах самого бурундука, а аромат припасов, которые тот хранил под камнем. И всё это сокровище — с полпинты[13] земляных орехов, заботливо сложенных в небольшой впадине, выстланной мхом, — досталось ему в целости и сохранности. Орехами их, собственно говоря, только называют. А походили они скорее на картофелины размером с вишню и были крахмалистыми, сладкими и очень питательными. И Тэр, урча, лакомился ими в полном упоении. Поиски его завершились пиршеством.

Гризли не слышал Ленгдона, подбиравшегося к нему по расщелине всё ближе и ближе, и не чуял его — ветер, как на грех, дул в сторону человека.

---

[13] Примечания: 13
Пи́нта — 0,567 л.

О ядовитом запахе, так обеспокоившем его час назад, Тэр уже забыл. Настроение у гризли было самым радужным. Ведь природа наделила его добродушным нравом. Потому-то Тэр и был таким толстым и гладким. Раздражительные медведи со злобным, вздорным характером всегда тощие. И настоящий охотник отличит такого с первого же взгляда — он всё равно что взбесившийся слон, отбившийся от стада.

Тэр продолжал свои поиски пищи, подвигаясь всё ближе к расщелине. Он был уже всего в каких-нибудь полутораста ярдах от неё, когда услышал шум, заставивший сразу насторожиться.

Взбираясь по отвесной стене ущелья, Ленгдон нечаянно столкнул камень. Тот сорвался и, падая, увлёк за собой другие, которые с грохотом обрушились вниз. Притаившийся внизу оврага Брюс беззвучно выругался. Он увидел, как Тэр сел на задние лапы, и приготовился стрелять, если гризли пустится наутёк.

Секунд тридцать Тэр сидел на задних лапах, а затем неторопливой рысцой решительно направился к ущелью. Тем временем Ленгдон, задыхаясь и проклиная в душе своё невезение, из последних сил старался одолеть десять футов, оставшихся до края ущелья. Он услышал крик

Брюса, но не понял предупреждения. Он цеплялся за скалу, силясь как можно быстрей покрыть последние три-четыре фута, и был уже почти наверху, когда, замешкавшись на миг, поднял глаза. Сердце его забилось так, что, казалось, выскочит. Секунд десять он не в силах был шевельнуться. Взгляд его остановился…

Прямо над ним нависали невероятных размеров голова и огромное плечо чудовища. Тэр смотрел на Ленгдона сверху, разинув пасть и оскалив клыки. Глаза медведя горели зелёными и красными огнями. В этот миг гризли впервые воочию увидел человека. Всей своей огромной грудью вдохнул он горячий человеческий запах и вдруг кинулся от этого запаха прочь, как от чумы.

Ружьё оказалось прижатым грудью Ленгдона к скале, и о стрельбе нечего было и думать. С бешеной энергией карабкался охотник вверх, преодолевая последние футы. Камни и щебень скользили и сыпались вниз. Но только через минуту удалось ему подтянуться к краю обрыва и взобраться на него.

Тэр был уже на расстоянии доброй сотни футов. Вперевалку, катясь, как шар, мчался он к расщелине. Снизу, из оврага, резко ударило ружьё Отто.

Упав на правое колено и облокотившись на левое, Ленгдон открыл огонь с полутораста ярдов.

…Случается порой, час, а то и всего минута изменит вдруг судьбу человека. За десять секунд, промелькнувших после первого выстрела из лощины, изменился и Тэр. Он надышался человеческим запахом. Он увидел человека. А теперь почувствовал, что такое человек, на собственной шкуре. Точно одна из тех молний, которые так часто на его глазах раскалывали тёмные небеса, сверкнув, обрушилась на него, войдя в тело раскалённым ножом. И одновременно с болью ожога, пронизавшей всё тело гризли, до него докатился непонятный грохот, отдавшийся эхом в горах. Тэр уже взбирался по склону горы, когда пуля ударила его, расплющившись о жёсткую шкуру и пробив мякоть предплечья. Кости она, однако, не задела.

Он был в двухстах ярдах от ущелья, когда первая пуля угодила в него, и почти в трёхстах, когда его настигла вторая. На этот раз пуля попала в бок.

Ни один выстрел пока ещё не ранил эту громадину всерьёз. Её не уложили бы и двадцать таких выстрелов. Но второй остановил медведя. С яростным рёвом зверь обернулся назад. Громовый голос раскатился на четверть мили по долине, точно рёв бешеного быка.

Брюс услышал медведя одновременно со своим

шестым, совершенно бессмысленным выстрелом с семисот ярдов. Ленгдон в эту минуту перезаряжал ружьё. Секунд пятнадцать Тэр, подставляя грудь под пули, бросал своим рёвом вызов. Он вызывал на бой врага, которого ему уже не было видно. Но вот по спине зверя огненным кнутом хлестнул седьмой выстрел Ленгдона, и, подстёгнутый неодолимым ужасом перед молниями, сражаться с которыми было ему не под силу, Тэр кинулся дальше, через расщелину.

Он слышал и другие выстрелы, звучавшие, как гром, но не похожие на тот гром, что ему приходилось слышать в горах. Пули уже не доставали медведя. Преодолевая боль, он стал спускаться в лощину.

Гризли знал: он ранен, но никак не мог разобрать, что это за раны. Когда во время спуска он задержался ненадолго, на земле под его передней лапой быстро набежала небольшая лужица крови. Недоверчиво, с изумлением обнюхал он её и зашагал на восток. Вскоре на него снова резко пахнуло человеком. Теперь запах доносил переменившийся ветер. И, хотя Тэру очень хотелось лечь и зализать раны, он припустился вперёд ещё быстрее. За это время зверь крепко усвоил: человеческий запах и боль неразлучны.

Спустившись в низину, гризли скрылся в густом лесу. Сотни раз Тэр поднимался и спускался по этому ручью. Здесь пролегал главный путь, ведущий из одной половины его владений в другую. Инстинктивно зверь выбирал эту дорогу всякий раз, когда бывал ранен или нездоров, а также и тогда, когда наступало время залечь в берлогу. На то у него была особая причина.

Здесь, в этих почти непроходимых чащах у ис-

токов ручья, он родился. И медвежонком пасся на здешней кумавике и дикой смородине, на мыльнянке[14] и сумахе[15]. Здесь был его дом. Здесь ему никто не мешал. Это было единственное во всех его владениях место, вторгаться в которое не разрешалось ни одному медведю. Вообще же он относился к своим собратьям вполне терпимо, какими бы они ни были: чёрными ли, бурыми или гризли. Пусть себе греются на самых вольготных солнечных склонах в его угодьях, лишь бы проваливали при его приближении. Пусть ищут пропитание и спят на солнышке, пусть живут в мире и согласии, лишь бы только не посягали на его владычество. Тэр был настоящим медведем и не прогонял сородичей из своих угодий, разве что (тут уж ничего не поделаешь!) приходилось иногда напоминать, кто здесь является Великим Моголом[16]. Случалось время от времени и такое. Тогда разгоралась битва. И каждый раз после боя Тэр спускался в эту долину и шёл к ручью

---

[14] Примечания: 14

Мыльня́нка — многолетнее травянистое растение из семейства гвоздичных; обладает целебными свойствами.

[15] Примечания: 15

Сума́х — кустарник, листья которого содержат дубильное вещество.

[16] Примечания: 16

Вели́кий Мого́л — титул бывших монгольских властителей Индостана; *здесь* властный, могущественный.

подлечить свои раны.

Сегодня он брёл знакомым путём медленней, чем обычно. Страшно болело предплечье. Минутами боль была так сильна, что лапы его подгибались и он спотыкался.

Несколько раз гризли заходил в ручей по плечи, давая холодной воде хорошенько промыть раны. И мало-помалу кровотечение прекратилось. Но боль стала ещё нестерпимей.

Была и другая причина, почему Тэр избирал этот путь, когда бывал нездоров или получал какие-нибудь увечья. Путь вёл к зелёной лужайке с жидкой грязью — его лечебнице.

Солнце садилось, когда медведь наконец добрался туда. Нижняя челюсть его отвисла. Голова всё ниже склонялась к земле. Он потерял много крови и выбился из сил, а боль в плече мучила так сильно, что гризли хотелось только одного — вцепиться зубами в этот непонятный огонь и рвать, рвать его в клочья.

Грязевая ванна имела футов двадцать — тридцать в диаметре. Посредине отстоялось зеркальце чистой воды… Грязь была жидкой, прохладной, золотистого цвета, и Тэр погрузился в неё по плечи. Затем он осторожно привалился на раненый бок. Прикосновение прохладной глины к

больному месту действовало, как целительный бальзам. Она залепила рану, и Тэр почувствовал облегчение.

Долго ещё лежал он на этом мягком и прохладном ложе. Солнце зашло, сгустились сумерки, яркие звёзды высыпали на небе, а Тэр всё ещё лежал, исцеляя первые раны, нанесённые ему человеком.

Глава 4
Планы охотников

На опушке леса, в котором ель перемешалась с пихтой, сидели Ленгдон и Отто и курили трубки. Костёр уже догорал, и последние красные угольки тлели у их ног. В горах на этой высоте по ночам бывает холодно, и предусмотрительный Брюс поднялся и подбросил новую охапку сухих еловых веток. Затем снова поудобнее улёгся, растянувшись во весь свой рост, положил голову на корни ближнего дерева и рассмеялся.

— Смейся, смейся, чёрт побери! — проворчал Ленгдон. — Говорят же тебе, я дважды попал в него, Брюс. Уж дважды-то как пить дать! А ведь я был в чертовски незавидном положении!

— Особенно когда он смотрел сверху и ухмылялся тебе в лицо, — возразил Брюс, не упускавший возможности посмеяться над неудачей товарища. — Джимми, ведь на таком расстоянии ты бы мог и камнем его пристукнуть.

— Но ружьё-то было подо мной! — в который уж раз оправдывался Ленгдон.

— Что и говорить, самое подходящее место для ружья, когда идёшь на гризли, — не унимался Брюс.

— Тебя бы на эту кручу! Цеплялся и руками и ногами… Ещё немного, и пришлось бы пускать в ход зубы. — Ленгдон сел и, выколотив пепел из трубки, заново набил её. — Брюс, а ведь это самый большой гризли в Скалистых горах!

— И его шкура уже могла бы стать украшением для твоего рабочего кабинета, Джимми, если бы ружьё не оказалось под тобой.

— Она и будет его украшать. Я не отступлюсь, — торжественно объявил Ленгдон. — Решено. Разбиваем здесь лагерь. Я доберусь до него, пусть придётся потратить хоть целое лето. Я не променяю его и на десяток других. Девять футов, а то и больше! Голова в бушель[17]. А шерсть на плечах дюйма на четыре. И мне, пожалуй, даже не жаль, что я не убил его. Ему всыпали, и впредь он будет держать ухо востро. Теперь охота становится по-настоящему интересной.

— Безусловно, — подтвердил Брюс. — Особенно если снова повстречаться с ним в ближайшие дней семь, пока раны у него ещё побаливают.

---

[17] Примечания: 17
Бу́шель — около 35 литров.

Только смотри, Джимми, лучше уж не прячь тогда ружьё под себя… Не стоит…

— А как ты смотришь на то, чтобы стать здесь лагерем?

— По мне, так лучше и не придумаешь: дичи сколько угодно, хорошее пастбище, чистая вода.

Помолчав, Брюс добавил:

— Рана у него нелёгкая. Когда он был на вершине, кровь из него так и хлестала.

При свете костра Ленгдон взялся за чистку ружья.

— А как по-твоему, он не удерёт?.. Не может случиться, что он уйдёт отсюда совсем?

Брюс даже крякнул от негодования.

— Удерёт?.. Чтоб он да сбежал? Он, может, и удрал бы, будь он чёрным медведем. Но он — гризли. Хозяин в этих местах. Может статься, он некоторое время и будет избегать этой долины, но бьюсь об заклад, уходить отсюда и не подумает. Чем сильнее донимаешь гризли, тем больше он лезет на рожон. Ты гоняешь его, не давая ему передышки, а он лезет на рожон всё отчаянней. Пока не сдохнет. И если тебе так приспичило, то мы его, конечно, заполучим.

— Да, приспичило, — повторил Ленгдон с ударением. — Его размеры побивают все рекорды, или

я ничего не смыслю. И он нужен мне, Брюс. До зарезу… Как ты думаешь, удастся нам выследить его утром?

Брюс покачал головой.

— Дело не в том, чтобы выследить, — заметил он, — а в самой охоте. После того как на него нападут, гризли всё время переходит с места на место. Из этой округи он не уйдёт, а вот на открытых склонах больше уже не покажется. Метусин должен быть здесь с собаками дня через три-четыре. Вот когда мы пустим в дело свору эрделей [18], тогда пойдёт потеха.

Ленгдон взглянул на огонь через отполированный канал прочищенного ствола и сказал с явным сомнением:

— Не верится мне, чтобы он нагнал нас и через неделю. Уж очень гиблыми местами мы шли…

— Ну, этот старый индеец не сбился бы с нашего следа даже на голых скалах, — убеждённо заявил Брюс. — Он будет здесь дня через три, не больше, разве что собаки по глупости будут слишком уж лезть в драку с дикобразами и перекалечатся. А когда они прибудут… — Брюс встал и потянулся всем телом, — вот тогда-то и пойдёт потеха, — за-

---

[18] Примечания: 18
Порода охотничьих собак.

кончил он. — По-моему, медведей в этих горах такая пропасть, что не пройдёт и десяти дней, как все наши собаки будут перебиты… Хочешь пари?

Ленгдон щёлкнул замком, ставя ствол ружья в боевое положение.

— Я доберусь до этого медведя, — сказал он, пропуская предложение Брюса мимо ушей, — и, думаю, мы сделаем это завтра же. Ты, Брюс, конечно, собаку съел по части охоты на медведя, но мне всё-таки кажется, что рана у него слишком тяжёлая, чтобы он забрёл очень уж далеко.

Около костра у них были устроены постели из мягких веток пихты, и, последовав его примеру, Ленгдон расстелил одеяла.

День выдался трудный, и усталость взяла своё. Не прошло и пяти минут, как Ленгдон уснул.

Он всё ещё спал, когда на рассвете Брюс выбрался из-под одеяла. Тихо, чтобы не разбудить товарища, натянул сапоги и четверть мили прошагал по густой росе за лошадьми. Через полчаса он вернулся, ведя Дишпен и верховых лошадей. Ленгдон уже был на ногах и разводил огонь. Ленгдон часто думал, что именно такие вот утра, как это, и помогли ему в своё время разочаровать врачей. Ровно восемь лет назад он впервые попал на север. У него была впалая грудь и больные лёгкие.

«Ну что ж, поезжайте, молодой человек, раз уж вы так настаиваете, — сказал один из врачей, — но вы отправляетесь туда на собственные похороны». Теперь же его грудная клетка стала шире на целых пять дюймов, а мускулы — железными.

Из-за гор просочились первые розовые лучи восходящего солнца. Ленгдон всей грудью вдыхал воздух, напоённый ароматом цветов, росы, растений, и вливающее новые силы благоухание пихты. Он не мог, подобно Брюсу, сдерживать радость, доставляемую ему жизнью на лоне природы. Ему хотелось кричать, петь, свистеть. Но сегодня он держал себя в руках, хотя его и трясла охотничья лихорадка. То же самое, правда, не так бурно, переживал и Отто.

Пока Брюс седлал лошадей, Ленгдон замесил пресные лепёшки. Он освоил до тонкостей всю премудрость пекарного искусства охотника. И его метод заключал в себе двойное преимущество: избавлял от хлопот и экономил время. Он развязал один из тяжёлых брезентовых мешков с мукой, примял верхний слой кулаками и сделал углубление в муке; влил пинту воды, полчашки жира карибу, добавил вместо дрожжей столовую ложку пекарного порошка, щепотку соли и принялся месить тесто прямо тут же, в мешке.

Не прошло и пяти минут, как пресные хлебцы лежали на большом цинковом противне, а ещё через полчаса завтрак был готов: поджарилась баранина, сварился картофель, а пресный хлеб так пропёкся, что стал золотисто-коричневым.

Когда охотники тронулись из лагеря, на востоке уже показалось солнце. Они проехали долину и, спешившись, стали подниматься по склону горы.

Лошади послушно шли за ними.

Выйти на след Тэра было делом нетрудным: большие пятна крови оставались на земле в тех местах, где гризли задерживался, вызывая рёвом врагов на честный бой. До вершины горы они шли по оставленному медведем кровавому следу. Трижды за время спуска в долину обнаруживали охотники места, где останавливался Тэр. И на каждом из них видели следы крови, впитавшейся в землю или запёкшейся на скале. Миновали лес и вышли к ручью. И здесь, на длинной и узкой песчаной косе, следы лап Тэра заставили их замереть на месте.

Брюс не мог отвести от них глаз. Из груди Ленгдона вырвался возглас изумления. Ни тот ни другой не произнесли ни слова. Ленгдон вытащил из кармана рулетку и опустился на колени рядом со следами.

— Пятнадцать дюймов… с четвертью! — с трудом выговорил он, задыхаясь от волнения.

— Измерь ещё раз, — сказал Брюс.

— Пятнадцать… с половиной!

Брюс посмотрел на узкую теснину.

— У самого большого, какого я видел на своём веку, было четырнадцать с половиной, — произнёс он, и что-то вроде благоговейного ужаса

прозвучало в его голосе. — Его пристрелили на Атабаске, и он считался крупнейшим гризли, которого случалось убивать в Британской Колумбии… но этот, Джимми… этот ещё больше.

Они отправились дальше и ещё раз измерили расстояние между следами у края первого из водоёмов, в котором Тэр промывал свои раны. Размеры почти полностью совпадали. Теперь пятна крови попадались им лишь изредка. К десяти часам они наконец добрались до лужайки и отыскали место, где Тэр принимал грязевую ванну.

— Туго же ему пришлось, — негромко заметил Брюс. — Почти всю ночь провалялся здесь.

Движимые одной и той же догадкой, оба посмотрели вперёд. В полумиле от них горы образовали узкое ущелье. Туда не проникало солнце, мрак притаился в нём.

— Туго же ему пришлось, — повторил Брюс, не отрывая глаз от ущелья. — Пожалуй, привяжемка лошадей. Лучше уж идти дальше без них. Кто знает — может, он и здесь…

Они привязали лошадей в молодой поросли кедра и сняли с Дишпен поклажу. Затем, взяв ружья на изготовку, насторожённо вглядываясь и прислушиваясь, вступили в безмолвие и мрак

ущелья.

Глава 5
Муква

До этого длинного тесного ущелья Тэр добрался ещё на рассвете. После грязевой ванны всё тело ломило, но рану жгло уже меньше, и саднила она слабей, чем вчера. Мучила уже теперь не столько боль в плече, сколько общее недомогание. Медведь был болен, и будь он человеком, то лежал бы сейчас в постели с градусником и врач склонялся бы над ним, подсчитывая пульс.

Медленно, еле волоча ноги, тащился Тэр по ущелью. Обычно такой неутомимый в поисках съестного, сейчас он и думать не мог о еде. Есть не хотелось. То и дело гризли лакал горячим языком холодную воду из ручья. Но ещё чаще оборачивался назад и принюхивался. Он знал, что человеческий запах, загадочный гром и необыкновенная молния притаились где-то у него за спиной. Всю ночь он глаз не сомкнул. Насторожённость не покидала его и сейчас.

У Тэра не было рецептов для каждой отдельной болезни, и премудрость ботанической науки была ему недоступна. Но, создавая его, природа

предначертала гризли быть самому себе лекарем. И, как кошка ищет мяту, так же точно и Тэр, когда ему нездоровилось, искал свои лекарственные травы.

Горький вкус имеет не только хина. Все лекарства Тэра были тоже горькими. Пробираясь по ущелью, гризли, не поднимая низко опущенной головы, внимательно обнюхивал молодую поросль и частый кустарник, то и дело попадавшиеся на пути. Так он набрёл на небольшой зелёный участок, заросший кинникиником — красной толокнянкой, этим низко стелющимся по земле растением не выше двух дюймов, с

красными ягодами с горошину величиной. Сейчас они были ещё зелёные. Горькие, как желчь, эти ягоды содержали вяжущее подкрепляющее вещество. И Тэр поел их. Потом он отыскал ягоды мыльнянки, растущие на кустах, напоминающих смородиновые; на них ягоды уже начинали краснеть и были значительно больше смородиновых. Индейцы едят мыльнянку при лихорадке. Прежде чем продолжать свой путь, Тэр обобрал их немного. Они тоже были горькие. Наконец, принюхиваясь к каждому дереву, он нашёл то, что ему было нужно: сахарную сосну, из ствола которой местами сочилась свежая смола. Редкий медведь не задержится у сахарной сосны, когда на ней выступает смола. Это и было основное лекарство Тэра, и он принялся её слизывать. Поглощая смолу, гризли поглощал вместе с ней и все известные медицине лекарства, которые приготовляют из этого вещества. К тому времени, когда Тэр подошёл к концу ущелья, его брюхо было набито разными снадобьями, словно аптекарский склад. В число лекарств входила также хвоя ели и пихты. Больная собака ест траву, больной медведь — хвою пихты, если только ему удаётся разжиться ею. Медведь набивает ею весь желудок и кишечник также и за час до того, как

завалится в берлогу.

Солнце ещё не взошло, когда Тэр добрался до конца ущелья, задержавшись ненадолго у входа в низкую пещеру в отвесной стене горы. С тех пор как он помнил себя, только эту пещеру считал он своим родным домом. Пещера была небольшая, но очень глубокая. Весь пол её был устлан мягким белым песком. Когда-то, давным-давно, весенний поток просочился через трещину и выточил в горе эту пещеру, в глубине которой так сладко спится, даже когда снаружи температура опускается до пятидесяти градусов ниже нуля.

Десять лет назад мать Тэра забралась сюда и проспала в пещере всю зиму. А когда вышла весной, то за ней неуклюже ковыляло трое маленьких медвежат. Одним из них был Тэр. Он был ещё полуслепым, и тельце его было почти голым — ведь медвежонок начинает видеть только через пять недель после появления на свет и в это же время начинает обрастать шерстью. С тех пор Тэр уже восемь раз отсыпался в родной пещере.

Захотелось войти и отлежаться в глубине, пока не станет лучше. Минуты две-три гризли постоял в нерешительности у входа в свою пещеру, с наслаждением втягивая знакомый запах, затем принюхался к ветру, потянувшему снизу

из ущелья. Что-то подсказывало, что лучше не задерживаться.

С западной стороны ущелья начинался крутой подъём на вершину скалы, и Тэр стал взбираться по нему. Солнце уже успело взойти довольно высоко, когда гризли добрался до вершины. Он задержался там, чтобы перевести дух и оглядеть сверху свои владения по ту сторону горного хребта.

Перед ним открылась долина, ещё более сказочная, чем та, в которую недавно пришли Брюс и Ленгдон. С того места, где стоял Тэр, вся она казалась каким-то волшебным садом. В ширину она достигала добрых двух миль. Её обступали зелёные горы. До их середины, до той границы, выше которой деревья уже не растут, были разбросаны причудливыми, живописными группами на фоне ярко-зелёных трав ель и пихта. Одни — не больше декоративных кущ, искусственно высаженных в городском саду. Другие тянулись на целые акры и даже десятки акров. А у подножия склонов — непрерывная кайма леса. И в этих естественных границах простиралась холмистая, пересечённая равнина, вся пестрящая розовыми зарослями иван-чая и горного шалфея, зарослями шиповника и боярышника. По её лощине бежал ручей.

Спустившись ярдов на четыреста, Тэр повернул на север. Теперь он двигался по зелёному склону, перекочёвывая от одного перелеска к другому, проходя в полутора-двух сотнях ярдов над опушкой леса. Обычно в таких местах он охотился за мелкой дичью.

Толстые сурки уже вылезли погреться на солнышке. И их протяжный, ласкающий слух посвист уже слышался сквозь журчание горных потоков и наполнял воздух музыкой. Где-то рядом, рукой подать, то и дело раздавался резкий предостерегающий свист, и сурки распластались на земле, ожидая, пока огромный медведь не пройдёт своей дорогой. Посвистывание разом умолкало, и некоторое время слышалось одно только безмятежное бормотание дремлющей долины.

Но Тэру и в голову не приходила мысль об охоте. Дважды повстречался дикобраз — любимейшее лакомство, а гризли прошёл мимо, даже не взглянув. Из чащи пахнуло тёплым, свежим запахом карибу, а он и шагу не сделал к зарослям. Проходя мимо тёмной и узкой расщелины, Тэр услышал запах барсука.

Два часа, не останавливаясь, он всё шёл и шёл на север по горным склонам, а потом спустился

к ручью.

Залепившая рану грязь начинала твердеть; отыскав заводь, медведь зашёл в воду по плечи и постоял так несколько минут. Вода промыла раны. Ещё два часа брёл он по ручью, то и дело припадая к воде. И вот наступил, как говорят индейцы, сапусууин — прошло шесть часов после грязевой ванны. Ягоды кинникиника и мыльнянки, смола сахарной сосны, хвоя пихты и ели, вода — всё вместе наконец-то оказало своё действие. Тэр почувствовал облегчение. Стало настолько лучше, что впервые за всё это время гризли обернулся в сторону, где остались враги, и зарычал.

Плечо всё ещё саднило, но недомогание как рукой сняло. Несколько минут простоял гризли не двигаясь, раз за разом оглашая округу рычанием, раскаты которого приобрели теперь новый смысл.

До сих пор зверь ни разу не испытывал настоящей ненависти… Он бился с медведями, но его ярость в бою не была ненавистью. Она начиналась у гризли мгновенно и так же быстро проходила, не оставляя после себя теперешней непрерывно нараставшей злобы. Он просто зализывал раны, нанесённые вражескими когтями, и испытывал полное блаженство, стоило только

унять боль. Новое же чувство было совершенно иным.

Ненависть к вчерашним врагам сейчас была так велика, что он не мог забыть о ней ни на минуту. Он ненавидел и запах человека, и само странное существо с белым лицом, карабкающееся по расщелине. Его ненависть простиралась на всё, что было связано с тем и другим.

Это чувство пробудил в нём инстинкт, а только что пережитое не давало ему задремать. Хотя до этого он ни разу в глаза не видел ни одного человека, гризли сразу же понял, что перед ним — самый заклятый враг, и притом страшнее всех зверей в горах.

Он схватится с любым медведем. Не уступит самой бешеной из волчьих стай. Но от человека нужно бежать! Прятаться! Быть всё время настороже и в горах, и в долинах! Нужно постоянно присматриваться, прислушиваться, принюхиваться!

Почему Тэр сразу же, как только это существо ничтожных размеров ворвалось в его жизнь, почувствовал и понял, что перед ним враг, страшнее которого быть не может, остаётся загадкой природы…

В Тэре заговорил инстинкт, который выработался у медведей с незапамятных времён. Человек с дубиной, а позднее — человек с копьём, закалённым на огне, человек со стрелами с кремнёвыми наконечниками, человек с капканом и западнёй и, наконец, человек с ружьём — на протяжении веков человек был единственным властелином и повелителем гризли. Сама природа внушила это Тэру через сотню, тысячу, десяток тысяч поколе-

ний предков. И теперь впервые в его жизни этот дремавший в нём инстинкт проснулся, предостерегая и настораживая, и гризли всё понял. Он возненавидел человека. Отныне и впредь он будет ненавидеть всё, что имеет запах человека.

Но вместе с этой ненавистью родилось то, чего он не знал раньше: страх. И если бы человек не донимал Тэра и весь его род, то мир так никогда бы и не узнал гризли под его теперешним родовым именем: Страшный медведь. А он всё шёл вдоль ручья своей неуклюжей, но твёрдой походкой. Голова его была низко опущена. Задними лапами он переступал вперевалку, как все медведи, только у гризли это получается особенно смешно. Клик-клик-клик! — стучали его длинные когти по камням и резко скрежетали по гравию. На мягком песке он оставлял огромные следы.

Та часть долины, в которую он сейчас вступил, имела для него особое значение, и здесь он замешкался, то и дело останавливаясь и поводя носом из стороны в сторону.

Тэр не приносил обета единобрачия, но вот уже много брачных сезонов подряд являлся сюда в поисках своей Исквау. Он всегда мог рассчитывать, что найдёт её здесь в июле. Это была великолепная медведица, приходившая с запа-

да, крупная и сильная, с золотисто-коричневой шкурой. Красивей медвежат, чем у них с Тэром, не было в этих горах.

Исквау расставалась с Тэром ещё задолго до их появления на свет, и они рождались, прозревали, жили и дрались в долинах и на горных склонах где-то далеко на западе. Проходили годы. И если Тэру случалось потом преследовать кого-нибудь из них, выгоняя из своих охотничьих угодий, или разукрасить как следует в схватке, то природа милостиво оставляла его в неведении на этот счёт.

Он был таким же, как и большинство раздражительных старых холостяков, — недолюбливал малышей. Он был снисходителен к медвежатам лишь настолько, насколько способен какой-нибудь закоренелый женоненавистник быть снисходительным к розовому младенцу. Но жестоким он не был и за всю свою жизнь не убил ни одного медвежонка. Трепал он их немилосердно, когда они набирались нахальства и приближались к нему совсем близко. Но колачивал их при этом только мягкой подушечкой лапы и не сильно — так, чтобы медвежонок только отлетел, перекувыркиваясь, как пушистый маленький мячик. Этим и ограничивалось выражение неудовольствия Тэра, когда какая-нибудь случайно

забредшая медведица-мать вторгалась со своими чадами в его владения. Во всех же остальных отношениях он вёл себя безупречно, как истый джентльмен. За ним никогда не водилось такого, чтобы он стал прогонять медведицу с медвежатами, как бы она ни была ему неприятна. Даже если заставал их поедающими убитую им добычу, и то ограничивался только тем, что давал медвежатам шлепка.

Отступить от этого правила ему пришлось лишь однажды. Год назад он с позором изгнал отсюда одну форменную Ксантиппу[19]. Эта

[19] Примечания: 19

Ксанти́ппа — жена греческого философа Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения злой, сварливой женщины.

медведица упорно старалась внушить ему, что никакой он не хозяин здесь. Гризли для поддержания своего мужского достоинства пришлось задать ей основательную взбучку. Она удирала из его царства со всех ног, и трое злых медвежат неслись за ней, подпрыгивая, как чёрные игрушечные шары, надутые воздухом.

Рассказать об этом следовало, так как иначе читателю будет непонятно то внезапное раздражение, которое охватило Тэра, когда он, огибая кучу валунов, почувствовал этот тёплый и, главное, так хорошо знакомый ему запах. Остановившись, он повернул голову и негромко проворчал какое-то своё медвежье ругательство.

В шести футах от него находился медвежонок, один-одинёшенек. Раболепно распростёршись на белом песке, извиваясь и дрожа, он не знал, друг перед ним или враг. Ему было не больше трёх месяцев. Он был ещё слишком мал, чтобы странствовать одному, без матери. Острая рыжая мордочка и белое пятно на грудке свидетельствовали о его принадлежности к семейству чёрных медведей, а не к гризли. Всем своим видом он старался дать понять: «Я потерялся… Не знаю, то ли заблудился, то ли меня украли… Я голоден, и мне в пятку попала игла дикобраза». Но Тэр,

не обращая на это никакого внимания, снова сердито заворчал и принялся осматривать скалы, отыскивая мать.

Её нигде не было видно. Не слышно было и её запаха. Поэтому гризли снова повернул свою огромную голову к медвежонку.

Муска — так назвали бы его индейцы — подполз на своём животике на фут или два поближе и ответил Тэру, дружелюбно изогнувшись в знак приветствия. Потом прополз ещё полфута. Раздалось ворчание. «Ни шагу дальше, — говорило оно достаточно ясно, — а то полетишь у меня вверх тормашками!» И Муска понял и замер на месте, прижавшись к земле.

Тэр ещё раз огляделся кругом. Когда же глаза его снова обратились к Мускве, то между ними оставалось уже меньше трёх футов. Муска смущённо ёрзал по песку и жалобно хныкал. Тэр замахнулся правой лапой. «Ещё один дюйм, и ты у меня получишь!» — проворчал он. Муска весь изогнулся и задрожал. Облизнул губы красным язычком, сделав это отчасти с перепугу, а отчасти взывая к милосердию Тэра, и, несмотря на занесённую над ним лапу, подполз к гризли ещё дюйма на три. Тэр ещё раз проворчал что-то себе под нос, но уже потише. Тяжёлая лапа опустилась на песок.

В третий раз он огляделся, потянул носом и снова заворчал. Каждый старый, закоренелый холостяк, безусловно, понял бы, что он хочет сказать. «Да куда же в самом деле запропастилась мать этого малыша?» — говорило его ворчание.

Но вот что случилось дальше.

Муква подполз к раненой ноге Тэра, приподнялся, почувствовал запах незажившей раны, и осторожно лизнул её; язычок его был как бархатный. И, пока медвежонок зализывал его рану, Тэр стоял не шевелясь и не издавая ни звука. А потом

опустил свою огромную голову и обнюхал этот мягкий дружелюбный комочек. Муксва жалобно захныкал, как это делают все оставшиеся без матери дети. Тэр снова заворчал, но уже не сердито. Теперь это уже не было угрозой. Своим огромным горячим языком гризли лизнул медвежонка в мордочку.

«Ну ладно, пошли», — сказал он, снова пускаясь на север. И за ним по пятам последовал оставшийся без матери маленький медвежонок с рыжей мордочкой.

Глава 6
Тэр убивает карибу

Ручей, вдоль которого шёл Тэр, был притоком Бэбин и брал своё начало неподалёку от Скины. Идя к его истокам, гризли забирался всё выше. Местность становилась суровой и дикой. Когда ему на пути попался чёрный медвежонок Мусква, Тэр успел уйти уже миль на семь-восемь от верхней гряды Великого Водораздела.

Склоны гор отсюда выглядели уже иначе. Они были сплошь изрезаны узкими тёмными расщелинами. Во всех направлениях громоздились огромные массивы скал, зубчатые утёсы, крутые сланцевые оползни. Ручей стал бурливым, и идти по нему было всё труднее.

Тэр вступал в одну из своих горных цитаделей. Стоит захотеть, и сотни потаённых убежищ открыты для него в этих диких скалах. Здесь он в любое время убьёт для себя крупного зверя, и человеческому запаху никогда не добраться сюда.

Оставив позади скалы, в которых он нежданно-негаданно обрёл Мускву, Тэр уже полчаса продолжал всё так же неуклюже взбираться

вверх, казалось, совершенно забыв об увязавшемся за ним медвежонке. Однако он слышал, как тот идёт сзади, и чувствовал его запах. А Мускве в это время приходилось туго. Пухлое тельце и толстые лапы ещё не привыкли к такого рода путешествиям. Но это был отважный малыш, и только дважды за эти полчаса принимался он скулить: один раз, когда чуть не полетел со скалы в ручей, другой — когда слишком сильно наступил на лапу, в которой сидела игла дикобраза.

Наконец Тэр оставил ручей, свернул в одно из глубоких ущелий и шёл по нему, пока не выбрался на небольшое плато посредине широкого горного склона. Отыскал здесь скалу на солнечной стороне заросшего травой холма, остановился. Может быть, детская дружба маленького Мусквы, ласка мягкого красного язычка, пришедшаяся так кстати, а может, и стойкость медвежонка в пути затронули наконец чувствительную струнку в сердце огромного зверя, и он сжалился над малышом. Во всяком случае, старательно исследовав воздух, Тэр растянулся на земле у скалы. И, пока он первым не сделал этого, маленький медвежонок с рыжей мордочкой и не подумал ложиться. Зато стоило только Мускве лечь, он почувствовал такую смертельную усталость, что уже через три

минуты спал как убитый.

Ещё дважды среди дня принятые лекарства оказали на Тэра своё действие, и вот ему захотелось есть. Этот голод нельзя было утолить муравьями да гусеницами. Даже гоферы и сурки и то не годились. К тому же он, вероятно, догадывался, что и маленький Муксва совсем умирает от голода. Медвежонок уже не раз открывал глаза и всё ещё лежал, нежась на солнышке, когда Тэр окончательно решил, что ему делать дальше.

Было три часа дня. А в июне и в июле в долинах северных гор в это время особенно тихо и сонно. Сурки уже успели насвистеться в полное удовольствие и распростёрлись на освещённых солнцем скалах. Орлы над вершинами гор превратились в точки. Ястребы, уже набив зоб мясом, попрятались в лесу. Горные козлы и бараны залегли где-то высоко в горах, чуть ли не под самым небом. И вряд ли сейчас поблизости было хоть одно животное, которое бы ещё не наелось до отвала и не спряталось. Горным охотникам хорошо известно, что в этот час отдыха разыскать медведя, а особенно плотоядного, очень трудно. Пришлось бы, не жалея сил, обрыскать вдоль и поперёк все горные склоны и прогалины между лесными чащами.

Для Тэра этот час был самым благоприятным. Инстинкт подсказывал, что, пока все звери сыты и спят, передвигаться можно с меньшими предосторожностями, чем обычно. Сейчас было проще выследить добычу и подстеречь её.

От случая к случаю ему и раньше доводилось убить козу или барана, а то и карибу средь бела дня, потому что в беге на близкие расстояния он не только обгонял горную козу или барана, но не уступал и карибу. И всё-таки охотился он обычно на закате или в сумерках.

С громким «ууф», которое мгновенно разбудило Мускву, гризли поднялся на ноги. Медвежонок вскочил, моргая глазами, посмотрел на Тэра, на солнце и отряхнулся. Тэр покосился на этот чёрно-рыжий клубок без особого удовольствия. После наступившего облегчения душа его жаждала сочного, кровяного мяса, так же как здоровому голодному мужчине подавай хороший кусок филе, а не какие-нибудь там разносолы или салат с майонезом. Но как тут загонишь карибу, когда под ногами путается чуть ли не умирающий от голода, но такой непоседливый медвежонок? Тэр призадумался. Мусква, казалось, сам понял всё и тут же разрешил сомнения. Он забежал на дюжину ярдов перед Тэром, остановился и задорно

оглянулся на него. Маленькие уши уставились вперёд. У медвежонка был вид мальчишки, который старается убедить отца в том, что он уже подрос для того, чтобы его наконец-то взяли охотиться на зайца. Издав ещё раз своё «ууф», Тэр одним прыжком догнал Мускву и поддал ему лапой так, что тот кувырком отлетел от него на дюжину футов назад. Это было своего рода нравоучение, смысл которого был ясен без слов: «Знай своё место, если хочешь охотиться со мной!»

И вот, внимательно прислушиваясь, оглядываясь, принюхиваясь, Тэр вышел на охоту. Он спустился к ручью, не доходя примерно сотни ярдов до него. Теперь он не выбирал троп поудобней, а держался каменных нагромождений и завалов. Гризли медленно пробирался, петляя зигзагами, крался, скрываясь за огромными грудами камней, принюхиваясь к каждой расщелине и тщательно исследуя кущи деревьев и бурелом на своём пути.

То он забирался вверх, туда, где, кроме голого сланца, ничего не растёт. То спускался и брёл по песку и гальке вдоль ручья. Ветер доносил разные запахи, но ни один из них пока ещё не привлёк гризли. Он услышал запах козы, когда взобрался наверх и шёл по горному сланцу. Но так высоко гризли не охотился за крупной дичью. Дважды доносился запах барана. И только позднее, уже к концу дня, гризли увидел над собой и самого

горного барана, который смотрел на него с отвесной кручи, стоя футах в ста над ним. А на земле то и дело попадались следы дикобразов, и время от времени Тэр застывал на месте над следом карибу, подняв голову и принюхиваясь.

Здесь, в этой долине, бродили и другие медведи. Большая их часть проходила у ручья, и по всему было заметно, что это либо чёрные медведи, либо бурые. Тэр напал и на запах гризли, и его ворчание при этом не предвещало тому ничего хорошего.

Ни разу за эти два часа после ухода с нагретой солнцем скалы гризли не поинтересовался, как чувствует себя Мусква. А того голод донимал всё сильнее, и медвежонок слабел с каждым шагом.

Свет ещё не видал такого стойкого малыша, как этот медвежонок с рыжей мордочкой. Он то и дело спотыкался и падал на неровных местах. На подъёмах, которые Тэр брал одним махом, ему нужны были отчаянные усилия, чтобы не отстать от гризли. Трижды Тэр переходил ручей вброд, и каждый раз Мусква, идя следом, наполовину погружался в воду. Весь избитый, изодранный, мокрый, он, несмотря на раненую ногу, не отставал, шёл за Тэром по пятам или догонял его бегом. Солнце уже садилось, когда гризли нако-

нец заметил добычу. А Муква к тому времени был еле жив.

Он не знал, почему Тэр ни с того ни с сего прижался вдруг всей своей огромной тушей к скале, с которой удобно было заглянуть вниз, в небольшую лощину. Он хотел было захныкать, да побоялся. И ни разу ещё за всю его недолгую жизнь мать не была ему нужна так, как в эту минуту.

Медвежонок понять не мог, почему она бросила его посреди скал и так и не вернулась за ним (об этой трагедии Брюс и Ленгдон узнали несколько позднее). Никак не мог он понять и того, почему же она не приходит к нему сейчас. Ведь уже наступил час его кормёжки перед сном. Он же был мартовским медвежонком, и, согласно правилам, которых свято придерживалось большинство медведиц, его ещё целый месяц следовало кормить молоком. Таких, как он, ещё очень нежных медвежат индеец Митусин называл мюнукау.

Так как Муква был медведем, то и само его появление на свет было не совсем таким, как у других зверей. Его мать, как и все медведицы в холодных странах, произвела его на свет в берлоге ещё задолго до окончания своей зимней спячки. Она родила его, не просыпаясь. Месяц,

а то и целых полтора, пока он был ещё голым и слепым, медведица кормила его своим молоком. Сама же всё это время жила без пищи и воды, так ни разу и не открыв глаз, и, только когда этот срок истёк, выбралась с ним из берлоги на поиски чего-нибудь съестного, чтобы, проглотив кусочек пищи, поддержать свои силы.

Не прошло с тех пор и полутора месяцев, как Муква весил уже добрых двадцать фунтов. Это, разумеется, было раньше, а не сейчас, когда он был страшно голоден и истощён.

В трёхстах ярдах ниже теснились друг к другу пихты, сгрудившись у самого края маленького родникового озера, вода из которого переливала через дальний от Тэра край впадины. В этих пихтах скрывались карибу — один, а то и два или три. Для Тэра это было так же несомненно, как если бы он видел их своими глазами.

Уинирау — запах лежащего копытного животного — был для Тэра так же не похож на мечису — запах, когда оно пасётся, — как день на ночь. Один — почти неуловимо стелющийся в воздухе, — так легко и мимолётно пахнет от надушённых волос или платья прошедшей женщины. Другой — тяжело ползущий над самой землёй, густой и горячий, как запах разбитого пузырька

с духами. Даже Мусква и тот уловил этот запах, как только вполз сюда за Тэром и улёгся рядом.

Целых десять минут Тэр стоял, не шелохнувшись. Глаза его впились в лощину, в берег озера и подступы к чаще. Он точно определил направление ветра. Гризли не шевелился: отсюда легко было спугнуть дичь. Дело в том, что горы и резкая впадина создавали здесь постоянную тягу воздуха в лощину. И, случись Тэру выбраться ярдов на пятьдесят выше того места, где он сейчас притаился, чуткие карибу оказались бы от него как раз с наветренной стороны.

Навострив уши, с новым, понимающим блеском в глазах Мусква учился, как надо подкрадываться к дичи. Прижавшись к земле, Тэр почти полз на брюхе, медленно и бесшумно пробираясь к ручью. Шерсть на плечах стала у него дыбом, как у готовой к прыжку собаки. Мусква следовал за ним по пятам.

Целых сто ярдов продолжалось это продвижение в обход. И трижды за это время Тэр замирал, ловя запах со стороны деревьев. Наконец он добился своего. Ветер теперь тянул прямо на него и обещал многое. Крадучись, вперевалку двинулся он на добычу. Каждый мускул его огромного тела был напряжён до предела. Не прошло и двух

минут, как он очутился уже на опушке пихтовой чащицы и замер. Захрустел валежник. Это карибу поднялись на ноги. Но не потому, что они были спугнуты. Просто они отправлялись на водопой и на пастбища.

Теперь Тэр двигался в том же направлении, что и они. Так он добрался, скрытый листвой, до опушки леса, не упуская из виду озера и луговины. Первым появился огромный самец карибу. Рога у него уже наполовину отросли и были покрыты бархатистым пушком. Откормленный, гладкий двухлеток, блестя в лучах заходящего солнца коричневой бархатной шкурой, шёл за ним следом.

Первый олень замер, минуты две недоверчиво вслушиваясь, всматриваясь, принюхиваясь, не появятся ли где какие-нибудь признаки опасности. Молодой же, ещё не такой подозрительный, как первый, щипал траву, стоя позади него. Затем, величаво шевельнув рогами и опустив голову, старый олень не спеша направился к озеру на вечерний водопой. Двухлеток пошёл следом… а Тэр тем временем бесшумно выбрался из засады.

Мгновение — и, весь подобравшись, он кинулся вперёд. До карибу было пятьдесят футов. И, когда животные услышали его, он, катясь, как огромный шар, уже пролетел половину этого расстояния.

С быстротой стрелы, пущенной из лука, прянули они от него. Но поздно. Чтобы обогнать Тэра, нужна была скорость несущегося во весь опор скакуна. Тэр к тому же успел выиграть время. Как

ветер пронёсся он, заходя вбок двухлетку, чуть подался в сторону, легко, казалось без малейшего усилия, прыгнул — и короткое состязание в беге было кончено. Огромная правая лапа Тэра обрушилась на плечо двухлетка, и в тот миг, как они оба покатились по земле, левая лапа гризли вцепилась в морду карибу и сжала её, словно гигантская рука. Падая, Тэр оказался под карибу — таков был его всегдашний расчёт при падении. Он не стал душить жертву в своих смертельных объятиях. Гризли подобрал под себя заднюю лапу, ударил ею, и все её пять ножей врезались карибу в брюхо. После этого Тэр поднялся на ноги, огляделся и, отряхнувшись, издал громовой рёв, то ли выражая им своё торжество, то ли приглашая Мускву на пир.

Второго приглашения маленький медвежонок с рыжей мордочкой дожидаться не стал. Так впервые в жизни изведал он запах и вкус тёплой крови и мяса. И случилось это в самое подходящее время в его жизни. Точно так же много лет назад пришлось их попробовать впервые и Тэру.

Отнюдь не все гризли убивают крупного зверя. Точнее, этим занимаются лишь очень немногие из них. Подавляющее же их большинство, в общем, вегетарианцы, весьма умеренно употребляющие в пищу мелкую дичь: гоферов, сурков, дикобразов. Случай время от времени превращает того или иного гризли в охотника на карибу, коз, горного барана и даже на лося.

Так некогда случилось и с Тэром. Теперь и Мускве предстояло стать таким же, как Тэр, хотя он и был всего лишь чёрным медведем и не принадлежал к семейству Страшных медведей.

Пиршество их длилось целый час. Они не набрасывались на пищу, как это делают, например, голодные собаки, а ели не спеша. Пристроившись между огромными передними лапами Тэра, Муква слизывал кровь и урчал, как котёнок, разжёвывая мелкими зубками нежную мякоть карибу. Тэр же, хотя в животе у него было пусто, как в комнате, из которой вывезли всю мебель, по своему обыкновению, прежде всего принялся за самое лакомое. Он извлекал тонкие жировые прослойки с почек и кишок и жевал их, чавкая и полузакрыв глаза.

Последний луч солнца угас в горах, и вслед за короткими сумерками быстро сгустилась тьма.

Когда они кончили, было уже совсем темно, и малыш Муква раздулся так, что стал похож на шар.

Из всех педантов, каких только природа когда-либо производила на свет, Тэр был самым неисправимым. По его мнению, ничто не должно было тратиться даром. И явись сейчас сюда старый самец-карибу и подойди он сам прямо к Тэру, гризли, скорее всего, не тронул бы его. Пища у него была, и теперь единственное, что заботило его, — это как припрятать её понадёжней.

Он вернулся к пихтовой чаще. Но на этот раз облопавшийся медвежонок и не подумал сопровождать его. Он был в полном блаженстве, и что-то подсказывало ему, что Тэр никуда не уйдёт от оставшегося у них мяса. Минут через десять гризли подтвердил справедливость этого мнения, вернувшись назад.

Своими огромными челюстями он ухватил карибу за загривок, затем потащил его к лесу, точно собака, волокущая десятифунтовый оковалок сала. А молодой олень весил фунтов четыреста. Но если бы он даже весил восемьсот или тысячу, то и тогда Тэр потащил бы его. Правда, будь туша такой тяжёлой, он взвалил бы её себе на спину.

Тэр отволок карибу на опушку пихтовой чащи,

где уже заранее подыскал подходящую впадину. Швырнул в неё остатки карибу и, пока Мусква со всё более возрастающим интересом наблюдал за ним, принялся заваливать их хвоей, валежником, а сверху придавил бревном. Затем, принюхиваясь, поводил вокруг носом и выбрался из леса.

На этот раз и Мусква пошёл за ним следом, хотя настолько отяжелел, что ему было трудно передвигаться. Звёзды уже начали высыпать на небе. При их свете Тэр шёл по крутому, неровному склону, который вёл к горным вершинам. Всё выше и выше забирался он — на такую высоту Мускве ещё ни разу не приходилось подниматься. Пересекли снежное поле, а затем вышли к месту, где извержение вулкана, казалось, вывернуло все внутренности горы наружу. Вряд ли человеку удалось бы пройти тем путём, которым Тэр вёл Мускву. Наконец гризли остановился.

Он стоял на узком уступе. Скала отвесной стеной подымалась позади него. Вниз из-под самых его ног спадали в хаотическом беспорядке нагромождения развороченных скал и сланцевых оползней. Далеко внизу чернела, как бездонная пропасть, долина.

Тэр улёгся и впервые с тех пор, как был ранен, вытянулся, опустил голову на землю между огромными передними лапами и глубоко, с на-

слаждением вздохнул. Муксва прикорнул у него под боком, так что огромное тело гризли согревало его своим теплом, и оба они, сытые до отвала, заснули глубоким, безмятежным сном. А звёзды всё ярче разгорались над ними, и луна всходила, заливая своим золотым сиянием вершины гор и долину.

Глава 7
Брюс уточняет факты

Когда Ленгдон и Брюс перевалили через хребет и спустились в долину, лежащую на запад от него, день — тот самый, когда Тэр покинул своё грязевое ложе, — был уже в самом разгаре. В два часа Брюс пошёл обратно к лошадям, оставив Ленгдона на высоком горном кряже наблюдать в бинокль за окрестностями. Через два часа после того, как проводник вернулся с поклажей, они медленно пошли вдоль по ручью, над которым до них прошёл гризли. Даже оттуда, где они разбили лагерь, до места встречи Тэра с Мусквой оставалось мили две, а то и три.

Следы гризли на песчаной отмели у ручья пока ещё не попадались. Но Брюс не терял уверенности. Он знал, что Тэр держал свой путь по гребню.

— Если ты, вернувшись из этих краёв, вздумаешь писать о медведях, не валяй хоть ты дурака, как большинство всех этих писак, — сказал Брюс, когда они сидели, покуривая трубки после ужина. — Два года назад подрядился я на месяц к

одному натуралисту и так ему угодил, что он пообещал прислать мне целую кучу книг о медведях и разном зверье. Ну и прислал!.. Прочёл я эти книги. Сначала смеялся, а потом так разозлился, что сжёг их. Медведи — очень занятные звери, но о них и так можно рассказать уйму интересного. Поэтому совсем не обязательно плести разную чушь да срамиться. Это уж точно!

Ленгдон кивнул.

— Нужно охотиться и убивать, убивать и охотиться целые годы, для того чтобы познать, в чём состоит подлинная радость, когда выслеживаешь крупного зверя, — медленно проговорил он, глядя на огонь. — И, как только она станет тебе доступной и овладеет всей твоей душой, поймёшь, что больше всего охота увлекает не тогда, когда убиваешь, а когда оставляешь зверя живым. Этот гризли нужен мне до зарезу, и я ни перед чем не остановлюсь, чтобы заполучить его. Я просто не уйду из этих гор, пока не убью его, и всё тут. Но вместе с тем нам ведь ничего не стоило убить сегодня двух других медведей, а я и не подумал стрелять. Я постепенно познаю эту игру, Брюс, и начинаю входить во вкус подлинной охотничьей радости. А когда охотишься с умом, то узнаёшь факты по-настоящему. Можешь не беспокоиться:

когда я засяду писать, то буду излагать только то, что видел. — Неожиданно он повернулся и посмотрел на Брюса. — А что это были за «глупости», которые ты вычитал в тех книгах? — спросил он.

Брюс задумчиво выпустил облачко дыма.

— Больше всего, — сказал он, — меня разозлили разглагольствования этих писак насчёт того, что у медведей, дескать, существуют какие-то свои особые «знаки». Боже милостивый, послушать их, так выходит, что достаточно медведю подняться во весь свой рост да сделать на дереве отметину — и вся округа будет принадлежать ему, пока не заявится другой медведь, побольше, и не переплюнет первого. В одной книге, помнится, рассказывалось, как один гризли прикатил под дерево бревно и взобрался на него, чтобы сделать отметину выше, чем она была у предыдущего. Подумать только! Да ведь отметки, которые оставляют медведи, не имеют ровно никакого смысла. Я видел когда-то, как один гризли отгрызал от дерева здоровенные щепы и скрёб их когтями, совсем как кошка. А летом, когда у них идёт линька и кожа зудит, они встают на задние лапы и, прислонившись к дереву, трутся об него. Трутся потому, что у них чешется, а вовсе не для того, чтобы оставить свою визитную карточку для

своих собратьев. Карибу, лось и олени делают то же самое, чтобы у них с рогов сошёл пушок. Кроме того, всё те же писаки считают, что у каждого гризли есть своя зона. Ну а у них этого не водится, вот не водится, да и всё тут! Я видел, как восемь гризли кормились на одном и том же склоне. Ты ведь, поди, и сам помнишь, как два года назад мы пристрелили четырёх гризли в долинке, вдоль которой и мили-то не было. Время от времени у гризли заводится свой главарь, вроде того верзилы, за которым мы с тобой охотимся. Но даже и он и то не хозяйничает в своих владениях в одиночку. Бьюсь об заклад, что в этих двух долинах обретается штук двадцать других медведей! А тот натуралист, с которым я бродил два года назад, не мог даже различить следов гризли и чёрного медведя, и провалиться мне на месте, если он знал, что такое коричневый медведь!

Он вынул трубку изо рта и яростно сплюнул в огонь. Теперь Ленгдон знал, что Брюс выложил ещё не всё. Самыми интересными для него были такие часы, когда обычно молчаливого Брюса так вот прорывало.

— Коричневый медведь! — проворчал он. — Ты только подумай, Джимми: он считал, что существует такая порода — коричневый медведь! А

когда я сказал ему, что такой породы вообще не существует и что коричневый, мол, медведь, про которого тебе случалось читать, — это просто гризли или чёрный медведь с шерстью коричневого цвета, так он поднял меня на смех. Меня, который и родился и вырос буквально среди медведей! У него глаза вылезли на лоб, когда я принялся ему рассказывать о мастях медведей, и он решил, что я ему просто голову морочу. Позже я сообразил, что, пожалуй, поэтому-то он и прислал мне эти книги. Хотел доказать мне, что прав был он… А ведь ни одна другая порода, Джимми, не имеет больше мастей и оттенков в окраске, чем медведи! Я видел чёрных медведей, которые были белы как снег, и гризли почти таких же чёрных, как чёрные медведи. Мне попадались чёрные медведи коричневого цвета и коричневые гризли. Я встречал и тех и других, которые были коричневыми, золотисто-рыжими и даже почти лимонно-жёлтыми. Масти у них так же разнообразны, как и характеры их и привычки в еде. Я пришёл к выводу, что большинство натуралистов делают так: совершат вылазку, понаблюдают за одним каким-нибудь гризли и подгоняют описание всех гризли вообще под своего знакомца. Не очень-то это красиво по от-

ношению к остальным гризли, просто чертовски некрасиво! Да ведь они не написали ни одной книги, в которой бы не говорилось, что гризли — изверг и самый страшный людоед на свете! А он совсем не такой — если, конечно, не доведёшь его до крайности. Любопытен, как козлёнок, и самого покладистого нрава — только не приставайте к нему! Большинство из них вегетарианцы, хотя и не все. Попадались мне гризли, которые охотились на горных коз, баранов и карибу. Но видал я и таких, которые добывали себе пищу на одних склонах вместе с этими животными и не делали никаких попыток напасть на них. Гризли — очень занятные существа, Джимми. И о них можно рассказывать без конца. Так зачем же ещё приплетать к этому всякие небылицы!

Брюс выколотил из трубки пепел, как бы подчёркивая этим значение своего последнего замечания. И, пока он снова набивал её, Ленгдон сказал:

— По-моему, не может быть никаких сомнений насчёт того, что уж наш-то верзила, за которым мы охотимся, специалист по крупной дичи, Брюс.

— Да как сказать… — отозвался Брюс. — Размеры медведя не всегда говорят сами за себя. Знавал

я как-то одного гризли, который и весь-то был чуть больше собаки, а жил охотой. Каждый год зимой сотни животных гибнут в этих горах, и, когда наступает весна, медведи поедают их останки. Но от того, что он отведает падали, гризли ещё не может пристраститься к убийству. Бывает, что гризли родится плотоядным, а иной раз его делает таким какой-либо случай. Но если уж ему пришлось убить один раз, то он будет убивать и в дальнейшем. Я видел раз, как коза набрела на склоне горы прямо на гризли. Медведь и не шелохнулся, но коза с перепугу кинулась очертя голову прямо на этого чудака, и он убил её. Минут десять после этого он и сам не знал, что ему делать дальше. С полчаса обнюхивал ещё тёплую тушу со всех сторон и только позднее разодрал. Так впервые он отведал тёплой крови. Я не стал убивать его. Уверен, что с тех пор он окончательно перешёл на мясо.

— А по-моему, и размеры кое о чём говорят, — возразил Ленгдон. — Мне кажется, что медведь, питающийся мясом, будет крупнее и сильнее вегетарианца.

— Вот тебе одна из тех интереснейших загадок, о которых не мешало бы написать, — отозвался Брюс, посмеиваясь. — Почему медведь толсте-

ет так, что еле ходит, именно в сентябре, когда ему почти не перепадает никакой другой пищи, кроме ягод, муравьёв да кореньев? Ты бы растолстел, питаясь одной смородиной? И почему он так вырастает за четыре, а то и за пять месяцев спячки, хотя не проглотит в это время и маковой росинки? Почему медведица кормит медвежат месяц, а то и два своим молоком, не просыпаясь? Ведь медвежата рождаются, когда она проспит чуть больше двух третей положенного срока. И почему медвежата родятся такими маленькими? Тот самый натуралист, о котором я тебе говорил, чуть не лопнул со смеху, когда я рассказал ему, что у гризли медвежонок рождается чуть побольше котёнка.

— Это просто один из тех глупцов, которые не желают учиться… И всё-таки не так уж он и виноват, — заметил Ленгдон. — Четыре-пять лет назад я бы и сам ни за что не поверил этому, Брюс. Я не мог по-настоящему поверить этому, пока мы с тобой на Атабаске не откопали из берлоги тех двух медвежат: один весил одиннадцать унций, другой — десять. Помнишь?

— И им была уже неделя, Джимми. А мать весила целых семьсот фунтов.

Некоторое время оба молча попыхивали труб-

ками.

— Трудно поверить! — заговорил Ленгдон. — И всё-таки правда. И это не причуды природы, Брюс, это результат её дальновидности. Ведь если бы величина медвежат при их появлении на свет и величина самой медведицы соотносились так же, как у котят и кошки, то медведице не прокормить бы их в течение тех недель, когда сама она живёт без пищи и без воды. Но в этом расчёте, кажется, всё-таки допущена какая-то ошибка. Ведь взрослый чёрный медведь почти в полтора раза меньше гризли, а медвежата у него при появлении на свет куда больше, чем у гризли. Почему же, чёрт возьми, так получается?

Брюс перебил друга, добродушно рассмеявшись.

— Да ведь это проще простого, Джимми! — воскликнул он. — Помнишь, как в прошлом году мы собирали землянику в долине, а два часа спустя играли в снежки, поднявшись на гору? Чем выше поднимаешься, тем холоднее, правда? Сегодня, например, первое июля, а поднимись на какую-нибудь из этих вершин, и закоченеешь. Гризли устраивается на спячку высоко, а чёрный медведь — низко! Когда там, где гризли устраивается на спячку, снегу навалит уже на четыре фута в глубину, чёрный медведь всё ещё может

подкармливаться в долинах и лесной чаще. Он заваливается спать на неделю, на две позднее гризли и встаёт весной на столько же раньше. Он жирнее в начале спячки и не такой истощённый после неё. Поэтому у чёрного медведя медвежата ещё до рождения набираются от матери больше сил. По-моему, в этом всё дело.

— Ты попал в самую точку, Брюс! — закричал Ленгдон в полном восторге. — Мне это и в голову не приходило!

— Мало ли какие полезные истины в голову не приходят, пока вдруг невзначай не столкнёшься с ними, — отозвался горец. — Ты сам говорил об этом только что… Когда начинаешь понимать, что охота не сводится только к тому, чтобы убивать, а состоит ещё и в том, что оставляешь дичь живой, — тогда именно подобные открытия и придают ей особую прелесть. Как-то раз я пролежал на вершине горы целых семь часов, наблюдая за стадом горных баранов, как они резвились, и это доставило мне больше радости, чем если бы я перестрелял всю эту братию.

Брюс встал и потянулся — обычная процедура после ужина, неизменно служившая сигналом, что он намерен отбыть ко сну.

— Хороший денёк будет завтра, — сказал он, зевая. — Посмотри, как бел снег на вершинах.

— Брюс…

— Да?

— Сколько будет в этом медведе, за которым мы гоняемся?

— Тысяча двести фунтов, а то и побольше. Я

ведь не испытал удовольствия посмотреть на него так близко, как ты, Джимми. А то мы бы сейчас уже сушили его шкуру.

— И он сейчас в самом расцвете сил?

— Да, судя по тому, как он взбирается вверх по склону, ему что-нибудь от восьми до двенадцати лет. Старый медведь не мчался бы с такой лёгкостью.

— А тебе, Брюс, попадались очень старые медведи?

— Бывали и такие, которым уже костыли впору, — отозвался тот, расшнуровывая ботинки. — Стрелял я и таких старых, что у них не оставалось уже ни одного зуба.

— И сколько же им было?

— Тридцать… Тридцать пять… а то, поди, и все сорок… Покойной ночи, Джимми.

— Покойной ночи, Брюс.

Глава 8
Мать Мусквы

Брюс уже давным-давно спал, а Ленгдон всё сидел один под звёздами. У ног его, догорая, тлел костёр. Ещё ни разу в жизни не ощущал он с такой силой, как сейчас, своего слияния с природой. Оно наполняло его каким-то непонятным смятением и вместе с тем глубочайшим спокойствием. Он начинал понимать, что после долгих лет скитаний и поисков таинственный, непостижимый дух безмолвия этих мест, дух лесов и озёр окончательно покорил его и порвать связь между ними невозможно. И он томился оттого, что ещё не поведал миру об этом, что ещё не заставил людей взглянуть на милые его сердцу дебри его, Ленгдона, глазами, чтобы и они тоже поняли.

По нескольку лет приходилось ему работать не покладая рук, чтобы хоть ненадолго вырваться в эти края. Раньше он был одержим страстью убивать — это тешило его самолюбие, и все стены его комнат были увешаны шкурами убитых им животных. А теперь что-то погасило жажду убийства. За последние несколько недель он

подарил жизнь сотне животных, которых ему ничего не стоило подстрелить. Помиловал двух медведей. Новая радость, только что открытая им, захватывала Ленгдона, медленно, но верно вытесняя из его души старое. Он не мог больше убивать просто ради удовольствия.

Ему вспомнился один странный сон, который он видел как-то раз дома, заснув за работой. Головы животных, развешанные по стенам комнаты, вдруг ожили и одна за другой повернулись к нему. Их огромные живые глаза горели огнём, обвиняя и осуждая его.

«Сорок лет»! Ему казалось, что он всё ещё слышит слова Брюса.

Если зверь может дожить до такого возраста, то сколько же лет жизни загубил он в те дни, когда считал себя удачливым охотником? Сколько лет отнял он у всех этих животных, которых убил? Сколько лет жизни загубил в один только день, когда утром на одном и том же склоне горы подстрелил трёх медведей, а вечером, в долине — двух карибу? У всех вместе — не меньше ста лет. Сто лет биения сердца за несколько минут захлестнувшей охотника страсти!

Сколько же таких лет вообще поставлено в счёт лично ему за это его подлое удовольствие? При-

стально глядя в костёр, он подсчитал, получалось — тысяча лет!

Ленгдон поднялся и пошёл прочь от лагеря. Шёл до тех пор, пока не почувствовал, что остался один на один с этим безмолвным небом и сияющими над головой звёздами. Он вслушивался в ночное бормотание долины, вдыхал глубоко, полной грудью, напоённый ароматом пихты воздух и задавал себе всё один и тот же вопрос: достиг ли он чего-нибудь этим истреблением десяти столетий жизни? И пришёл к выводу, что ничего. В тот день, когда он отнял пять жизней, он волновался ничуть не больше, чем сегодня, когда не отнял ни одной.

Теперь он утратил своё давнишнее желание подстрелить зверя, но охота от этого не потеряла для него своей прелести. Сейчас она привлекала его даже больше, чем когда-либо. Она доставляла ему теперь радости, о которых он раньше и понятия не имел. Совсем новые ощущения пришли на смену чувству минутного торжества при виде бьющегося в агонии, поверженного его смертоносными пулями зверя. Да, он будет и впредь стрелять зверя, иначе какой же из него охотник? Но никогда он больше не превратится в дикаря, опьянённого жаждой крови.

Ленгдон посмотрел на спящую долину. Он знал, что там сейчас должен прятаться Тэр. Вот это охота, настоящая охота. И он тут же поклялся себе, что будет бороться честно и по совести. Он поставил себе целью добыть Тэра и, значит, будет охотиться только за Тэром. Он радовался, что не убил его тогда, на склоне, потому что теперь, когда этот великан гризли познакомился с его пулями, охота станет ещё увлекательней. И Лен-

гдон с удовлетворением думал о том, что когда наступит развязка, то ему не придётся страдать от жгучих укоров совести.

Этот огромный зверь, которого он видел и в которого стрелял, не достанется им просто так, его не возьмёшь голыми руками. Он ещё заставит их поломать себе голову. Он будет драться отчаянно, до последнего, если дело дойдёт до драки. И

собаки, если Метусин подоспеет с ними вовремя, найдут в нём достойного противника.

Тэр получил предупреждение. После этого, если ему так заблагорассудится, он волен перекочевать в другие места, спастись бегством. Или же пусть остаётся и борется. Ленгдон знал, что Тэр выбрал борьбу, и он пошёл спать, страстно желая, чтобы поскорее наступил новый день.

Он проснулся оттого, что начался проливной дождь. Ленгдон с воплем, разбудившим Брюса, выскочил из-под одеял. Устраиваясь на ночь, они не разбили палатки. И Ленгдон слышал, как Брюс проклинал на чём свет стоит их обоих за эту глупость.

Было темно, словно в пещере. Зловещие вспышки молний разрывали небо. В горах отдавались глухие раскаты грома. Сверкнувшая молния осветила Брюса, завёрнутого в одеяла, его мокрые волосы растрепались и прилипли к длинному, худому лицу. При виде этого зрелища Ленгдон так и покатился со смеху.

— Славный денёк будет завтра, — передразнил он, повторяя слова, сказанные Брюсом несколько часов назад. — Посмотри, как бел снег на этих вершинах!

Ответ Брюса заглушил резкий удар грома.

При новой вспышке молнии Ленгдон нырнул под защиту деревьев в пихтовую чащу. Он просидел там, согнувшись в три погибели, минут пять или десять, а затем дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Гром прогрохотал, удаляясь к югу. Теперь и молнии вспыхивали уж где-то вдали. Опять воцарилась темнота. Ленгдон слышал возню Брюса где-то поблизости. Вот чиркнула спичка, и он увидел товарища. Тот смотрел на часы.

— Скоро три, — сказал он. — Чертовски приятный ливень, правда?

— Ну, я-то ничего другого и не ожидал, — невинным тоном отозвался Ленгдон. — Ты ведь сам знаешь, Брюс: когда снег на вершинах так бел…

— Заткнись ты… и давай-ка разложим костёр. Хорошо ещё, что у нас хоть достало ума укрыть провизию. Ты вымок?

Ленгдон отжимал волосы. Вид у него был не лучше, чем у намокшей крысы.

— Ни капельки. Я спрятался в пихтовой чаще и заранее был готов к тому, что произошло. Как только ты обратил моё внимание на белизну снега на этих вершинах, я сразу понял, что…

— К чёрту снег! — проворчал Брюс.

Ленгдону было слышно, как он ломает сухие,

смолистые еловые сучья.

Ленгдон пошёл помочь товарищу, и через пять минут костёр уже полыхал. Огонь осветил их лица, и, взглянув друг на друга, они увидели, что оба ничуть не огорчены. Брюс ухмыльнулся.

— Я спал как убитый, когда полило, — пояснил он, — и мне приснилось, что я свалился в озеро, а когда проснулся, то всё ещё пытался плыть.

Ночной дождь в первых числах июля, да ещё в горах северной части Британской Колумбии, — не такая уж согревающая процедура, и почти целый час Ленгдон и Брюс не переставали собирать топливо и сушили одеяла и платье. Позавтракали они только в пять часов, а в начале седьмого, захватив с собой тюк и сёдла, двинулись в долину.

Брюс не без самодовольства напомнил Ленгдону о своём предсказании, так как оно полностью оправдалось: после грозы и ливня наступал ясный, безоблачный день. Они ехали по мокрым лугам. Звонко журчали вздувшиеся ручейки. Последний снег в горах за ночь наполовину стаял, и Ленгдону казалось, что и цветы за это время выросли ещё больше и стали ещё красивее. Воздух, струящийся по долине, был напоён благоуханием и свежестью утра. А надо всем этим сияло солнце, и свет его разливался тёплым золотым морем.

Охотники ехали вверх по ручью, то и дело свешиваясь с сёдел. В поисках следов они изучали каждую из встречных песчаных отмелей. Не проехали так и четверти мили, как Брюс вдруг вскрикнул и остановился. Он указал на круглую песчаную отмель, на которой Тэр оставил отпечаток одной из своих огромных лап. Ленгдон спешился и измерил след.

— Он! — крикнул Ленгдон, и голос его дрогнул от волнения. — Не лучше ли будет двинуться дальше без лошадей, Брюс?

Горец тряхнул головой. Но, прежде чем высказать своё мнение, спешился и принялся исследовать склоны окрестных гор в подзорную трубу. Ленгдон взялся за свой неизменный охотничий бинокль. Но они ничего не обнаружили.

— Он всё ещё идёт по пойме ручья и обогнал нас мили на три-четыре, — сказал Брюс. — Проедем, пожалуй, одну-две мили, пока не найдётся подходящее местечко для лошадей. А трава и кусты к тому времени пообсохнут.

Следовать по маршруту Тэра было нетрудно, хотя гризли и шёл у самого ручья. Не больше чем в трёх-четырёх сотнях ярдов от огромной кучи камней, около которой гризли натолкнулся на рыжемордого медвежонка, посредине заросшего

травой откоса рос небольшой ельник. Здесь охотники расседлали и стреножили лошадей.

А ещё через двадцать минут они уже, крадучись, подобрались к мягкому песчаному ковру, на котором состоялось знакомство Тэра и Мусквы. Проливной дождь смыл крошечные следы лап медвежонка, но следы гризли испещрили весь песок вокруг этого места. Взглянув на Ленгдона, Брюс улыбнулся.

— Где-то неподалёку, — сказал проводник шёпотом. — Вполне возможно, что он ночевал по соседству с нами и сейчас до него рукой подать.

Он послюнявил палец и поднял его над головой, чтобы определить направление ветра.

— Лучше подняться по склонам, — заметил Брюс.

Они обогнули груды камней, держа ружья на изготовку, и направились к небольшому оврагу, по которому восхождение на ближайший склон обещало быть более лёгким. Здесь снова замешкались. Дно овражка было устлано песком, на котором оказались следы ещё одного медведя. Брюс опустился на колени.

— Ещё один гризли, — сказал Ленгдон.

— Нет. Не гризли. Чёрный медведь, — заявил Брюс. — Ах, Джимми, когда мне только удастся вколотить тебе в голову разницу между следами гризли и чёрного медведя! Вот она, видишь? Задняя нога, и пятка круглая! А если бы это был гризли, то пятка была бы острая. Слишком широка и косолапа для гризли эта нога, и когти слишком велики по сравнению с длиной ступ-

ни. Ясно, как дважды два четыре, — это чёрный медведь!

— И идёт нашим маршрутом, — сказал Ленгдон. — Пошли же!

Поднявшись вверх ещё на двести ярдов, медведь выбрался из оврага и полез вверх. Туда же направились и Ленгдон с Брюсом. В густой траве и на жёстком сланце ближайшего выступа скалы следы этого медведя вскоре пропали, но сейчас они не очень-то интересовали охотников.

Со скал, по которым они теперь пробирались, под ними открывался великолепный вид. Взгляд Брюса то и дело обращался к пойме ручья. Он знал, что только там, внизу, удастся обнаружить гризли, и ничто другое его сейчас не интересовало. Ленгдона же привлекало к себе всё, что жило и двигалось вокруг них. Каждая груда камней и заросль боярышника манили его к себе, и его глаза исследовали каждый выступ горного кряжа над их головами так же внимательно, как и след, по которому они шли. Именно поэтому он и увидел нечто такое, что заставило его схватить своего спутника за руку и потянуть, чтобы тот присел рядом с ним к самой земле.

— Смотри! — прошептал он, не отпуская его руки.

Стоя на коленях, Брюс огляделся. Глаза его широко раскрылись от изумления. Не более чем в тридцати футах над ними возвышалась большая скала, и с неё свешивалась задняя часть туловища медведя. Это был чёрный медведь, его лоснящаяся шуба переливалась на солнце. Целых полминуты Брюс глядел на него во все глаза. Затем ухмыльнулся:

— Спит… спит мёртвым сном!.. Хочешь, Джимми, увидеть одну забавную штуку?

Он положил ружьё и вытащил свой длинный охотничий нож. Посмеиваясь потихоньку, он попробовал пальцем его отточенное остриё.

— Если тебе ещё не доводилось видеть, как медведь удирает во все лопатки, то сейчас ты это увидишь, Джимми! Не трогайся с места!

Медленно и бесшумно он начал карабкаться вверх к скале. А Ленгдон затаил дыхание, предвкушая дальнейшее развитие событий. Дважды Брюс оглядывался на него, широко улыбаясь.

Через минуту или две медведь даст такого тягу, что только держись. Мысль об этом и вид долговязой фигуры Брюса, ползущего наверх, настроили Ленгдона на самый весёлый лад.

И вот Брюс достиг скалы. Длинное лезвие блеснуло на солнце, и сталь на целых полдюйма

вошла медведю в огузок. Того, что последовало за этим, Ленгдону не забыть до самой могилы.

Медведь не шелохнулся. Брюс ткнул его ножом ещё раз. Тот же результат. После второй попытки Брюс сам окаменел, как скала, за которую он цеплялся. Когда он, оглянувшись, уставился на Ленгдона, рот его был разинут от изумления.

— Ну, что ты скажешь о такой чертовщине? — спросил он, медленно поднимаясь на ноги. — Ведь он не спит. Он мёртв!

Ленгдон подбежал к нему, и они взошли на скалу. Брюс всё ещё не выпускал ножа из рук, и на лице его появилось странное выражение. Он взволнованно хмурился и не сразу обрёл дар речи.

— В жизни не видел ничего подобного! — сказал он, медленно убирая нож в ножны. — Это медведица, и у неё медвежата — к тому же, судя по её виду, совсем ещё маленькие…

— Полезла за сурком и сорвалась со скалы, — прибавил Ленгдон. — Разбилась насмерть, да, Брюс?

Брюс кивнул.

— В жизни не видал ничего подобного, — повторил он. — Я всегда ломал себе голову над тем, как они не убьются, роясь на кручах под скалами… но

видеть такое мне ещё не доводилось. Хотел бы я знать, где теперь её медвежата. Вот горемыки-то!

Опустившись на колени, Брюс осмотрел медведицу.

— У неё их было не больше двух, а то и всего один, — сказал он, подымаясь на ноги. — Что-нибудь около трёх месяцев.

— И теперь они умрут с голоду?

— Если только один, то скорее всего с ним так и будет. У этого маленького бездельника было столько молока, что ему не приходилось ещё самому хлопотать о дополнительном рационе. Вот что получается, когда удираешь и бросаешь своих малышей одних, — заключил свою речь нравоучением Брюс. — Если ты когда-нибудь обзаведёшься женой, Джимми, то не разрешай ей выкидывать подобные штуки. Ведь малышам ничего не стоит устроить пожар или сломать себе шею.

И он свернул на прежний путь по гребню кряжа. Глаза его внимательно исследовали долину. Ленгдон тронулся следом, размышляя о том, что сталось с медвежонком.

А Муква сладко почивал рядом с Тэром на уступе скалы. Ему снилась мать, и медвежонок жалобно скулил во сне…

Глава 9
Поединок

Первые лучи восходящего солнца осветили уступ, на котором спали Тэр и Мусква. Солнце поднималось всё выше, становилось всё теплее. Поэтому, проснувшись, Тэр знай себе только потягивался, не проявляя ни малейшего желания вставать.

После всего, что произошло так недавно — ранения, выздоровления и вчерашнего пира, — он чувствовал себя великолепно. Ему было так уютно; и он не спешил покидать эту солнечную купель. Долгое время он с интересом рассматривал Мускву. Ночной холод заставил медвежонка пристроиться в тепле между огромными передними лапами гризли. И сейчас он, как ребёнок, жалобно похныкивал во сне.

Немного погодя Тэр сделал нечто такое, чего за ним никогда не водилось: осторожно обнюхав пушистый комочек, свернувшийся между его лапами, он своим большим красным языком лизнул медвежонка в мордочку. И Мусква, которому, наверное, всё ещё снилась мать, прижался

к гризли ещё теснее.

Муква, неизвестно почему вдруг покорил Тэра. Огромный гризли всё ещё не мог разобраться в том, что же, собственно, произошло. Он постепенно преодолевал не только свою безотчётную неприязнь ко всем медвежатам на свете, но и свои прочно укоренившиеся привычки зверя, прожившего десять лет в полном одиночестве. Мало-помалу он начинал находить в близости Мусквы удовольствие и в нём проснулось что-то вроде дружеского участия к медвежонку.

С появлением человека в его жизнь вошло какое-то новое чувство, вернее только проблеск его. Ведь, пока не появится враг и не очутишься перед лицом опасности, нельзя до конца оценить дружбу. И не исключено, что Тэр, который впервые столкнулся лицом к лицу с настоящими врагами и настоящей опасностью, начинал понемногу понимать, что значит дружба. К тому же не за горами было и наступление брачного сезона, а Муква ещё сохранял запах матери. Вот поэтому-то, пока Муква, нежась на солнышке, всё ещё витал в сновидениях, Тэр чувствовал всё большее удовлетворение.

Окинув сверху взглядом долину, которая вся так и сверкала после прошедшего ночью дождя, он не увидел в ней ничего подозрительного. Принюхался — но ничто не примешивалось в воздухе к чистейшему аромату травы, цветов, пихты и свежей дождевой воды. Тогда он принялся лизать рану, и это разбудило Мускву.

Медвежонок поднял голову. Поморгал глазами на солнце, протёр лапкой мордочку и встал. Как и всем юнцам, ему уже не терпелось встретить наступающий день, независимо от того, каким бы тяжёлым и утомительным ни был вчерашний. И, пока Тэр всё ещё безмятежно лежал, созерцая долину, Муква принялся обследовать трещины в каменной стене и кувыркаться между камнями.

Тэр перевёл глаза с долины на медвежонка.

Гризли проявлял несомненный интерес к ужимкам и весёлому кувырканию Мусквы. Затем он грузно поднялся и отряхнулся. Минут пять, не меньше, стоял, вглядываясь в долину и принюхиваясь к воздуху, в котором не чувствовалось ни малейшего дуновения, точно всё оцепенело вокруг. А Мусква, навострив ушки, подошёл и стал рядом. Его маленькие глазки перебегали с Тэра на залитое солнцем пространство и снова на Тэра, как бы допытываясь, что же произойдёт дальше.

Огромный гризли разрешил это недоумение. Пройдя по карнизу скалы, он начал спускаться в долину, и Мусква, так же как и вчера, припустился за ним бегом.

По сравнению со вчерашним днём медвежонок чувствовал себя повзрослевшим и силы его тоже удвоились. Тоска по материнскому молоку уже не мучила его. Тэр просветил его — отныне медвежонок перешёл на мясо. И Мусква уже понимал, что они отправляются туда, где пировали вчера вечером.

Они уже наполовину спустились со склона, когда ветер вдруг принёс Тэру что-то новое. На мгновение гризли приостановился, и из груди его вырвалось рычание. Густая шерсть на загривке грозно встала дыбом. Запах исходил оттуда,

где находился его тайник. И это к тому же был один из тех запахов, к появлению которых, а особенно возле своих кладовых, гризли относился совершенно нетерпимо — тут с ним шутки были плохи.

На него резко пахнуло запахом другого медведя. В обычных условиях это не вызвало бы у него такого раздражения. Не вывел бы его из себя и запах медведицы. Но пахло медведем. И запах шёл из расщелины в скале, которая вела прямо к той самой пихтовой чаще, в которой он запрятал вчера остатки карибу.

Тэр не стал тратить время на праздные домыслы. Ворча про себя, он начал спускаться так быстро, что Муква еле поспевал за ним.

Они остановились только тогда, когда достигли края плато, с которого хорошо просматривались озеро и пихтовая чаща. Муква еле переводил дух. Затем уши его насторожились. Он пристально посмотрел вперёд, и вдруг каждый мускул его маленького тельца напрягся до отказа.

Ярдах в семидесяти пяти под ними кто-то разорял их склад! Грабителем оказался огромный чёрный медведь, который делал это просто с неслыханным нахальством. Был он фунтов, пожалуй, на триста полегче Тэра, но почти такого

же роста, и его шуба отливала на солнце бархатом, совсем как соболиная. Такой большой и наглый пришелец ещё ни разу не заявлялся во владения Тэра. Он вытащил тушу карибу из тайника и, пока Тэр и Муква смотрели на него сверху, пожирал её.

Немного погодя Муква вопросительно взглянул на Тэра. «Что же нам делать? — казалось, спрашивали его глаза. — Этак ведь и без завтрака недолго остаться!»

Тщательно выбирая дорогу на спуске, Тэр стал медленно преодолевать эти последние семьдесят пять ярдов. Теперь он, казалось, совсем не спешил. Ступив наконец на луговину ярдах в тридцати-сорока от незваного гостя, гризли снова остановился.

Он как будто не рвался в бой, но шерсть на загривке поднялась так, как Мукве ещё ни разу не приходилось видеть. Чёрный оторвался от своего пиршества и поднял глаза. Целых полминуты медведи смотрели друг на друга. Голова гризли медленно, будто маятник, раскачивалась из стороны в сторону. Чёрный застыл на месте, неподвижный, как сфинкс.

Футах в четырёх-пяти от Тэра стоял Муква. Чутьё подсказывало ему, что вот-вот что-то про-

изойдёт. И с мальчишеским задором он ждал этого, готовый в любую минуту либо поджать куцый хвост и удирать вместе с Тэром без оглядки, либо ринуться вперёд и сражаться бок о бок с ним. Его глаза были прикованы к раскачивающейся маятником голове Тэра.

А что значит это покачивание, понятно всем на свете. Научился понимать его и человек. «Если гризли качает головой, то держись!» — гласит самая первая заповедь охотников на медведей в горах. И чёрный медведь понял это. Будь он как все другие медведи, забредавшие во владения Тэра, ему бы немного отступить, повернуться и убраться подобру-поздорову. И Тэр дал ему для этого достаточно времени. Но чёрный медведь был новичком в долине, и, кроме того, он и сам был могучим зверем, которого, наверное, ещё ни разу не проучили как следует и который, вполне возможно, был хозяином в своих владениях. Он не отступил ни на шаг и первым издал угрожающее рычание.

Всё так же не спеша двинулся Тэр вперёд — прямо на мародёра. Половину этого пути Муква шёл за Тэром по пятам. А потом остановился и припал к земле. В десяти футах от туши карибу Тэр снова задержался. Теперь он раскачивал головой

гораздо быстрее. И вот громовые раскаты низкого рычания вырвались из его полуоткрытой пасти. Чёрный оскалил клыки так, что Муква жалобно взвизгнул.

И снова Тэр двинулся вперёд: шаг — и остановка, шаг — и остановка. Теперь разинутая пасть гризли касалась чуть ли не самой земли, и сам он прильнул к земле всем своим огромным телом. И всё-таки этот чёрный проходимец стоял как вкопанный.

Когда расстояние между ними сократилось до одного ярда, наступила пауза. С полминуты стояли они, совсем как два рассерженных человека, каждый из которых старается своим непреклонным взглядом нагнать на другого страх. Мукву трясло как в лихорадке. Он жалобно скулил, и Тэр услышал его визг.

Дальнейшее совершилось так быстро, что Муква просто онемел от ужаса и лежал, распластавшись на земле, неподвижный, как камень. С тем необычным рёвом и скрежетом зубов, которого не издаёт ни один другой зверь на земле, гризли кинулся на чёрного медведя. Чёрный чуть подался назад — только для разгона, бросился навстречу, и вот они сшиблись грудь с грудью. Чёрный опрокинулся на спину. Но Тэр был слиш-

ком искушённым и опытным бойцом, чтобы поддаться на такую уловку и дать тому нанести снизу задней лапой удар, который распорол бы ему брюхо. Он вонзил зубы чёрному в плечо, прокусив его до самой кости. Одновременно он нанёс левой лапой страшный рассекающий удар. Но Тэр был «землекопом», и когти у него были затуплены на концах. А чёрный был «лазающим по деревьям», и у него были не когти, а настоящие ножи. И вот эти ножи вонзились в недавнюю рану Тэра, и кровь хлынула струёй.

С рёвом, от которого, казалось, задрожала земля, великан гризли отпрянул назад и поднялся на задних лапах во весь свой девятифутовый рост.

Он предупредил чёрного. Даже после их первой схватки враг ещё мог ретироваться, и Тэр не стал бы его преследовать. А раз так — то бой будет не на жизнь, а на смерть! Мало того что чёрный медведь обокрал его — это бы ещё куда ни шло, но он разбередил его старую рану, рану, нанесённую человеком.

Минуту назад Тэр отстаивал закон и справедливость и не испытывал ещё особой злобы, не жаждал крови врага. Теперь он был страшен. Пасть открыта, губы раздвинулись, обнажив белые зубы и красные дёсны. Мышцы у ноздрей напряглись, как струны, и меж глаз набежала морщина, глубокая, как зарубка топором на стволе сосны. Глаза зажглись красным, рубиновым светом, и тёмно-зелёные зрачки потонули в этом пламени ярости. Встреться в эту минуту с Тэром человек, он понял бы с первого взгляда, что живым ему не уйти.

Тэр не умел драться, стоя на двух ногах. И, как только чёрный сделал шаг вперёд, Тэр опустился на все четыре лапы. Они снова сшиблись, и Муква, прижавшись к земле, долго ещё следил

горящими глазами за их боем.

Зрелище было ужасным. Разыгрывалось одно из тех побоищ, видеть которые удаётся только этим дебрям и горам. Рёв разносился по всей долине. Как два борца, сцепились медведи своими могучими передними лапами, в то время как их клыки и задние лапы работали без устали.

Минуты на две они слились в крепком объятии и катались по земле, переваливаясь друг через друга. Чёрный яростно рвал когтями. Тэр же действовал главным образом зубами, нанося при этом страшные удары задней правой лапой. Передними лапами он то удерживал, то отбрасывал своего противника прочь. Как при нападении на карибу, Тэр старался очутиться снизу, чтобы иметь противника над собой. Снова и снова вонзал он свои длинные клыки в тело врага. Но в состязании этим оружием чёрный превосходил его по быстроте. И к тому моменту, когда их челюсти сцепились, всё правое плечо гризли было буквально изодрано в клочья.

Мусква слышал, как их зубы лязгнули друг о друга. Он услышал, как зубы одного скрежещут по зубам другого, как кость грызёт кость. А затем чёрный вдруг медленно завалился на бок, как если бы ему свернули шею, и Тэр схватил его

за горло.

Чёрный всё ещё сопротивлялся, хотя его широко раскрытые челюсти были бессильны теперь, когда гризли сомкнул свои огромные зубы у него на шее.

Муква поднялся на лапы. Он весь трясся мелкой дрожью, но теперь уже от нового, незнакомого ему ранее чувства. То, что происходило на его глазах, оказалось не игрой, в которую и он когда-то играл со своей матерью. Впервые в жизни он увидел битву, и от возбуждения кровь его загорелась и заиграла в жилах. Со слабым щенячьим рычанием медвежонок очертя голову кинулся в схватку. Но тщетно пытался он вцепиться зубами в густую шерсть и в жёсткий огузок чёрного медведя. Он дёргал его и рычал, помогая себе передними лапами и набив полный рот шерсти. Слепая, безотчётная ярость охватила его.

Чёрный повернулся на спину и сверху вниз полоснул задней лапой по брюху Тэра. Прежде чем этот удар повторился, Тэр уклонился в сторону, и второй удар достался Мукве.

Задняя лапа чёрного обрушилась на него своей подошвой, и футов двадцать Муква пролетел, как камень, пущенный из пращи. Он не был ранен, но удар оглушил его.

В тот же миг Тэр отпустил горло врага и отступил на два-три фута в сторону. Плечи чёрного, его грудь и шея были в крови. Он попытался подняться, но Тэр снова очутился на нём.

На этот раз гризли с безошибочной точностью применил самый страшный из своих приёмов. Его огромные челюсти мёртвой хваткой вцепились в переносицу чёрного медведя. В один момент он с треском перегрыз её, и битва была закончена — чёрный испустил дух. Но Тэр этого не знал. Теперь ничто не мешало ему рвать противника похожими на ножи когтями своей задней лапы. И он терзал его ещё минут десять. Когда гризли наконец унялся, то на арену их боя страшно было взглянуть. Земля вокруг была вспахана и залита кровью, повсюду валялись клочья шерсти.

А в двух милях от этого места Брюс и Ленгдон, бледные, затаив дыхание, смотрели в окуляры. Они стали очевидцами этого жуткого побоища, но медвежонка за дальностью расстояния им не было видно. Когда Тэр, весь залитый кровью, поднялся, переводя дух, над своим бездыханным врагом, Ленгдон опустил бинокль.

— Боже мой! — прошептал он.

Брюс вскочил на ноги.

— Пошли! — крикнул он. — Чёрному крышка. И если мы не будем терять время даром, то и гризли от нас не уйдёт!

А там, внизу, на лугу, Муква подбежал к Тэру, неся в зубах клок чёрной шерсти, и Тэр, опустив к нему свою огромную окровавленную голову, ласково лизнул его в мордочку. Маленький рыжемордый медвежонок тоже испытал свои силы, и — кто знает! — может быть, Тэр всё видел и понял…

Глава 10
Через горы

После боя ни Тэр, ни Мусква даже и не приближались к карибу. Тэру было не до еды, а Мусква был так возбуждён и его так трясло, что кусок стал бы у него поперёк горла. Он всё ещё, как бы завершая дело, начатое Тэром, трепал клочок чёрной шкуры, ворча и взвизгивая, как щенок.

Долго гризли стоял так, низко склонив огромную голову, и у ног его натекли лужицы крови. Перед ним простиралась долина. Ветра не было… Вернее, он был настолько слаб, что почти невозможно было установить, откуда он дует. Его порывы замирали в ущелье, и сильнее он становился лишь выше, на перевалах и вершинах.

Время от времени поток воздуха устремлялся вниз и проносился по долине, как долгий, бесшумный вздох, чуть задев верхушки елей и пихт. Но, когда Тэр повернулся к востоку, ветер дохнул прямо на него. И Тэр почувствовал вдруг еле уловимый, но страшный запах человека!

С рёвом Тэр стряхнул с себя то недолгое оцепенение, в которое он позволил было себе погрузиться.

Его расслабленные мускулы снова напряглись. Он поднял голову и принюхался. Муксва прекратил свою никому не нужную расправу с клочком чёрной шкуры и тоже принялся втягивать воздух носом.

Ленгдон и Брюс бежали, сильный запах человеческого пота далеко разносился по воздуху. Этот запах вызвал у Тэра новый прилив ярости. Второй раз приходит он, когда Тэр ранен и истекает кровью! Человеческий запах и боль уже неразрывно связались в сознании гризли друг с другом. И теперь этот запах был ему вдвойне ненавистен. Он повернул голову и зарычал на истерзанное тело чёрного медведя. А затем угрожающе зарычал на ветер.

Меньше всего он был расположен к бегству. И, случись Ленгдону и Брюсу подоспеть именно сейчас, Тэра охватила бы такая ярость, что ему вряд ли удалось бы сдержать её, — та самая ярость, которой весь его род и обязан своим именем: «Страшный медведь».

Но ветерок пролетел мимо, и снова всё стихло. Долина была наполнена журчанием струящейся воды, сурки на скалах спокойно посвистывали, белокрылые стаи куропаток легко проносились в воздухе. Всё это успокаивало Тэра, как неж-

ная женская рука успокаивает разгневанного мужчину. Он рычал, безуспешно пытаясь ещё раз уловить в воздухе этот запах. Но рычание становилось всё тише и тише. Наконец гризли повернулся и не спеша зашагал к ущелью, по которому они с Мусквой не так давно спустились сюда. Муска побежал следом.

Ущелье спрятало их от посторонних взоров, как только они начали подъём. Дно ущелья было покрыто сланцем и загромождено каменными глыбами. Раны, полученные Тэром в недавней битве, в отличие от пулевых ран через несколько минут уже перестали кровоточить. И он больше не оставлял на своём пути предательских красных пятен.

Ущелье привело их к обвалу. Здесь они стали ещё недоступней для наблюдения снизу. Остановились напиться у озерка, образованного потоками талой воды, сбегающей с горных вершин, и тронулись дальше.

Когда они добрались до скалы, на которой провели ночь, Тэр не стал задерживаться. Муска на этот раз ещё не чувствовал усталости. Два дня неузнаваемо изменили маленького рыжемордого медвежонка. Он был уже не таким круглым и толстым и стал сильнее, гораздо сильнее. Он

закалился и под надёжной опекой Тэра быстро проходил курс превращения из медвежонка в молодого зверя.

Заметно было, что Тэру и раньше уже случалось хаживать по этому уступу и он знает, куда тот ведёт: всё выше и выше, пока не упрётся, как могло показаться, в отвесную каменную стену.

Идя всё тем же путём, Тэр пришёл к глубокой расщелине, настолько узкой, что он едва пролезал в неё. По ней они выбрались на край такого крутого склона, какого Мускве ещё ни разу не приходилось видеть. Он был похож на гигантскую каменоломню, которая уходила вниз, углублялась в лес далеко под ними и вздымалась вверх чуть ли не до самой вершины горы.

Для Мусквы переход по этим хаотическим нагромождениям с тысячей опасностей был совершенно непосильной задачей. И, как только Тэр начал перебираться через первые же глыбы, медвежонок остановился и жалобно заскулил.

В первый раз он отказывался идти дальше. Когда же он увидел, что Тэр, не обращая ни малейшего внимания на его писк, всё идёт и идёт, его обуял ужас. Завопив что было сил, медвежонок отчаянно заметался в поисках хоть какой-нибудь тропинки через эти громадины.

Тэру же было совершенно невдомёк, в какое трудное положение попал Муква, и он знай себе лез вверх, пока не забрался на целых пятьдесят

ярдов. Тогда он остановился, оглянулся через плечо и подождал.

Это приободрило Мускву, и он, стараясь не отстать, принялся карабкаться, цепляясь когтями и пустив в ход даже подбородок и зубы.

Минут десять понадобилось ему, чтобы догнать Тэра. Он совершенно запыхался. Но от прежнего страха не осталось и следа: Тэр стоял на узкой белой тропинке, надёжной, как пол. Ширина её была дюймов восемнадцать.

Странной и загадочной казалась эта тропа, и нельзя было понять, как она могла появиться в этих местах. Вид у неё был такой, будто огромная армия рабочих с молотками, пришедшая сюда когда-то, дробила целые тонны песчаника и сланца и насыпала между валунами гальку, чтобы проложить узкую ровную дорожку. Но сделали это не молотки, а копыта не менее чем тысячи поколений горных коз. Тэр и Мусква ступили на козью тропу.

Первое стадо диких коз пронеслось этим путём, вероятно, ещё задолго до того, как Колумб открыл Америку[20], но сколько же лет ушло на то, чтобы их копыта выбили ровную дорогу в горах! Тэру

---

[20] Примечания: 20

Морские путешествия Христофора Колумба к берегам Америки относятся к последнему десятилетию XV века.

она служила столбовой дорогой из одной долины в другую. Правда, ею пользовался не только он, но и многие другие обитатели этих гор.

В то время как Мусква переводил дух, оба они услышали какой-то странный, похожий на посмеивание звук, доносившийся сверху.

Футах в сорока или пятидесяти выше того места, где они стояли, тропинка сворачивала за огромную каменную глыбу. И из-за этой глыбы навстречу им медленно спускался большой дикобраз.

На севере существует обычай, согласно которому человек не должен убивать дикобраза, которого называют «другом потерявшихся». Заблудившийся и умирающий от голода старатель или охотник, когда поблизости нет никакой дичи, всегда может отыскать дикобраза. А убить его ничего не стоит и ребёнку. К тому же он самое потешное существо в этих дебрях — самый добродушный, приятный и покладистый весельчак на свете. Он болтает и хохочет без умолку, а когда движется, то похож на ожившую гигантскую подушечку для булавок. И он так рассеян, что, кажется, и живёт не просыпаясь.

Этот дикобраз, спускаясь прямо на Тэра и Мусква, благодушно болтал сам с собой. А его смешок

звучал, как лепет младенца. Он был невероятно толст. Таких называют «Порки»[21]. Медленно, вперевалку спускался он сверху, и его бока и хвост щёлкали по камням. Он смотрел себе под ноги. Неизвестно, что это были за мысли, в которые он был погружён, но Порки заметил Тэра, когда между ними оставалось уже меньше пяти футов. В мгновение ока он свернулся шаром и несколько секунд бранился на все лады. А потом застыл, молчаливый, как сфинкс, следя своими красными глазками за этим огромным, невесть откуда взявшимся медведем.

Тэр не собирался убивать его, но тропа была узка, а Тэр хотел продолжать свой путь. Он сделал шага два вперёд. Тогда дикобраз повернулся к нему задом, приготовившись наносить удары своим мощным хвостом. В хвосте Порки сотни игл, а Тэр уже неоднократно имел с ними дело и поэтому остановился в нерешительности. Муква с любопытством уставился на дикобраза. Ему ещё только предстояло узнать, что такое дикобраз, потому что игла, которая попала недавно в лапу, была всего-навсего одной из обронённых игл.

---

[21] Примечания: 21
Жирный *(англ.)*.

Тэр сделал ещё один шаг вперёд. Тогда с неожиданным «чак-чак-чак» — самым устрашающим звуком, на который он только был способен, — дикобраз начал наступать на Тэра задом, рассекая воздух взмахами своего широкого, увесистого хвоста с такой силой, что, попади он в дерево, иглы вонзились бы в ствол на добрых четверть дюйма.

Промахнувшись, он снова свернулся, а Тэр

шагнул с тропинки на каменную глыбу и обошёл его сторонкой. Затем остановился, поджидая Мускву.

Порки торжествовал победу в полном упоении самим собой. Он распрямился, его иглы утратили свой угрожающий вид. Всё так же добродушно посмеиваясь, он продолжал свой спуск, надвигаясь прямо на Мускву. Инстинктивно медвежонок посторонился, поскользнулся на краю тропинки и сорвался вниз. А когда он снова вскарабкался на неё, Порки уже ушёл футов на пять от того места и продолжал свой путь, не обращая ни на что внимания.

Однако их приключения на козьей тропе на этом ещё не кончились. Только-только Порки убрался восвояси, как из-за края огромной каменной глыбы над их головами появился барсук, с нетерпением устремившийся было на запах дикобраза, обещающий самый лакомый обед.

Этот отпетый негодяй, от которого с презрением отворачиваются все в горах, был втрое больше Мусквы, и всё в нём — сильные мускулы, когти,

острые зубы — было великолепно приспособлено для нападения. На носу и на лбу у него были белые отметины. Ноги короткие и толстые, хвост пушистый, а когти на передних лапах почти такой же длины, как у медведя. Как только он показался, Тэр приветствовал его предостерегающим рычанием, и тот, перепуганный насмерть, удрал без оглядки.

А тем временем Порки ковылял себе потихоньку вниз, в поисках новых мест с подножным кормом. Он продолжал разговаривать и что-то напевать про себя, совсем позабыв о том, что случилось минуты две назад. Ему и в голову не приходило, что Тэр спас его от смерти столь же неминуемой, как если бы он свалился в пропасть глубиной в тысячу футов.

Тэр и Муква прошли ещё почти целую милю по извилистой козьей тропе. И вот наконец она привела на самую вершину горного кряжа. Теперь они находились на высоте добрых трёх четвертей мили над поймой ручья. Местами хребет, вдоль которого вела тропинка, настолько сужался, что можно было видеть одновременно обе долины, лежащие по разным сторонам его.

Муква видел у себя под ногами только золотисто-зелёный туман бездны. Лес по обе стороны

ручья представлялся отсюда чёрной полоской, а пихтовые и кедровые чащи на отдалённых склонах казались не больше зарослей шиповника или ивняка.

Здесь, наверху, разгуливал сильный ветер. С непонятной яростью налетел он на Мускву, который, пока они шли, успел уже ощутить у себя под ногами незнакомый и далеко не приятный холод снега.

Какая-то огромная птица дважды стремительно пронеслась неподалёку от него, скользя на распластанных крыльях. Такой большой птицы медвежонку не приходилось видеть ещё ни разу за всю свою жизнь. Это был орёл.

Во второй раз орёл пролетел так близко, что Муква услышал, как он разрезает воздух крыльями, и разглядел его огромную злую голову и растопыренные в стороны когти. Тэр повернул к птице голову и зарычал. Очутись здесь Муква один, плыть бы ему по воздуху в этих смертоносных когтях. Теперь же орёл сделал свой третий круг на почтительном расстоянии, но уже под ними.

Огромная птица наметила себе другую добычу. Зверя, привлёкшего орла, почуяли и Тэр с Муквой и остановились.

Ярдах в ста под ними находился гладкий и отлогий сланцевый склон, и на нём, нежась на солнышке после утренней кормёжки, расположилось стадо горных баранов. Их было штук двенадцать-тринадцать, главным образом матки с ягнятами. Поодаль, с восточной стороны от них, лежали на снегу три огромных старых барана.

Орёл, словно перо, плывущее по ветру, бесшумно парил в вышине. Матки и даже старые, матёрые бараны и не подозревали о его присутствии. Большинство ягнят лежало под боком у матерей, но два или три, самые непоседливые, бродили по склону, то и дело шаловливо взбрыкивая. Свирепый взгляд орлиных глаз был прикован к этим малышам. И вдруг орёл стал удаляться, летя навстречу ветру, потом на расстоянии ружейного выстрела он плавно развернулся и понёсся назад, по ветру, не шевельнув крылом. Скорость его полёта всё нарастала. И вот он ринулся вниз, обрушившись на ягнят, как ракета.

Казалось, лишь огромная чёрная тень промелькнула над стадом да одинокое жалобное блеяние пронеслось вслед за тенью. Но там, где только что резвились три ягнёнка, осталось два.

Смятение охватило всех находящихся на склоне. Тревожно блея, матки заметались взад и

вперёд. Бараны вскочили на ноги и застыли неподвижно. Высоко подняв свои рогатые головы, они в поисках новой угрозы внимательно вглядывались в бездну под ними и в чёрные вершины над их головами. Один из них заметил Тэра и издал низкое, резкое блеяние, звук которого охотник мог бы услышать на расстоянии мили отсюда. Подав этот сигнал тревоги, баран опрометью ринулся вниз по склону, и сейчас же стук многих копыт рассыпался по откосу, сопровождаемый грохотом мелких и крупных камней, которые, срываясь, покатились вниз.

Падая, одни камни увлекали за собой другие, и грохот обвала становился всё громче. Всё это необычайно заинтересовало Мускву. Он бы ещё долго простоял так, с любопытством вглядываясь вниз, если бы Тэр не повёл его дальше.

Вскоре тропа начала спускаться в ту самую долину, из верхней части которой первые выстрелы Ленгдона прогнали Тэра. Теперь они находились миль на шесть-восемь севернее леса, в котором охотники разбили свой лагерь. Отсюда Тэр с Мусквой двинулись к нижним притокам Скины.

Ещё час пути, и голый сланец и серые скалы остались наверху, а Тэр и Мусква вступили на зелёные склоны. После скал, холодного ветра, свирепого взгляда орлиных глаз тёплая, приветливая долина, в которую они спускались, показалась Мускве раем.

Было ясно, Тэр что-то задумал. Теперь он шёл не просто так. Он обходил стороной выступы и открытые места на склонах. Низко опустив голову, шёл всё на север и на север, и даже компас не мог бы обозначить более прямую линию к низовьям Скины. Вид у гризли был чрезвычайно озабоченный и деловой. А храбро трусящий за ним Мусква ломал себе голову над вопросом: неужели он так и будет идти вечно, без остановки? Разве есть в мире место более привлекательное для большого гризли и маленького рыжемордого медвежонка, чем эти чудесные солнечные склоны, от которых Тэру, казалось, не терпится уйти подальше?

Глава 11
Брюс и Ленгдон на месте побоища

Если бы не Ленгдон, то этот день схватки двух медведей оказался бы ещё более бурным и опасным для Тэра и Мусквы. Уже через три минуты после того как охотники, потные и запыхавшиеся, добрались до места кровавого столкновения, Брюса так и подмывало продолжать погоню за Тэром. Он знал, что огромный гризли не мог ещё уйти далеко, и был уверен, что тот поднялся в горы. Как раз в ту самую минуту, когда Тэр и Мусква ступили на козью тропу, Брюс обнаружил следы Тэра на гравии в ущелье.

Однако все уговоры Брюса были бессильны. Потрясённый до глубины души представившимся его глазам зрелищем, охотник-натуралист наотрез отказывался покинуть покрытую пятнами крови и всю изрытую арену, на которой только что дрались гризли и чёрный медведь.

— Для того чтобы увидеть такое, — сказал он, — я проехал бы пять тысяч миль, даже если бы

мне не удалось в результате сделать ни единого выстрела. Здесь есть о чём поразмыслить и что посмотреть, Брюс. Этот медведь ещё не разлагается. Разложение начнётся через несколько часов. Мухи ещё только слетаются. И если здесь скрыта какая-нибудь история, до которой мы могли бы докопаться, то я хочу узнать её.

Раз за разом Ленгдон совершал всё новые обходы поля боя, осматривая землю и страшные раны на теле чёрного медведя. А Брюс, казалось, не обращал на всё это ни малейшего внимания. Но приблизительно через полчаса он позвал Ленгдона на опушку пихтовой чащи.

— Ты хотел узнать, что случилось, — сказал он, — я сделал это, Джимми.

Он углубился в чащу, и Ленгдон поспешил за ним. Пройдя несколько шагов вперёд, Брюс остановился и указал на яму, в которой Тэр прятал мясо карибу. Яма была перепачкана кровью.

— Твоя догадка была верна, Джимми, — сказал он. — Наш гризли действительно питается мясом. Вчера вечером он убил карибу вон на том лугу. Я знаю, что это он убил карибу, а не чёрный, потому что следы на краю опушки принадлежат гризли. Пойдём! Я покажу тебе, где кинулся он на карибу.

Он вывел Ленгдона на луг и показал место, где Тэр задрал молодого оленя. Там, где Тэр и Мусква пировали, оставались куски мяса и множество пятен крови.

— Наевшись до отвала, он припрятал тушу в чаще, — продолжал Брюс. — А сегодня утром чёрный проходил неподалёку, учуял мясо и забрался в его кладовую. Потом гризли вернулся позавтракать, и вот что вышло из всего этого! Вот тебе и весь сказ, Джимми.

— А не может он ещё… вернуться? — спросил Ленгдон.

— Да ни за что на свете! — воскликнул Брюс. — Он не притронулся бы больше к этой туше, даже если бы подыхал с голоду. Теперь его будет мутить уже от одного запаха этого места.

Брюс оставил Ленгдона размышлять в одиночестве на поле брани, а сам пошёл выслеживать Тэра дальше. Целый час Ленгдон писал под сенью пихт, то и дело вставая, чтобы установить новые факты или проверить уже установленные. А его проводник тем временем пядь за пядью продвигался по ущелью. Тэр не оставлял за собой кровавых пятен, но там, где другие не заметили бы ничего, Брюс находил верные признаки, что Тэр прошёл здесь. И когда он вернулся к заканчи-

вавшему свои заметки Ленгдону, то на лице его было написано полное удовлетворение.

— Он отправился через горы, — сказал Брюс с оживлением.

Не успели охотники перевалить через вулканические нагромождения среди скал и добраться по козьей тропе до места, откуда Тэр и Мусква наблюдали за орлом и баранами, как наступил полдень. Перекусили и занялись осмотром долины в бинокль и подзорную трубу. Долгое время Брюс не произносил ни слова. Затем опустил свою трубу и обернулся к Ленгдону.

— Кажется, теперь я представляю себе довольно отчётливо его владения, — сказал он. — Они простираются по этим двум долинам. Мы разбили лагерь слишком далеко на юг. Видишь вон тот лес внизу? Вот там бы и устроить лагерь. Как ты смотришь на то, чтобы сходить за лошадьми и подняться с ними сюда?

— И оставить гризли до завтра?

Брюс кивнул:

— Нельзя же пускаться за ним, оставив лошадей спутанными в этой пойме.

Ленгдон убрал бинокль в футляр, поднялся и вдруг замер.

— Что это?

— Ничего не слышал, — сказал Брюс.

Несколько секунд они стояли рядом, прислушиваясь. Налетел порыв ветра, и снова всё стихло.

— Слушай! — шепнул Ленгдон, и в голосе его внезапно послышалось волнение.

— Собаки? — воскликнул Брюс.

— Да, собаки!

Оба подались вперёд, полуобернувшись к югу, — до них донёсся далёкий лай эрделей.

Метусин прибыл и искал их в долине!

Глава 12
В неведомую страну

Тэр пребывал в том состоянии решимости, которое индейцы называют пимутэо.

Что-то подсказывало ему, что надо идти только на север. Это было так же неоспоримо для Тэра, как дважды два четыре, хоть он и не был знаком с таблицей умножения. И к тому времени, когда Ленгдон с Брюсом выбрались на верхнюю часть козьей тропы и остановились, прислушиваясь к далёкому лаю собак, малыш Муква дошёл уже до полного отчаяния. Их путешествие походило на бесконечную, без передышки игру в салки.

Через час после того, как гризли и медвежонок оставили козью тропу, они подошли к тому месту долины, где начинался водораздел. Отсюда один из ручьёв бежал на юг, углубляясь в район озера Тэклы, другой — сливался с рекой Бэбин, впадающей в Скину.

Тэр и Муква быстро спустились в низину, и медвежонок впервые в жизни оказался на болотах. Трава была такая густая и высокая, что Муква уже не видел из-за неё Тэра, а только

слышал, как тот медленно продвигается вперёд. Ручей разливался всё шире, становился всё глубже. Местами приходилось идти по самому краю тёмных, стоячих заводей, которые казались бездонными. Наконец-то Мускве удалось немного передохнуть.

Тэр поминутно задерживался то у одного, то у другого водоёма, принюхиваясь к воде. Он что-то искал и, казалось, никак не мог найти. И всякий раз, как гризли снова пускался в путь, Мусква чувствовал, что он больше не выдержит.

Пройдя добрых семь миль на север от того места, откуда Брюс и Ленгдон осматривали долину, они вышли к озеру. Мускве, который на своём веку видел только освещённые солнцем горы, оно показалось тёмным и неприветливым. Лес подступал здесь почти к самому берегу, и вода в озере была тёмная, почти чёрная. Незнакомые птицы пронзительно кричали в густом тростнике. От озера исходил странный, острый запах, от которого у медвежонка вдруг потекли слюнки, — он почувствовал нестерпимый голод. Минуты две и Тэр стоял, втягивая в себя этот соблазнительный запах. Пахло рыбой.

Огромный гризли не спеша направился вдоль берега озера. Вскоре он добрался до устья небольшого ручья. Хотя устье было не шире двадцати футов, вода в нём оказалась такой же тёмной, неподвижной и глубокой, как и в самом озере. Тэр поднялся ярдов на сто вверх по ручью и отыскал место, где несколько деревьев, упавших поперёк ручья, образовали своего рода плотину. Вода у самой плотины была затянута зелёной ряской.

Тэр знал, чем здесь можно поживиться, и стал медленно пробираться по завалу.

Дойдя до середины, гризли остановился и осторожно разогнал ряску правой лапой. Образовалось оконце, вода в котором была совершенно прозрачна. Блестящие маленькие глазки Мусквы следили за ним с берега. Муска знал, что Тэр сейчас раздобудет еду, но как и что он достанет из этого оконца, никак не мог понять. И, несмотря на усталость, любопытство взяло верх. А Тэр растянулся на брюхе, свесив голову и опустив правую лапу через край плотины. Он окунул лапу в воду и замер. Ему было всё ясно видно до самого дна.

Несколько минут гризли разглядывал дно, сучья поваленных деревьев и свою лапу под водой. Вдруг длинная, узкая тень проплыла под ним. Это была форель длиной дюймов в пятнадцать. Она прошла слишком глубоко. Тэр и не подумал бросаться за ней. Он терпеливо ждал. И очень скоро его терпение было вознаграждено. Пёстрая, в ярких красных пятнах красавица форель выплыла из-под ряски. Огромная лапа Тэра — это произошло так неожиданно, что Муска даже взвизгнул с перепугу, — плеснула целый фонтан воды футов на двенадцать в воздух, и рыба шлёпнулась на берег около медвежонка.

Мгновенно Мусква накинулся на неё, и его мелкие, острые зубки вонзились в бьющуюся, извивающуюся рыбу. Тэр приподнялся было, но, увидев, что Мусква уже завладел форелью, снова принял прежнее положение.

Не успел Мусква прикончить свою добычу, как снова столб воды взметнулся вверх, и пролетела вторая форель, выделывая пируэты в воздухе. На этот раз Тэр кинулся за ней, потому что и сам был голоден.

Они попировали на славу в этот послеполуденный час у текущего в тени деревьев ручья. Ещё раз пять выкидывал Тэр рыбу, появлявшуюся из-под ряски, но Мусква, хоть убей, не мог после первой форели съесть ни кусочка.

Несколько часов после обеда они провалялись в прохладном, надёжно укрытом месте неподалёку от запруды. Сон у Мусквы стал чутким. Он начинал понимать, что жизнь его зависит теперь главным образом от него самого, и уши медвежонка уже привыкли быть постоянно настороже, прислушиваясь к каждому звуку. Сквозь сон медвежонок чувствовал, когда Тэр повёртывался или глубоко вздыхал. После вчерашнего марафонского бега медвежонку было не по себе — мучил страх, что он может потерять своего

большого друга и кормильца, и Муква решил смотреть в оба, как бы приёмный родитель при случае незаметно не удрал от него. Но Тэр и не собирался отделываться от своего маленького товарища. Он и сам привязался к Мукве.

Не одно только желание отведать свежей рыбы и страх перед врагами привели Тэра в этот низменный край, где вольно струились воды Бэбин. Ещё неделю назад почувствовал он всё более растущую тревогу, и за последние два-три дня — дни сражения и побега — она стала нестерпимой. Странное, ничем не заглушаемое томление переполняло его. И, пока Муква мирно дремал, прикорнув в кустах, уши Тэра напряжённо и чутко ждали, не послышатся ли знакомые звуки, а нос то и дело принюхивался. Ему не хватало подруги.

Наступил паскувепесим — месяц линьки. А именно в этом месяце или чуть раньше, в конце июня, который называют «месяцем опыления», Тэр и отправлялся обычно на поиски медведицы, которая приходила к нему из западных урочищ. Гризли почти во всём следовал раз и навсегда установившейся привычке и каждый год проделывал одно и то же путешествие, неизменно забираясь в эту долину реки Бэбин. Он никогда

не упускал случая поесть по пути рыбки. И чем больше он её ел, тем сильнее от него пахло рыбой. Едва ли Тэр думал, что от этого благоухания он становится более привлекательным для своей подруги. Во всяком случае, рыбы он съел столько, что от него просто разило.

Гризли встал со своего места и, растянувшись на плотине, пролежал там часа два, пока не наступил закат. За это время он выплеснул из воды ещё три форели. Мусква съел голову одной из них, а Тэр всё остальное. И снова они пустились в странствия.

Они вступили в совершенно новый для Мусквы мир. Ни одного знакомого звука не было здесь слышно. Умолкла монотонная песня ручьёв верхней долины. Не слышно было голоса сурков, куропаток и вечно озабоченных гоферов. Вода в озере была глубокая, тёмная, неподвижная. Чёрные, не знающие солнца омуты таились под самыми корнями деревьев — настолько близко лес подступал к озеру. Здесь не было скал, которые так трудно преодолеть, но повсюду встречались сырые, скользкие стволы деревьев, частые завалы бурелома и разбросанные там и сям заросли кустарника. И даже воздух был совсем другой. Ни движения — тишина. Они брели по чудесному

ковру из мягкого мха, в котором даже Тэр утопал по самые плечи. Шли в загадочный мрачный лес, полный таинственных теней, в котором стоял терпкий, едкий запах гниющих растений.

Тэр шагал уже не так быстро. Молчание, мрак и гнетущий запах, казалось, настораживали гризли. Он ступал бесшумно, то и дело останавливался, осматриваясь и прислушиваясь. Принюхивался к омутам, скрытым у корней деревьев. При каждом новом звуке медведь замирал на месте. Голова низко опускалась к земле, уши поднимались. Несколько раз Муква видел, как какие-то тени проплывали во мраке. Это пролетали большие серые совы, которые зимой становятся белоснежными. А один раз, когда уже начинало смеркаться, они набрели на существо очень свирепого вида, которое при виде Тэра в страхе метнулось прочь. Это была рысь.

Ещё не совсем стемнело, когда Тэр и Муква бесшумно вышли из чащи и очутились сначала на берегу ручья, а потом у большого пруда. Пахнуло теплом и запахом чего-то нового, незнакомого. Запах, казалось, исходил из пруда, посредине которого виднелись какие-то круглые строения, похожие на огромные шалаши, обмазанные толстым слоем глины, и пахло не рыбой — это медвежонок уже знал.

Здесь жили бобры, и всякий раз, как Тэр забредал в эту часть долины, он неизменно наведывался в колонию бобров. Случалось, что тут перепадал на завтрак или на ужин какой-нибудь толстый бобрёнок. Но сегодня медведь не был голоден да к тому же торопился. И всё же он задержался на несколько минут, притаившись в тени, у берега.

Бобры уже приступили к ночным работам. Какие-то поблёскивающие зигзаги скользили по водной глади. Муска не мог понять, что это такое, но вскоре разглядел тёмные плоские головы и заметил, что большинство их двигалось от берега пруда по направлению к длинной, низкой перемычке, отгораживавшей воду с востока ярдов на триста.

Для Тэра эта запруда оказалась новинкой, и, прекрасно зная своих искусных друзей — если ему и случалось закусить кем-нибудь из них, то ведь только изредка, — он понял, что бобры расширяют границы своих владений, сооружая

новую плотину.

Тэр и Муква наблюдали, как два толстых труженика с громким всплеском столкнули в воду четырёхфутовое бревно. Один потянул его на место строительства, а второй вернулся к какой-то другой работе. Чуть позднее на том берегу с треском повалилось дерево — ещё один работник успешно завершил свой труд.

Тэр направился к плотине. И в ту же минуту что-то оглушительно треснуло и громко плеснулось в воде. Это старый бобр увидел Тэра и, подавая сигнал тревоги, так шлёпнул плоской стороной своего широкого хвоста по гладкой поверхности воды, что удар прозвучал в тишине, словно ружейный выстрел. И сейчас же пруд со всех сторон огласился плеском. Вся вода сразу закипела и забурлила — штук двадцать потревоженных рабочих в панике плыли под водой к своим обмазанным глиной твердыням. Мукву это общее возбуждение захватило настолько, что он чуть было не прозевал Тэра.

Медвежонок догнал гризли уже у самой плотины. Некоторое время Тэр критически осматривал новое сооружение. Потом попробовал, выдержит ли оно его вес. Постройка оказалась прочной, и по этому мосту медведь с медвежонком проше-

ствовали на другой берег. Вскоре Тэр ступил на отчётливо видную тропу, протоптанную карибу, и она, обогнув озеро, привела их через полчаса к ручью, который брал своё начало в озере и тёк от него на север.

Мусква мечтал об одном: чтобы Тэр наконец сделал привал. За время короткого дневного сна ноги медвежонка не успели отдохнуть и теперь ныли, нежные подушечки на его лапах распухли и ободрались, на них страшно было ступить. Весь день они шли не останавливаясь, и, будь на то воля Мусквы, он в течение целого месяца не сделал бы ни одной мили пешком. Идти, конечно, было не так уж неприятно, но медвежонку приходилось то и дело гнать рысью, чтобы успеть за Тэром. Так бежит малыш, уцепившись за палец взрослого, который идёт широким шагом. А Мускве и уцепиться-то было не за что.

Подошвы медвежонка жгло точно кипятком, нежный носик был порезан кустарником и острой, как нож, болотной травой, спина болела. И всё-таки он не отставал.

Но вот под ногами снова пошли песок и галька. Идти стало легче. Звёзды, миллионы звёзд высыпали на небе, ясные, сверкающие…

По всему было видно, что Тэр настроился идти и

ночью. И неизвестно, чем бы кончилось это ночное путешествие для медвежонка, если бы силы небесные не сговорились дать ему передышку.

Ещё примерно с час звёзды были ясными, а Тэр, этот изверг бесчувственный, всё шёл себе да шёл. У Мусквы уже лапы заплетались одна за другую. Но вот где-то в отдалении, на западе, прозвучал низкий рокот грома. Рокот усиливался, нарастал, стремительно надвигаясь на них прямо с тёплого Тихого океана.

Тэр забеспокоился и, повернув голову в сторону грома, принюхался. Синие огненные зигзаги вспарывали чёрный покров ночи, который то и дело снова затягивался, как огромный занавес. Звёзды исчезли. Протяжно завыл ветер. И вот хлынул дождь.

Тэр отыскал скалу, которая образовала впадину с навесом над ней, и они с Мусквой успели забиться туда ещё до начала ливня. Долгое время дождь хлестал как из ведра. Казалось, воды Тихого океана выплёскивались сюда. Не прошло и получаса, как ручей вздулся, превратившись в бурный поток.

Молнии и удары грома приводили Мускву в ужас. При невероятных, ослепляющих вспышках молний Мусква мог видеть Тэра, но вдруг снова

наступала кромешная тьма. Казалось, вершины гор рушатся в долину и земля вздрагивает… И Муква всё ближе подбирался к Тэру, пока не устроился наконец между передними его лапами и не прижался к лохматой груди гризли.

Тэра не беспокоили эти шумные судороги природы. Единственно чего он боялся — это намокнуть. Он принимал ванну только тогда, когда солнце сверкало и рядом была какая-нибудь уютная нагретая скала, на которой можно было растянуться.

Ещё долго после своего первого неистового низвержения ливень никак не мог уняться. Но теперь это даже нравилось Мукве. Под укрывшей их скалой, прижавшись к Тэру, медвежонок чувствовал себя очень уютно и быстро заснул. Долгие часы продолжалось одинокое бдение Тэра. Время от времени он клевал носом, но беспокойство, не утихавшее в нём, не давало ему уснуть. Вскоре после полуночи дождь перестал, но было ещё очень темно, ручей разлился и вышел из берегов… И Тэр остался под скалой.

Муква выспался на славу. Когда Тэр зашевелился и разбудил его, уже наступил день. Медвежонок выбрался из-под скалы следом за гризли, чувствуя себя несравненно лучше, чем

вчера вечером, хотя лапы его ещё ныли и тело ломило.

Тэр снова двинулся по течению ручья. По берегам его тянулись отмели и бесчисленные болотца, буйно заросшие мягкой травой со множеством съедобных кореньев. Здесь росли и стройные лилии на длинных стеблях, до которых Тэр был большой охотник.

Но, чтобы такому огромному гризли насытиться подобными вегетарианскими деликатесами, понадобился бы целый день. А Тэр очень торопился. Любовный угар Тэра длился всего несколько дней в году. Но и сам Тэр, и его образ жизни в эти дни изменялись неузнаваемо. Забота о хлебе насущном и о нагуливании жира отступала у гризли на время счастливого супружества куда-то на второй план. Иными словами, он в эти дни жил не только ради того, чтобы набить себе брюхо, а ел лишь для поддержания бренной оболочки. Потому-то, пока дело дошло до обеда, Муква чуть не умер с голоду.

Но вот наконец — день ещё был в самом разгаре — Тэр подошёл к обмелевшему затону, не свернуть к которому было бы просто преступлением.

В ширину затон не достигал и двенадцати футов, но форели в нём было очень много. Это были те рыбы, которые в половодье поднялись вверх по ручью, но не успели достичь озера. Вода спала, а они остались в этом затоне; в ожидании нового подъёма воды, когда можно будет уйти в глубокие

реки Бэбин и Скину, они жили в этой ловушке. С одного края вода была здесь глубиной в два фута, с другого же — всего в несколько дюймов.

Гризли вошёл в более глубокую часть, и Мускве, оставшемуся на берегу, было видно сверху, как сверкающие в воде форели кинулись к отмели. Тэр не спеша двинулся на них, и, как только он оказался в воде на глубине в восемь дюймов, рыбы в панике одна за другой попытались проскочить мимо медведя опять в глубину. Раз за разом огромная правая лапа Тэра взметала огромные столбы воды. Первый же из этих всплесков сбил Мускву с ног. Но зато вместе с водой на берег была выплеснута двухфунтовая форель. Медвежонок тут же оттащил рыбу от берега и набросился на неё.

От могучих ударов лапы Тэра в водоёме началось настоящее столпотворение. Рыбы метались от одного берега к другому. А гризли тем временем выбросил на берег почти целую дюжину рыб.

Муква так увлёкся едой, а Тэр — ловлей, что оба прозевали появление гостя. Они увидели его почти одновременно: Тэр — из воды, а Муква — стоя над рыбой. И оба остолбенели от изумления.

Гость был тоже гризли. Он принялся поедать

рыбу, выловленную Тэром, с таким хладнокровием, словно наловил её сам. Такого неслыханного оскорбления и столь дерзкого вызова никто не помнил в этой медвежьей стране. Даже Мусква и то понял это и выжидающе посмотрел на Тэра. Предстоял ещё один бой, и, предвкушая его, медвежонок облизнулся.

Тэр не спеша вылез из воды. На берегу он снова помедлил. Оба гризли не сводили глаз друг с друга. Пришелец смотрел на Тэра, не переставая грызть рыбину. Ни тот ни другой не рычали. Мусква не заметил ни одного признака вражды. А затем, к вящему изумлению медвежонка, Тэр приступил к еде шагах в трёх от незваного гостя!

Может быть, человек и лучшее создание природы, но по части уважения к старости подчас уступает медведю гризли. Тэру, например, и в голову бы не пришло грабить старого медведя, драться с ним, прогонять старика от мяса, даже если оно нужно самому Тэру. А далеко не о каж-

дом представителе рода человеческого можно сказать то же самое.

Гость был старым да к тому же ещё больным медведем. Ростом он почти не уступал Тэру, но так одряхлел, что грудь его стала вдвое у́же, а шея и голова до смешного тощи.

У индейцев племени кри есть особая кличка для такого медведя. Они зовут его Кьюйес Вопаск — медведь, который вот-вот умрёт от старости. Индейцы ни за что не тронут такого медведя, хотя белый человек убивает его. Сородичи относятся к такому медведю снисходительно и подпускают его к своей добыче, если он окажется по соседству.

Старый медведь, стоявший перед Тэром и Мусквой, был измучен голодом. Когти у него выпали, шерсть поредела, на шкуре проступали плешины, беззубые, красные дёсны еле-еле разжёвывали пищу. Если он дотянет до осени, то заляжет в берлогу на последнюю свою спячку. Там и умрёт. А может быть, его час пробьёт и того раньше. И тогда Кьюйес Вопаск, почуяв его приближение, забьётся в какую-нибудь глухую пещеру или глубокую расщелину в скалах и там отойдёт с миром.

Вот поэтому-то ни Брюс, ни Ленгдон ни разу не

слышали, чтобы кто-нибудь из людей нашёл в Скалистых горах кости или труп гризли, который умер естественной смертью!

…Огромный, затравленный зверь, которого мучила рана и которого преследовал человек, казалось, понял, что это последний пир Кьюйес Вопаска, слишком старого, чтобы самому ловить рыбу, слишком старого, чтобы охотиться, и слишком старого даже для того, чтобы откопать нежные корни дикой лилии. И Тэр не мешал ему. Они мирно уничтожали рыбу. А потом Тэр снова тронулся в путь, и маленький Муксва последовал за ним.

Глава 13
Пипунескус

Вот уже два часа подряд тянулась эта бесконечная прогулка — Тэр тащил за собой Мускву всё дальше на север. С тех пор как козья тропа осталась позади, они отшагали добрых двадцать миль. А для медвежонка с рыжей мордочкой это было равно кругосветному путешествию. При нормальных условиях он не забрёл бы от родных мест в такую даль лет до двух, а то и до трёх.

Много времени отнимали крутые горные склоны. Но Тэр навёрстывал упущенное, выбирая самые удобные тропинки вдоль ручья. Милях в трёх-четырёх от водоёма, у которого они покинули старого медведя, Тэр неожиданно свернул на запад. И вот они снова взбирались на гору.

Они поднялись на четверть мили вверх по заросшему травой оползню, который — к счастью для Мусквы с его больными лапами — вывел их на гладкую, совершенно ровную поверхность сброса. Отсюда они выбрались на склоны, ведущие во вторую долину. Это была та самая долина, в которой милях в двадцати южнее Тэр убил

чёрного медведя.

С того момента, как Тэр оглядел свои владения с их северной границы, в нём произошла перемена, за которую Муска, владей он даром речи, смиренно возблагодарил бы всевышнего. Тэр вдруг как-то сразу утратил нетерпение, подгонявшее его всё время. Минут пятнадцать простоял он, заглядывая вниз и принюхиваясь. Не спеша гризли спустился в долину и, дойдя до зелёных лугов и поймы ручья, пошёл навстречу ветру, который тянул с юго-запада.

Ветер не доносил желанного запаха подруги. Однако инстинкт, более безошибочный, чем рассудок, подсказывал гризли, что она где-то неподалёку. Он не принимал в расчёт такого возможного, например, обстоятельства, как несчастная случайность, — ведь медведица могла, скажем, заболеть или попасться охотникам, которые убили бы её. Тэр всегда начинал свои поиски с этого места и рано или поздно находил медведицу. Гризли знал её запах и исхаживал эти низины по нескольку раз вдоль и поперёк, так что появление этого запаха не могло ускользнуть от него.

Совершенно естественно, что в эти напряжённые часы поисков гризли почти совсем забыл

про Мускву. Ещё до заката по меньшей мере раз десять переходил Тэр взад и вперёд ручей, и медвежонку приходилось то идти вброд, то барахтаться в воде, то ползти за ним по дну ручья. Бедняга чуть было не утонул и, возмущённый, почти решил уже отстать от Тэра. На десятый или двенадцатый раз Мусква взбунтовался и не пошёл за Тэром на другую сторону ручья. Но гризли скоро вернулся.

Дальше события развивались совсем уж неожиданно. Солнце уже садилось. Слабый ветерок вдруг изменил направление и задул с запада, принеся с западных горных склонов в полумиле отсюда запах, который заставил Тэра замереть на месте и с полминуты не двигаться, а затем погнал его торопливой иноходью, самым безобразным аллюром, на который только способно четвероногое. Мусква шаром катился за ним, но, хотя и бежал во все лопатки, с каждым шагом отставал всё больше. И медвежонок наверняка потерял бы Тэра, если бы тот не задержался у подножия склона ближайшей горы, уточняя направление. Когда же гризли кинулся вверх по склону, Мусква увидел его и с воплем припустился следом.

На высоте двухсот-трёхсот ярдов, там, где горный склон полого спускался, переходя в лощину, втягивая носом воздух, стояла красавица медведица из чужих краёв и с ней один из её прошлогодних медвежат. Когда Тэр перевалил за гребень горы, то оказался ярдах в пятидесяти от неё. Он остановился и смотрел на неё. Исквау тоже смотрела на него. И началось медвежье ухаживание.

Торопливость, нетерпение, порыв, казалось, разом угасли. Да и у Исквау был теперь совер-

шенно безразличный вид. Минуты две-три Тэр стоял, оглядываясь кругом. За это время Мусква успел догнать его и уселся рядом, ожидая новой баталии.

Исквау перевернула большую каменную глыбу и занялась поисками гусениц и муравьёв, как если бы Тэра здесь и не было. А Тэр, чтобы не дать перещеголять себя, с такой же стоической невозмутимостью сорвал клок травы и проглотил его. Исквау ступила шаг или два, и Тэр тоже ступил шаг или два. Как будто совершенно случайно, само собой получалось, что они продвигались навстречу друг другу.

Мусква был озадачен, да и медвежонок постарше — тоже. Они сидели, точно две собачонки, на задних лапках и удивлённо ждали, что же за этим последует.

Пять минут понадобилось Исквау и Тэру, чтобы расстояние между ними уменьшилось до пяти футов. Затем они церемонно принялись обнюхиваться. Как только дело дошло до этого, медвежонок постарше присоединился к семейному кругу.

Он уже достиг возраста, необходимого для получения длиннейшего имени, индейцы называют таких медвежат пипунескус — годовалый.

Пипунескус решительно направился к Тэру и матери. Казалось, Тэр не заметил его. Но вдруг длинная правая лапа гризли мелькнула в неожиданном апперкоте — ударе снизу, — от которого Пипунескус взвился в воздух и полетел, кувыркаясь, в сторону Мусквы.

Мать, всё ещё нежно обнюхиваясь с Тэром, не обратила ни малейшего внимания на изгнание своего отпрыска. Но Мусква решил, что это начало новой смертельной битвы. Издав боевой клич, он кинулся вниз по склону и что было сил навалился на Пипунескуса.

Пипунескус был маменькиным сынком. Он принадлежал к тем медвежатам, которые упорно не отстают от своих мамаш и на второй год жизни. С ним нянчились, пока ему не сравнялось пять месяцев. Медведица и после этого не переставала добывать для него лакомства. Он был толстый, гладкий и очень избалованный. Настоящий неженка…

Мусква же, напротив, за эти несколько дней набрался настоящего мужества. И, хотя он был втрое меньше Пипунескуса и его лапы ныли, а спина болела, он обрушился на противника, словно пуля, выпущенная из ружья.

Всё ещё не опомнившийся от оплеухи Тэра,

Пипунескус при этом яростном нападении завопил, призывая на помощь мать. Ему ещё ни разу не приходилось сражаться, и он только перекатывался с боку на спину, царапаясь и испуская истошные вопли, в то время как острые зубки-иглы Мусквы раз за разом вонзались в его нежный бок. Мускве удалось цапнуть его за нос. Укус был глубоким, и если у неженки Пипунескуса была вообще хоть капля мужества, то при этом и она улетучилась. И, пока Мусква крепко держал его зубами, Пипунескус вопил что есть мочи, извещая свою маменьку, что его убивают. А Исквау продолжала себе любезничать с Тэром и не обращала на эти крики никакого внимания.

Освободив наконец окровавленный нос, Пипунескус, пользуясь своим огромным преимуществом в весе, стряхнул с себя Мускву и кинулся наутёк. Муква доблестно преследовал противника. Дважды обежали они вокруг водоёма, и Муква нёсся за ним по пятам, пока насмерть перепуганный Пипунескус, зазевавшись на мгновение, не налетел на скалу и не растянулся во весь рост на земле. Сейчас же Муква снова оказался на нём и не перестал бы кусаться и рычать, пока не выбился бы из сил, если бы случайно не увидел, что Исквау и Тэр не спеша спускаются с горы в долину.

Почти в тот же миг он забыл о драке. Его боль-

шой друг Тэр, вместо того чтобы разорвать медведицу на части, уходит вместе с ней! Медвежонок опешил. Пипунескус, придя немного в себя, тоже уставился на них. Затем медвежата посмотрели друг на друга. Муксва облизнулся, как бы выражая этим противоречивость своих чувств — колебание между соблазном изувечить Пипунескуса и властным голосом долга, зовущим его следовать за Тэром. Пипунескус разрешил эти сомнения. С жалобным рёвом кинулся он за матерью.

Тревожное время наступило для двух медвежат. Всю ночь Тэр и Исквау провели в густом ивняке у поймы. Вечером Пипунескус опять было подкрался к мамаше, но Тэр снова отшвырнул его на середину ручья. Повторное доказательство неудовольствия Тэра окончательно убедило Муксву в том, что взрослые медведи не расположены терпеть общество медвежат. Результатом этого открытия было заключение перемирия между ним и Пипунескусом, которое длилось всю ночь.

Тэр и Исквау ушли недалеко. За всю ночь они не отошли от подножия горы дальше двухсот-трёхсот ярдов. Поэтому Муксва воспользовался случаем и отдохнул. Но поспать по-настоящему так и не пришлось, он по-прежнему упорно дер-

жался своего решения не упускать Тэра из виду. Весь следующий день Исквау и Тэр не выходили из зарослей.

Как только наступило утро, Мусква пустился на промысел. Сочная молодая трава была ему, конечно, по вкусу, но ей одной сыт не будешь. Он видел, что Пипунескус роется в мягкой земле у самого ручья, и в конце концов не выдержал и прогнал его от недорытой ямки, взяв дальнейшие поиски в свои руки. Покопавшись ещё немного, он вытащил из земли белую луковицу.

Подобного лакомства ему ещё не попадалось — даже форель не шла ни в какое сравнение с ним. Это было самое вкусное из того, что ему доводилось пробовать, если не считать рыбу. Луковица эта — корень клейтонии, и если с ней можно было хоть что-нибудь сравнить, то, пожалуй, только кандык. Клейтонии росли здесь в изобилии, и Мусква без устали откапывал их корни, пока лапы не разболелись не на шутку. Но зато и наелся уж в полное удовольствие.

Тэр ещё раз оказался невольным виновником драки Мусквы с Пипунескусом. Уже к вечеру, когда оба взрослых медведя лежали рядышком в зарослях кустарника, Тэр вдруг ни с того ни с сего разинул свою огромную пасть и издал низкий,

протяжный, раскатистый рёв, очень похожий на тот, который прозвучал, когда он задрал насмерть чёрного медведя. Искваy подняла голову и стала громко вторить ему. Оба они делали это в самом великолепном расположении духа и испытывали во время этого дуэта полное блаженство. Почему медведи у себя на свадьбе находят удовольствие в дуэтах, от которых кровь стынет в жилах, остаётся тайной, и объяснить её, пожалуй, могут только сами медведи.

Рёв длился с минуту, и Мусква, который лежал возле кустарника, решил, что пробил славный час — Тэр приканчивает мамашу Пипунескуса. Глаза медвежонка мгновенно отыскали неженку. На беду себе Пипунескус в это время крался по опушке кустарника, и Мусква не дал ему и рта раскрыть.

Чёрной молнией кинулся он на Пипунескуса и сбил того с ног, как маленького ребёнка. Несколько минут они кусали, колотили и царапали друг друга. Вернее, всё это делал главным образом Мусква, так как Пипунескус тратил свои силы в основном на вопли. Наконец большой медвежонок вырвался и опять пустился наутёк. А Мусква загнал его в кустарник, выгнал оттуда, прогнал до ручья и обратно, заставил мчаться вверх по откосу, а потом вниз и преследовал, пока сам не выбился из сил и не свалился с ног.

И в это самое время Тэр вышел из чащобы. Он был один.

Казалось, Тэр впервые после позапрошлой ночи обратил внимание на Мускву. Он повёл носом в одну, а затем в другую сторону, повернулся и пошёл прямо к тем дальним склонам, с которых они спустились сюда вчера днём.

Мусква обрадовался, но был и озадачен этим.

Очень уж хотелось ему забраться в чащу кустарника и порычать там, подёргать за шкуру медведицу, которая, без сомнения, лежит там сейчас бездыханная, а заодно добить и Пипунескуса. Но, поколебавшись немного, Мусква припустился за Тэром.

И вот он снова шагает по пятам за гризли.

На этом и кончилась семейная жизнь Тэра и первая битва Мусквы. И снова они бредут на восток, навстречу самой страшной опасности — опасности, от которой никуда не уйдёшь, которая смертельна.

Немного позже вышла из кустарника и Искваy. Так же как и Тэр, она принюхалась к ветру. Затем повернула в противоположном направлении и не спеша, уверенно двинулась вверх, навстречу закату. За ней бросился Пипунескус.

Глава 14
Появление собак

Дойдя до склона, ведущего к сбросу, который разделяет две долины, Тэр повернул на юг, по направлению к тем местам, милях в восемнадцати-двадцати отсюда, где был убит чёрный медведь.

Муква полагал, что они с Тэром надолго распростились с Пипунескусом и его мамашей. Но самом же деле Тэр испытал пока ещё только первые радости медвежьего медового месяца. Теперь он удалялся, чтобы побыть наедине, поразмыслить и подкормиться. Да и Исквау тоже, хотя она и двинулась прямо на запад, ещё не возвращалась к себе. Скорее всего послезавтра, если судьба не вмешается в это дело по-своему, они встретятся снова и на следующее утро или к вечеру следующего дня опять расстанутся. Так их встречи будут повторяться в течение двух недель, а то и месяца, пока Исквау не станет неприветливой и злой. Тогда она отправится к себе до следующего года, и не исключено, что её последнее «прости» окажется увесистой оплеухой, которую она за-

лепит Тэру. Но замыслы живущих на земле то и дело рушатся самым плачевным образом. Судьба, которой предстояло стать между ними, в этот момент мчалась на лошадях по долине.

Эту первую, сверкающую звёздами ночь после разлуки с Исквау и Пипунескусом огромный гризли и медвежонок с рыжей мордочкой пробродили без сна. Тэр не стал охотиться. Он взобрался по крутому склону вверх, а затем по глинистому откосу расщелины спустился к подножию горы и вышел на зелёную лужайку, густо заросшую кандыком. Это четырёхлепестковый цветок на тонком, высоком стебле, с двумя листьями, как у лилии, и сладким луковицеобразным корнем. Всю ночь Тэр выкапывал и ел эти корни.

Мускве, который до отвала наелся клейтонией, есть не хотелось. И так как днём он, если не считать драки, только и делал, что отдыхал, то ночь, сияющие звёзды, красавица луна показались ему восхитительными.

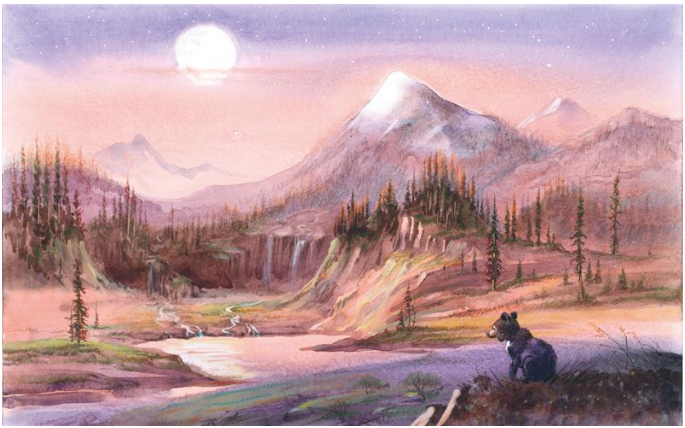
Луна взошла около десяти часов, и такой огромной и великолепной медвежонок не видел её ещё ни разу за всю свою недолгую жизнь. Свет её, стекая с горных вершин, как лесной пожар, охватил Скалистые горы таинственным красным пламенем. Вся низина реки была освещена почти

как днём. Небольшое озеро у подножия горы тихо мерцало, а питающие его ручейки, которые сбегали с гор из-под тающего на высоте тысячи футов снега, низвергались вниз сверкающими каскадами, в которых лунный свет дробился и играл, словно это была искрящаяся алмазная россыпь.

Там и сям пестрели кустарник, пихты и ели, как будто нарочно высаженные здесь. На вершине заросшего зеленью склона горы, невидимое для глаз Тэра и Мусквы, спало стадо горных баранов.

Муска бродил с Тэром, обследуя чащи кустарника, чёрные тени сосен и елей, берег озера. Здесь он обнаружил лужицу жидкой грязи, которая оказалась просто спасением для его измученных ног. И в течение ночи медвежонок раз двадцать забирался в неё.

Даже на рассвете Тэр всё ещё, казалось, не торопился уйти отсюда. Солнце уже было довольно высоко, а он всё блуждал и блуждал по лужайке и по берегу озера, выкапывая попадающиеся коренья, набивая брюхо мягкой травой. Мускве, который позавтракал луковичками кандыка, это было по душе. Он только не понимал, почему Тэр не заберётся в озеро и не нашвыряет оттуда форели. Медвежонок ещё не знал, что рыба водится не во всякой воде.

В конце концов он сам отправился на рыбную ловлю и сейчас же преуспел, нарвавшись на одетого в твёрдый панцирь чёрного водяного жука, который впился ему в нос своими острыми, как иглы, клешнями, исторгнув из груди медвежонка отчаянный вопль.

Было часов десять, и в залитой солнцем ложбине медведю стало жарко, как у печки, в его толстой шубе. Тэр бродил меж скал около водопада, пока не обнаружил прохладное местечко. Он отыскал небольшую пещерку, в которой было

холодно, как в погребе. Всё вокруг неё — и шифер, и песчаник — было тёмным, холодным, скользким от множества струек талой воды, сбегавшей с горных вершин. Именно такие уголки выбирал обычно Тэр в жаркие июльские дни. Но Мускве здесь казалось темно, мрачно и в тысячу раз менее приятно, чем на солнышке. Часа через два он оставил Тэра в этом холодильнике и принялся обследовать уступы, не имея ни малейшего представления о том, как они опасны.

Несколько минут всё шло прекрасно. Затем медвежонок ступил на зелёную шиферную плиту, по которой тончайшей прозрачной паутинкой стекала вода. Точно так же бежала она по этой плите уже сотни лет и отполировала её, как жемчужину. Плита стала скользкой, точно её смазали жиром. Муска и опомниться не успел, как ноги у него разъехались, и в следующее мгновение он уже скользил вниз, прямо в озеро, до которого было футов сто.

Он нёсся кувырком через мелкие лужицы. Точно мячик, перелетал через крохотные водопадики. У него даже дух захватило. Он ослеп и ничего не соображал от испуга. С каждым ярдом скорость его падения всё возрастала. Его душераздирающие вопли разбудили Тэра.

На том месте, где потоки с гор спадают в озеро, образовался отвесный обрыв. И Мусква перелетел через него, причём инерция его падения оказалась так велика, что медвежонка швырнуло с разгона чуть ли не на середину озера. С громким плеском шлёпнулся он в воду и скрылся.

Он погружался всё глубже и глубже во тьму и холод, туда, где нечем дышать. А затем спасательный пояс, надетый на него самой природой — его жир, — снова поднял его на поверхность, и медвежонок забарахтался, хлопая по воде всеми четырьмя лапами

Это было его первое плавание. На берег он выбрался совершенно обессиленный и измученный. И, когда Тэр спустился со скалы, медвежонок всё ещё лежал, тяжело дыша.

В своё время мать Мусквы задала ему хорошую взбучку, когда он напоролся лапой на иглу дикобраза. Она наподдавала ему за каждую подобную оплошность, считая трёпку лучшим лекарством. Воспитание медвежат и состоит главным образом в подобного рода поучениях, и, окажись мать Мусквы сейчас здесь, она бы снова проучила его таким же образом. А Тэр только обнюхал медвежонка, убедился, что тот цел и невредим, и тут же занялся откапыванием кандыка.

Не успел он доесть только что вырытый корень, как вдруг замер и с полминуты простоял в неподвижности, как статуя. Муска, вскочив и отряхнувшись, тоже прислушался. Оба медведя что-то услышали. Легко, неторопливо Тэр выпрямился, встав на задние лапы. Он повернулся на север, уши его насторожились, чуткие ноздри напряглись. Он не почувствовал никакого запаха, но зато услышал!

Доносился еле различимый незнакомый звук, которого здешние горы ещё не слышали. Лаяли собаки. Минуты две Тэр сидел на задних лапах. Ни один мускул его гигантского тела не шевелился, только ноздри чуть вздрагивали. Сюда, в низину, в эту глубокую впадину под горой, даже звуку трудно было проникнуть. Мгновенно опустившись на четвереньки, гризли полез вверх по зелёному склону горы, на вершине которой прошлой ночью отдыхало стадо горных баранов. Муска кинулся за ним.

Поднявшись футов на сто, Тэр остановился и, оглядываясь, снова поднялся на задние лапы. Теперь и Муска смотрел на север. Внезапный порыв ветра помог отчётливо расслышать лай.

Меньше чем в полумиле от Тэра и Мускы свора специально обученных эрделей Ленгдона,

захлёбываясь лаем, мчалась по горячему следу. Лай звучал яростно, заливисто, и это говорило отставшим на полмили Брюсу и Ленгдону, что собаки недалеко от зверя.

Голоса собак взбудоражили Тэра. Инстинкт опять подсказывал гризли, что какой-то новый враг вторгается в его мир. Он не испугался. Но инстинкт властно настаивал на отступлении, и медведь стал взбираться выше и выше, пока не достиг части горы, которая была загромождена каменными глыбами. Там он снова остановился.

Он ждал. Какова бы ни была эта опасность, надвигалась она с быстротой ветра. Гризли и Муква слышали, как она вырвалась на склон, который отделял впадину вокруг озера от долины. Вершина этого склона приходилась как раз на уровне глаз Тэра, и он увидел, как вожак стаи показался на краю этой вершины и на миг замер, чётко обозначившись на фоне неба. Вскоре появились и остальные.

С полминуты собаки стояли неподвижно, вглядываясь в приозёрную впадину под собой и втягивая ноздрями терпкий запах, которым она была пропитана. Тэр наблюдал за врагом не шевелясь, и только низкое, страшное рычание зарождалось у него в груди.

Он снова начал отступать лишь после того, как вся свора кинулась вниз и залилась звонким лаем. Но его отступление не походило на бегство. Гризли не боялся. Он продолжал свой отход потому, что так было нужно.

Тэр не напрашивался на неприятности. У него не было ни малейшей охоты удерживать этот луг и озерцо за собой. Есть другие луга и озёра, а по своей природе Тэр не был охотником до драк. Но он был готов к драке. Медведь продолжал недобро ворчать. А в груди его медленно разгорался гнев.

Тэр прятался между утёсами. Он шёл по уступу горы, и Муква не отставал от него. Гризли взобрался по крутому откосу скалы и запетлял между огромными каменными глыбами. Но он всё время выбирал путь, который был бы по силам медвежонку. Только один раз он полез было с выступа скалы на нависший сверху пласт песчаника, но, увидев, что Муква не взберётся сюда, спустился обратно и пошёл другим, более лёгким путём.

Лай собак слышался далеко внизу, в приозёрной впадине. Затем он начал быстро приближаться, нарастая снизу, точно нёсся на крыльях. И Тэру стало ясно, что свора мчится вверх по зелёному склону. Он снова задержался.

На этот раз ветер донёс запах собак, отчётливый и резкий. От этого запаха каждый мускул огромного тела гризли напрягся, и в груди медведя разгорелся злобный, неукротимый огонь. Собаки принесли с собой запах человека!

Теперь Тэр взбирался вверх побыстрее. Заливчатый, яростный лай собак звучал уже, казалось, не более чем в сотне ярдов, когда гризли ступил на узкий карниз, образованный сдвигом каменных пород.

С одной стороны карниза подымалась перпендикулярно каменная стена. С другой шёл

отвесный обрыв футов в сто глубиной. Сам же карниз был загромождён огромной каменной глыбой, обрушившейся сюда с горы так, что остался только узкий проход.

Великан гризли довёл медвежонка до этой каменной глыбы к началу прохода и сделал на площадке резкий разворот, пропустив Мускву вперёд, а сам стал между ним и собаками. Перед лицом настигающей опасности мать-медведица загнала бы Мускву в какую-нибудь спасительную расщелину в скале. Тэр поступил иначе. Поднявшись на задние лапы во весь рост, он стал грудью навстречу опасности.

Пройдя футов двадцать по карнизу, Тэр зашёл за выступ отвесной скалы и страшными, налитыми кровью глазами осмотрел уготованную им для гостей ловушку.

Свора приближалась с оглушительным лаем. К выступу, за которым притаился Тэр, собаки бежали плечом к плечу. Миг… и первая из них выскочила на арену, которую выбрал для боя Тэр.

Стая мчалась такой тесной группой, что, когда передние собаки, неожиданно наскочив из-за крутого поворота прямо на Тэра, попытались резко осадить, задние, налетев на них с разгона, швырнули их прямо на гризли. Тэр с рёвом вре-

зался в стаю.

Его огромная лапа протянулась вперёд, и Мускве показалось, что он одним махом подгрёб под себя сразу полстаи. Чудовищные челюсти медведя сомкнулись и разом перегрызли спину ближайшей собаке. Второй он так же быстро свернул шею. Затем гризли кинулся вперёд и, прежде чем остальные собаки успели опомниться, влепил одной из них удар, от которого она перелетела через край обрыва и шлёпнулась о камни с высоты сотни футов. Всё произошло в какие-нибудь полминуты. Но за это время остальные девять собак уже успели отскочить в сторону.

Эрдели Ленгдона были настоящими бойцами. Все они как один происходили из рода бойцов, а Брюс и Метусин так натаскали их, что им теперь был сам чёрт не брат. Трагическая судьба трёх собак не очень-то напугала остальных.

Быстрые, как молния, они окружили гризли, низко припав на передние лапы, каждая готовая в любой момент отскочить в сторону или назад и уйти от внезапных нападок медведя. Их лай перешёл в частое, злобное тявканье, которое даёт знать охотникам, что жертва загнана и ей теперь некуда податься. В этом и состоит их роль

— изводить и выматывать зверя, замедлять его бегство, заставлять то и дело задерживаться, пока не подоспеют охотники, чтобы добить его. Борьба между Тэром и собаками — это страшное, но благородное и захватывающее состязание. Появление же людей с винтовками превращает состязание в бойню.

Но если у собак были свои уловки, то и у Тэра имелись свои. После трёх-четырёх бесполезных выпадов, от которых эрдели, более подвижные и быстрые, чем он, легко уклонялись, гризли стал пятиться к скале, за которую забился Муква. И, по мере того как он отступал, собаки наступали.

Их лай, который становился всё громче, и очевидность того, что Тэру не прогнать собак и не разорвать их в клочья, нагнали на Мукву такой страх, какой ему раньше и не снился. И тут медвежонок вдруг повернулся и бросился в ближайшую расщелину.

Тэр продолжал пятиться, пока не упёрся в камень. Повернув голову вбок, гризли поискал глазами медвежонка. Но того и след простыл. Дважды поворачивал Тэр голову. Убедившись, что Муква исчез, медведь стал отступать дальше. Он отступал, пока не загородил собой узкий проход сбоку — запасной выход, который он берёг на

крайний случай.

Собаки бешено лаяли на него. Они захлёбывались от ярости, шерсть на загривках стояла дыбом, клыки оскалились до самых дёсен. Всё напористей наседали они на гризли. Они вызывали его: попробуй, остановись, кинься, поймай хоть одну, раз ты такой ловкий!

Собаки, увлечённые охотничьей страстью, углубились следом за Тэром в узкий проход ярдов на десять. Тэр прикинул это расстояние, как он делал это на днях, охотясь на карибу, а затем без единого звука внезапно кинулся на своих врагов и обратил их в беспорядочное бегство.

Тэр не остановился и мчался за собаками следом. Там, где в стене скалы был выступ, карниз сужался до пяти футов в ширину, и Тэр учёл это обстоятельство, как и расстояние до самого выступа.

Гризли сгрёб лапой последнюю собаку и пригвоздил к земле. Пронзительные предсмертные крики эрделя донеслись до Брюса и Ленгдона. Еле переводя дух, мчались они вверх по склону, начинавшемуся у приозёрной впадины.

Тэр улёгся в узкой части карниза. И, когда собаки наконец снова подняли лай, он всё ещё лежал там. Но вот Тэр поднялся и поискал ещё

раз глазами Москву. Свернувшись в маленький, дрожащий комочек, медвежонок забился в расщелину глубиной футов в пять.

А Тэр, очевидно, решил, что его спутник забрался на гору, и не стал больше мешкать с отступлением. В это время ветер снова потянул на него. Брюс и Ленгдон вспотели, и их запах резко ударил в ноздри гризли.

Минут десять Тэр отходил, не обращая ни малейшего внимания на тявканье восьми эрделей. Разве что иногда чуть приостанавливался и оглядывался на них. Чем дальше он отступал, тем назойливей становились эрдели, пока наконец один из них не вырвался и не вцепился в заднюю лапу гризли. И только это заставило Тэра решиться на то, к чему лай так и не смог его принудить. Взревев, Тэр обернулся и погнался за собаками. Минут пять было потеряно на эту бесполезную погоню. Он поднимался дальше, направляясь к плечу горы.

Если бы не ветер, стая собак довела бы дело до победного конца. Но ветер предупреждал Тэра о приближении Брюса и Ленгдона, донося горячий запах их потных тел. И гризли прилагал все усилия, чтобы держаться с наветренной стороны.

У него был другой путь на вершину горы, легче и короче. Но надо было идти к нему запасным ходом. Тогда ветер не достигал бы его. А пока гризли не терял ветра, он был в безопасности, если только охотники не расстроят его план бегства, зайдя с другой стороны, наперерез Тэру, и тем отняв у него это преимущество.

Через полчаса он достиг самого гребня горы. Теперь, когда он будет подниматься последние двести ярдов по склону к главному хребту, ему придётся выйти на открытое место и тем самым выдать себя.

На открытом месте Тэр так припустился вперёд, что собаки отстали ярдов на тридцать-сорок. Минуты две или три он был отчётливо виден на горе. Затем силуэт его резко обозначился на фоне снегов: здесь не было ни кустарника, ни камней, за которыми можно было бы скрыться от смотрящих на него снизу глаз. Брюс и Ленгдон увидели гризли в пятистах футах от себя и сейчас же открыли пальбу.

Тэр услышал у себя над ухом свист первой пули и почти сейчас же — треск выстрела. Вторая пуля взвихрила снег в пяти ярдах перед ним. Гризли резко взял вправо. Для метких стрелков он в этот момент был великолепной мишенью. Тэр услышал третий выстрел, и всё стихло.

Эхо первых выстрелов ещё не замерло в горах, когда что-то со страшной силой ударило его сзади. Точно его хватили по голове дубиной откуда-то прямо с неба. Гризли рухнул как подкошенный.

Пуля лишь скользнула по голове. Крови почти не было, но медведь был оглушён, как человек, получивший удар по подбородку. Не успел зверь подняться, как собаки уже набросились на него и рвали горло, шею, грудь. Взревев, гризли стряхнул их с себя.

Он яростно расшвыривал эрделей, и охотники слышали его рёв. Ленгдон и Брюс держали пальцы на курках, ожидая, пока собаки оттянутся подальше и можно будет сделать последние, решающие выстрелы.

Ярд за ярдом прокладывал себе Тэр дорогу вверх, на кручу, рыча на собак и словно бросая вызов всему: этой обезумевшей своре, человеческому запаху, необыкновенному грому, обжёгшей

его молнии и, наконец, самой смерти.

А в пятистах футах ниже Ленгдон в отчаянии ругался на чём свет стоит: собаки так облепили Тэра, что о стрельбе нечего было и думать.

До самой вершины горы собаки защищали Тэра от выстрелов. Затем он перевалил через вершину и скрылся. Следом за ним исчезли и собаки. Их лай слышался теперь всё слабей и слабей. Великан гризли быстро уводил за собой эрделей от угрожающего ему человека в долгие странствия, из которых лишь немногим суждено было вернуться.

Глава 15
Попался

Муcква слышал из своего укрытия последние отзвуки боя. Расщелина имела форму латинской буквы V, и медвежонок забился в самую её глубину.

Он видел, как Тэр прошёл мимо его убежища после расправы с четвёртой собакой. Слышал, как — клик, клик, клик! — простучали по камню когти гризли, и понял, что тот ушёл, а за ним — и враги.

Однако Муcква всё ещё не отваживался выглянуть наружу. Эти неизвестно откуда взявшиеся гонцы, примчавшиеся сюда из долины, нагнали на него смертельный страх. Пипунескуса он не испугался. И даже огромный чёрный медведь, убитый Тэром, не был так страшен, как эти чужаки, их красные пасти и белые клыки. И он, маленький, лохматый комочек, забился в глубине расщелины, как пыж, загнанный шомполом в ствол ружья.

Лай собак ещё не отзвучал вдали, а медвежонок услышал новые, более близкие звуки, от которых

у него вся душа ушла в пятки.

Ленгдон и Брюс выбежали из-за выступа в стене скалы и при виде убитых собак замерли на месте. Ленгдон горестно вскрикнул. Они стояли футах в двадцати от Мусквы.

Впервые услышал он человеческие голоса. Впервые его ноздри втянули запах потных человеческих тел, и у медвежонка дух занялся от ужаса. А затем один из охотников остановился прямо перед расщелиной, где он притаился, и Муква впервые увидел человека. Ещё через мгновение охотники исчезли.

Спустя немного медвежонок услышал выстрелы. Собачий лай стал удаляться, пока наконец не замер. Было около трёх часов — время отдыха в горах. Стало очень тихо. Долгое время Муква лежал неподвижно. Затем прислушался. Но ничего не услышал. И тогда его снова охватил ужас — стало страшно, что он отбился от Тэра. Всей душой медвежонок надеялся, что тот вернётся. И поэтому ещё в течение часа оставался на том же месте.

А потом он услышал: чип, чип, чип! — и на уступе показался полосатый бурундучок, который принялся опасливо обследовать одного из убитых эрделей. И при виде этого крохотного

зверька Мусква воспрянул духом. Уши медвежонка приподнялись, и он тихонько всхлипнул, как бы взывая о сочувствии и дружбе к этой единственной живой душе, оказавшейся рядом с ним в трудный час. Потихоньку Мусква стал выбираться из своего убежища.

Вот его круглая лохматая голова высунулась из расщелины; медвежонок осмотрелся кругом. Карниз был свободен. Тогда Мусква направился к

бурундучку. Пронзительно заверещав, малютка помчался от него со всех ног в своё убежище, и медвежонок снова остался один. Несколько мгновений он постоял в нерешительности, втягивая носом воздух, пропитанный резким запахом крови, людей, Тэра, а затем стал подниматься на гору.

Он знал, что Тэр шёл в этом направлении. И ум и сердце медвежонка, насколько ему было отпущено того и другого, влекли его к одной цели — догнать своего старшего друга и покровителя. Даже боязнь людей, внушённая ему собаками, которых он доныне не знал, была ничто в сравнении со страхом остаться без Тэра. По следу гризли он мог бы идти и с завязанными глазами. След был ещё горячим, и Муква, идя по нему зигзагами, устремился по крутому склону что было сил вверх.

Местами восхождение становилось очень трудным для маленьких ног медвежонка, но он мужественно карабкался, ободряемый ещё не остывшим запахом Тэра. Только через час добрался он до сланцевого пояса горы, который тянулся до самой линии снегов, до самого неба.

Было уже четыре часа. Мукве осталось пройти до вершины горы последние триста ярдов. Мед-

вежонок не сомневался, что там, наверху, он и отыщет Тэра. Но ему было страшно, и, решительно вонзая свои маленькие когти в глину, он не переставал потихоньку всхлипывать.

Начав это восхождение, он уже больше ни разу не подымал глаз к гребню горы. Для того чтобы разглядеть этот гребень, ему пришлось бы сначала остановиться и свернуть чуть в сторону, так как подъём был очень крут. Вот и получилось, что даже на полпути к вершине он не увидел Ленгдона и Брюса, появившихся на вершине с той стороны горы и спускавшихся ему навстречу. Не услышал он и их запаха — ветер дул в сторону охотников.

Так, ничего не подозревая об их присутствии, вступил медвежонок в полосу снегов. Весело обнюхал он отпечатки огромных лап Тэра на снегу и направился по следу. А выше, прямо над ним, притаились Брюс и Ленгдон.

Оба низко пригнулись к земле, бросив ружья на снег и держа в руках наготове поспешно сорванные с себя толстые фланелевые рубашки. И, как только Муска приблизился футов на двадцать, они кинулись на него сверху с быстротой снежной лавины.

Мускве удалось справиться со своим оцепенением, когда Брюс уже оказался прямо над ним. Медвежонок заметил и осознал опасность лишь в самый последний миг. И в тот момент, когда Брюс бросился на него сверху, как сеть, растянув в руках рубашку, Мусква метнулся в сторону. Упав, Брюс захватил полную рубашку снегу и крепко прижал этот ком к груди, решив на мгновение, что поймал медвежонка.

В ту же секунду и Ленгдон нырнул в снег так, что проехался на животе через длинные ноги

друга и кувырком покатился вниз по снежному склону. А Мусква тем временем кинулся с горы вниз с быстротой, на какую только были способны его короткие ноги. Но Брюс уже нёсся по пятам за медвежонком. Ленгдон присоединился к нему, отстав футов на десять.

Неожиданно Мусква резко рванулся в сторону, и Брюс по инерции пролетел вперёд ярдов тридцать-сорок; ему удалось затормозить, согнувшись пополам, как складной нож, и цепляясь ногами и руками за мягкую глину. Ленгдон же свернул и гнался теперь за Мусквой.

Он кинулся на землю, растянув перед собой рубашку, но как раз в этот момент Мусква опять вильнул в сторону. Когда Ленгдон снова вскочил на ноги, на лице его были ссадины, а изо рта он выплюнул чуть ли не с полгорсти земли.

К несчастью, Мусква не успел увильнуть в сторону и столкнулся лицом к лицу с Брюсом. Свет померк для него, и он чуть не задохнулся, закутанный с головой во что-то плотное. Над ним прозвучал победный рёв врага.

— Вот он! — орал Брюс.

Накрытый рубашкой, Мусква царапался, кусался и яростно рычал. И, пока не подоспел Ленгдон со второй рубашкой, Брюсу хватало работы.

Очень скоро Мускву спеленали, как грудного ребёнка. Лапы и всё тело скрутили так туго, что нельзя было шевельнуться. Только одну голову оставили на свободе. Она была единственной частью его тела, которая высовывалась наружу и могла двигаться.

И была она такой круглой, перепуганной, смешной, что минуты на две Ленгдон и Брюс забыли все неудачи и огорчения этого дня и хохотали до слёз. Затем Ленгдон сел с одной стороны Мусквы, Брюс — с другой. Набили трубки, закурили. А Муква не мог даже ногой шевельнуть в знак протеста.

— Хороши охотники! — проронил Ленгдон. — Пошли по гризли, а нашли вот что!

Он взглянул на медвежонка. Муква смотрел на него такими серьёзными глазами, что Ленгдон на миг онемел от изумления. Потом не спеша вынул трубку изо рта и протянул руку.

— Детка, детка, хороший… — увещевал он медвежонка.

Муква прижал уши, а его глаза, обычно такие живые, остекленели, твёрд и непреклонен был их взгляд. Брюс незаметно для Ленгдона выжидательно ухмылялся.

— Детка не кусается… нет, нет… детка милая…

мы её не обидим…

И вдруг острые, как иголки, зубки Мусквы впились в палец Ленгдона. В тот же миг дикий крик потряс горы. А от радостных воплей Брюса дичь, наверное, разбежалась на целую милю в округе.

— Чертёнок! — только и мог выговорить Ленгдон.

А через минуту уже сосал укушенный палец и хохотал вместе с Брюсом.

— Молодчина… парень хоть куда! — сказал он. — Назовём его Злюкой, Брюс. Клянусь святым Георгием, о таком медвежонке я только и думал с тех пор, как впервые попал в горы. Я увезу его домой! Но каков хват, а?

Муква повернул голову и внимательно рассматривал Брюса. Ленгдон встал и оглянулся на вершину горы. Лицо его окаменело, стало жёстким.

— Четыре собаки! — проронил он как бы про себя. — Три внизу, одна — на горе…

Помолчав с минуту, он снова заговорил:

— Ничего не понимаю, Брюс. Ведь они затравили для нас полсотни медведей, и до сих пор мы не потеряли ни одной из них.

Брюс в это время был занят тем, что перевязывал сыромятным ремнём из оленьей кожи

Мускву поперёк тела. Закрепив петлю, он вывязал нечто вроде ручки, за которую медвежонка можно было нести, как ведро с водой или оковалок бекона. Когда он встал, Мусква закачался в воздухе.

— Мы нарвались на гризли-убийцу, — заговорил горец. — А если дело доходит до драки или охоты, то страшней плотоядного гризли ничего не встретишь. Собакам не удержать его, Джимми, и если стемнеет не скоро, то ни одной из всей своры уже не вернуться. В темноте они отстанут… если, конечно, хоть одна из них доживёт до темноты. Старый плут почуял наше приближение, и — можешь смело биться об заклад — он знает, что свалило его на снег там, наверху. Теперь он удирает… и быстро. Чтобы снова увидеться с ним, придётся пройти миль двадцать.

Ленгдон сходил за ружьями, и, как только вернулся, Брюс первым стал спускаться вниз по горе, неся Мускву на ремне. Они ненадолго задержались на забрызганном кровью уступе горы, там, где Тэр творил своё возмездие. Ленгдон наклонился над собакой, которой гризли свернул голову.

— Бисквите, — определил он. — А мы-то ещё считали её единственной трусихой на всю стаю. Другие — Джейн и Боумер. А старина Фриц погиб

там, на вершине.

Брюс заглянул через край карниза и указал вниз.

— Ещё одна… сброшена туда с горы! — еле выговорил он. — Джимми, оказывается, целых пять!

Ленгдон взглянул вниз с края обрыва, и у него крепко сжались кулаки. Какой-то сдавленный звук вырвался из горла. Брюс понял, что это значит. С расстояния ста футов им удалось разглядеть чёрное пятно на груди лежащей на спине собаки — такое было только у одной на всю стаю. У любимицы Ленгдона, которую баловал весь лагерь.

— Дикси… — только и сказал Ленгдон, впервые почувствовав, как его всего захлёстывает злоба; лицо его побелело. — Теперь у меня причин больше чем достаточно, чтобы не отступаться от этого гризли. Теперь меня и лошадьми не оттащишь отсюда, пока я его не прикончу. Если надо будет, я останусь здесь хоть на всю зиму. Я клянусь убить его… если только он не сбежит из этих мест.

— Не сбежит, — только и сказал Брюс и пошёл со своей ношей дальше вниз.

До сих пор Муква был так ошеломлён тем, что очутился в положении, которое казалось ему уже совершенно безвыходным, что совсем было присмирел. Он напрягал все свои мускулы, пыта-

ясь шевельнуть хотя бы кончиком лапы. Но его спеленали так туго, как не пеленали, вероятно, мумию ни одного из фараонов. Однако теперь в голове его забрезжила мысль, что, раскачиваясь взад и вперёд, он то и дело задевает мордочкой вражескую ногу и что зубами своими он пока ещё может распоряжаться. Медвежонок выжидал удобного случая.

Случай этот представился, когда Брюс сделал огромный шаг, спускаясь со скалы. На какую-то долю секунды Мусква задержался на камне, с которого слезал Брюс, и успел цапнуть того зубами. Это был великолепный, глубокий укус, и если вопль Ленгдона огласил окрестности на милю вокруг, то Брюс своим рёвом перещеголял его по меньшей мере раза в полтора. Такого жуткого, леденящего кровь в жилах звука Мускве ещё ни разу не доводилось слышать — даже лай собак и то не был таким страшным. От этого вопля у медвежонка душа ушла в пятки, и он отпустил врага. То, что произошло дальше, снова заставило его разинуть рот от изумления.

Эти загадочные двуногие даже и не попытались отплатить ему той же монетой. Тот, которого он цапнул, с минуту скакал на одной ноге, выплясывая какой-то невообразимый танец, а другой в это время опустился на камень и, схватившись за живот, раскачивался взад и вперёд, и из его широко раскрытого рта неудержимо вырывались какие-то малопонятные звуки. Затем второй прекратил свой танец и тоже стал издавать эти звуки, которые, по представлениям Мусквы, не имели ничего общего со смехом.

Всё это внушило Мускве две догадки: либо эти

нелепого вида чудовища не смеют тронуть его, либо они — существа самого мирного нрава и не собираются причинять ему вред. Они лишь стали осмотрительней и когда вступали в долину, то несли Мускву подвешенным посредине на винтовке, которую они держали с разных концов.

Уже почти стемнело, когда они добрались до пихтовой чащицы, красной от отблесков костра. Впервые Мусква увидел огонь. Он увидел также и лошадей. Они были больше самого Тэра и показались медвежонку жуткими чудовищами.

Навстречу вышел третий человек, индеец Метусин, которому охотники и передали Мускву с рук на руки. Пленника положили на бок у костра, сверкающий огонь которого слепил глаза. Пока один из его тюремщиков крепко и очень больно держал его за уши, другой сделал из ремённых пут ошейник, который надели на медвежонка. В металлическое кольцо на ремне пропустили крепкую верёвку, а другой её конец привязали к дереву.

Пока всё это проделывалось, Мусква рычал и огрызался изо всех сил. А через полминуты он был свободен от скручивавших его рубашек и, покачиваясь, чуть не падая на затёкших ножонках, показал свои зубы и грозно зарычал.

К величайшему его изумлению, на этих чудаков его угроза оказала лишь одно действие — все трое, даже индеец, разинули рты и в один голос издали всё тот же совершенно бессмысленный звук, который он слышал у одного из них ещё там, на горе, когда он впился в ногу другому. Медвежонок совершенно стал в тупик.

Глава 16
Приручение Мусквы

Муква почувствовал огромное облегчение, когда эти трое отвернулись от него и занялись своими делами у костра. А раз так, то нечего было мешкать, и медвежонок рванул верёвку. Он натянул её так сильно, что чуть не задохнулся. Пришлось в конце концов сдаться, и, окончательно впав в уныние, он устроился у подножия пихты и стал рассматривать лагерь.

Муква находился футах в тридцати от костра. Брюс мыл руки в брезентовом тазике. Ленгдон вытирал лицо полотенцем. Метусин стоял на коленях у костра и держал над раскалёнными углями большой чёрный противень, на котором шипели, брызгаясь салом, куски жирного мяса карибу. Более соблазнительного запаха Мукве ещё ни разу не приходилось слышать. Да и сам воздух вокруг него, пропитанный какими-то неведомыми ароматами, казался ему очень вкусным. Ленгдон, вытерев лицо, открыл жестяную банку со сладким сгущённым молоком. Белой струйкой оно стекало в миску. С этой миской Ленгдон по-

дошёл к Москве. Медвежонок снова попробовал было бежать, да не тут-то было — чуть не задохся в петле. Тогда он в мгновение ока вскарабкался на дерево и рычал оттуда на Ленгдона и щёлкал зубами, пока тот пристраивал миску под самой пихтой так, чтобы медвежонок, спустившись, сразу бы угодил в неё.

Пленник забрался на дерево так высоко, как только позволяла длина верёвки. И долгое время охотники не обращали на него ни малейшего внимания. Медвежонку было видно, как они едят, он слышал их разговор — они строили новые планы военных действий против Тэра.

— После того, что произошло сегодня, нам остаётся только одно — перехитрить его, — заявил Брюс. — Преследование по следу надо бросить, Джимми. Можно гоняться за ним таким образом до бесконечности, а он всё равно будет знать, где мы находимся.

Брюс умолк и прислушался.

— Странно, что собак всё ещё нет, — заметил он. — Хотел бы я знать... — Он посмотрел на Ленгдона.

— Не может быть! — запротестовал тот, понимая значение этого взгляда. — Не хочешь ли ты сказать, что он перебил всех?

— Я ходил на медведя уж и не знаю сколько раз, — спокойно отозвался горец, — но ни разу ещё не охотился, на такую хитрую бестию. Ведь он нарочно заманил собак на этот уступ, Джимми, и устроил им там ловушку. Он выкинул ловкую штуку и с той собакой, которую убил на вершине. Возьмёт ещё да и заманит их всех сразу куда-нибудь в укромное местечко, откуда им и податься некуда будет. Ну а в таком случае… — Он выразительно пожал плечами.

Ленгдон тоже прислушался.

— Если хоть одна из них уцелела, то вот-вот вернётся, — сказал он. — Простить себе не могу, что взял их сюда с собой!

Брюс засмеялся в ответ:

— Превратности войны, Джимми! Ведь, идя на гризли, берёшь с собой не комнатных собачонок, и уж лучше заранее приучить себя к мысли, что не той, так другой из них всё равно раньше или позже погибать… Этот медведь оказался нам не по зубам, в этом всё дело. Он обставил нас, как маленьких.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что по-честному, без подвохов, с ним не справиться. И мы здорово дали маху, впутав в это дело собак. Если уж ты без этого медведя жить не можешь, то согласен хоть взяться за него по-моему?

Ленгдон кивнул.

— А что ты придумал?

— Когда отправляешься на гризли, то нечего с ним нежничать, — начал Брюс. — А особенно когда идёшь на «убийцу». Теперь не будет и часа такого, чтоб этот гризли не знал, где чем пахнет, и так до тех пор, пока в спячку не завалится. Как ему это удастся? Будет каждый раз лишний крюк давать по дороге. Держу пари, что если бы сейчас выпал снег, то следы гризли на нём показали бы, что он через каждые шесть миль возвращается мили на две назад по собственному следу поразнюхать, не преследует ли его кто-нибудь. И

передвигаться он теперь будет больше ночами, а днём — отлёживаться где-нибудь высоко на скалах. И если тебе хочется сделать ещё хоть один выстрел по медведю, то на выбор можно предложить одно из двух. Первое, и оно самое лучшее, — отправиться дальше и заняться охотой на других медведей…

— Об этом не может быть и речи, Брюс. Подумай, как добраться до нашего.

Брюс помолчал и ответил:

— Район его теперь у нас весь как на ладони. Он начинается у первого перевала, который мы перешли, и кончается здесь, в долине. Из конца в конец миль двадцать пять. Гризли не уйдёт в горы ни на запад от этой долины, ни на восток от той. И уж можешь быть спокоен, теперь только и будет делать, что кружить по всему району, пока нам не надоест гоняться за ним. Сейчас он улепётывает к югу, на окраину своих владений. А нам нужно затаиться здесь и несколько дней посидеть на месте. Потом отправим Метусина с собаками, если от них что-нибудь останется, по долине в том же направлении. Один из нас засядет на склонах. Другой — в низине. И будем медленно кочевать так с места на место. Понял, куда я клоню? Он не уйдёт от родных мест. Вот

Метусин и будет гонять его по всей округе, пока не загонит на кого-нибудь из нас. Метусин выступит открыто. А мы устроим засаду. Не может же быть, чтобы этот гризли всё время ускользал от нас. Когда-нибудь да попадётся под твои или мои выстрелы.

— Неплохо придумано, — одобрил Ленгдон. — К тому же я расшиб колено, и несколько дней передышки не помешают — хоть подлечу его…

Не успел он договорить, как неожиданно резко загремела цепь, которой была стреножена пасущаяся на лугу лошадь. Раздался испуганный храп лошади. Это заставило их вскочить на ноги.

— Ютим! — прошептал Метусин, и багряный отсвет костра заиграл на его тёмном лице.

— Верно… собаки, — отозвался Брюс и негромко свистнул.

В соседнем кустарнике что-то зашуршало, и две собаки появились у костра. Они ползли по земле на брюхе. Подползли к охотникам. Простёрлись у их ног. В тот же момент к ним присоединились ещё две.

Это была уже совсем не та стая, которая покидала лагерь утром. Бока у собак глубоко запали, шерсть на загривках свалялась. Они бежали что было сил и сами знали, что осрамились. От боево-

го задора эрделей не осталось и следа. У них был вид побитых дворняжек.

Пятая собака явилась уже на исходе ночи. Она ковыляла, волоча перебитую переднюю лапу. Голова и горло одной из тех, что пришли раньше, были в крови, глаз выбит.

Они распростёрлись на земле, как бы ожидая приговора. «Ничего у нас не вышло, — говорила эта их поза. — Нас потрепали, и вот всё, что от нас осталось».

Брюс и Ленгдон молча смотрели на них. Прислушались… подождали. Больше ни одной не появилось. Друзья переглянулись.

— Вот и ещё двух не стало, — сказал Ленгдон.

Брюс подошёл к груде корзин и парусины и вытащил сворки. А Мусква, сидя на дереве, весь трясся от страха. Всего в нескольких ярдах перед собой он снова увидел ораву этих белозубых, которые не только загнали его в расщелину, но обратили в бегство самого Тэра. Людей медвежонок боялся уже не так сильно. Они не причиняли ему вреда, и он больше уже не трясся от страха, не рычал, когда тот или другой из них проходил поблизости. Но собаки были ужасны. Они вступили в бой с самим Тэром и, вероятно, оказались победителями, потому что гризли бежал.

Привязанный к очень ещё молодому и невысокому деревцу, Мусква пристроился на седловине его развилки, в пяти футах от земли. Когда Метусин вёл одну из собак мимо деревца, эрдель увидел медвежонка и неожиданно прыгнул вверх, вырвав сворку из рук индейца. Он чуть было не достиг Мусквы. Собака уже приготовилась к новому прыжку, когда Ленгдон с сердитым окриком подбежал, схватил её за шиворот и крепко всыпал ей свободным концом сворки. Затем увёл эрделя.

Медвежонок не мог ничего понять. Человек спасал его! Он отколотил это чудовище с красной пастью и седыми клыками и увёл всех этих стра-

шилищ на привязи подальше от него.

Вернувшись, Ленгдон подошёл к деревцу и ласково заговорил с медвежонком. Муксва дал приблизиться его руке дюймов на шесть и не вцепился в неё. По всему телу его вдруг пробежала дрожь. Пока голова медвежонка была повёрнута в сторону, Ленгдон решительно положил руку на его пушистую спинку. И это прикосновение оказалось совершенно безобидным! Даже мать Муксвы ни разу не клала свою лапу на медвежонка так бережно! Прошло ещё десять минут, и Ленгдон за это время раз шесть успел погладить его.

Сначала Муксва в ответ скалил оба ряда своих сверкающих зубов, хотя и не издавал ни звука. Постепенно он перестал даже скалиться.

Ленгдон отошёл, вернулся с большим куском сырой оленины и поднёс его к самому носу медвежонка. Муксва чуял запах карибу, но пятился от протянутого ему куска и отстранялся. В конце концов Ленгдон положил мясо рядом с миской у подножия деревца и вернулся к курившему трубку Брюсу.

— Самое большее через два дня будет есть у меня из рук, — сказал он.

Вскоре Ленгдон, Брюс и индеец завернулись в

одеяла и быстро заснули. Весь лагерь утих. Пламя костра опало, и только одна огромная головня всё ещё продолжала тлеть.

Недалеко в глубине леса ухала сова. Тихая ночь наполнилась бормотанием долины и гор. Звёзды разгорелись ярче. Муксва услышал, как где-то вдали какая-то каменная глыба, сорвавшись, покатилась по склону горы. Теперь бояться нечего. Всё было спокойно. Всё спало.

Муксва потихоньку слез с дерева и вдруг угодил прямо в миску, разлив сгущённое молоко, часть которого попала ему на мордочку.

Медвежонок невольно облизнулся, и, когда на его язычок попало это сладкое, липкое вещество, Муксва вдруг почувствовал блаженство. С четверть часа он облизывался. А затем маленькие быстрые глазки жадно впились в оловянную миску, будто его вдруг осенила догадка о секрете этого нектара.

Медвежонок подбирался к ней по всем правилам искусства и с похвальной осторожностью, обойдя её сначала с одной, потом с другой стороны. Все его мускулы напряглись, и он в любой момент был готов тут же отскочить, если этому диковинному предмету вздумается броситься на него. Наконец его нос уткнулся в густое, сладкое

лакомство, от которого Мусква уже не отрывался, пока не вылизал всё до капли.

Сгущённое молоко сыграло решающую роль в деле приобщения Мусквы к цивилизации. Оно стало тем недостающим звеном, которое связало между собой в его живом умишке ряд определённых явлений. Он знал, что одна и та же рука и бережно прикасалась к нему, и поставила здесь это сказочное лакомство, и предлагала ему мясо. Мяса он есть не стал, но миску вылизал так, что она при свете звёзд засверкала, как зеркало.

Однако молоко молоком, а душа его всё-таки рвалась к побегу, хотя теперь он и не делал таких неистовых и безрассудных попыток, как прежде. Из прежнего своего опыта он усвоил, что тщетно было бы прыгать и дёргать изо всех сил верёвку, за которую он был привязан. И он принялся перегрызать её.

Если бы он грыз верёвку в одном месте, то ещё до утра, пожалуй, вырвался бы на волю. Но челюсти его уставали, и он отдыхал. А когда снова возвращался к прерванной работе, то чаще всего ему попадалась другая часть верёвки. Уже к полуночи на его дёснах живого места не оставалось, и медвежонок отказался от этой бесполезной затеи.

Примостившись спиной к дереву, готовый и любую минуту вскарабкаться на него, ни разу глаз не сомкнув, дожидался он утра. Страх теперь мучил его меньше, но Муква ужасно страдал от своего одиночества. Он тосковал по Тэру и всхлипывал, но так тихо, что охотники не могли услышать его, даже если бы не спали. Появись сейчас в лагере хотя бы Пипунескус, Муква кинулся бы к нему с радостью.

Наступило утро. Первым выбрался из-под одеяла Метусин. Развёл огонь, разбудил Брюса и Ленгдона. Ленгдон, как только оделся, пошёл навестить Мукву и, убедившись, что миска дочиста вылизана, выразил своё удовольствие, потребовав от остальных внимания к этому знаменательному событию.

Муква вскарабкался всё на тот же сук и снова терпеливо перенёс поглаживание рукой. Затем

Ленгдон достал из мешка, сделанного из воловьей кожи, ещё одну банку молока и открыл её на глазах у Мусквы. Медвежонок видел потёкшую в миску сливочно-белую струйку.

Ленгдон поднёс миску к самому носу медвежонка. Молоко коснулось его носа, и Мусква, хоть убей, не мог удержать язык, который сам высунулся изо рта. Целых пять минут ел он из миски, которую держала рука Ленгдона! Но стоило только Брюсу подойти полюбоваться этой картиной, медвежонок оскалился и зарычал.

— Медведя приручить легче, чем собаку, — утверждал Брюс позднее, за завтраком. — Через несколько дней он будет бегать за тобой как собачонка, Джимми.

— Я уже начинаю привязываться к этому маленькому негоднику, — отозвался тот. — Что это ты рассказывал как-то о медведях Джеймсона?

— Джеймсон жил в округе Кутни, — начал Брюс. — Это был настоящий отшельник. Спускался с гор только два раза в году, запастись провизией. Приручал гризли. Много лет у него жил один, огромный, не меньше этого верзилы, за которым мы сейчас гоняемся. К Джеймсону он попал медвежонком. А когда мне довелось увидеть его, он весил уже тысячу фунтов и таскался

за Джеймсоном, как собака, всюду, куда бы тот ни шёл. Ходил с ним даже на охоту, и спали они у одного походного костра. Джеймсон любил медведей и не убил ни одного из них на своём веку.

Ленгдон помолчал немного, потом заговорил опять:

— Я тоже начинаю любить их, Брюс. Не знаю, в чём здесь дело, но есть в медведях что-то такое, за что их нельзя не любить. Не думаю, что стану охотиться на них снова… Вот только покончим с этим убийцей собак. Мне кажется, это мой последний медведь.

Он сцепил пальцы и сердито договорил:

— И подумать только, ведь во всём доминионе нет ни одной провинции или штата к югу от границы, где для охоты на медведя был бы введён хоть один «закрытый сезон»! Ведь это просто преступление, Брюс. Медведи оказались на одной доске с вредными хищниками, и их не возбраняется истреблять круглый год. Не возбраняется откапывать их в берлогах, спящих, даже с малышами… И… да простит мне небо… и я тоже помогал откапывать их оттуда! Мы настоящие звери, Брюс! Временами мне кажется, что ходить с ружьём вообще преступно…

— Эге-ге! Что там ещё за чертовщина с медве-

жонком?

Муква свалился с сука и болтался на конце верёвки, как висельник в петле. Ленгдон подбежал, схватил его на руки, поднял и перенёс через сук, за который зацепилась верёвка. Затем он поставил медвежонка на землю. Муква не огрызнулся и даже не зарычал.

Брюс и Метусин ушли из лагеря на весь день разведать окрестности к западу отсюда, а Ленгдон остался залечивать ушибленное колено, которое разболелось ещё сильнее. Большую часть времени он провёл в обществе Мусквы.

Ленгдон открыл банку с патокой и к полудню добился того, что медвежонок бегал за ним вокруг дерева, из кожи лез вон, чтобы добраться до миски, которую искуситель держал так, что до неё не дотянешься. Потом Ленгдон садился на землю, и Муква забирался чуть ли не на колени к нему, лишь бы только достать патоку. У медвежонка в возрасте Мусквы нетрудно завоевать доверие.

Чёрный медвежонок мало чем отличается от детей. Он так же любит молоко, обожает сласти и льнёт ко всякому, кто добр к нему. Более милого существа не найдёшь среди четвероногих. Круглый, пушистый и такой забавный, что кого хочешь приведёт в хорошее настроение. И не раз

Ленгдон хохотал до слёз, особенно когда Муква делал решительные попытки вскарабкаться по его ногам, чтобы добраться до патоки.

Муква просто с ума сошёл от патоки. Насколько он помнил, мать не кормила его ничем подобным. А самое вкусное, что доставал Тэр, была всего-навсего форель. К вечеру Ленгдон отвязал верёвку, на которую был посажен Муква, и повёл его на прогулку к ручью, прихватив с собой миску с патокой. Ленгдон то и дело останавливался, чтобы медвежонок попробовал её содержимое. Через полчаса после этой своеобразной репетиции Ленгдон бросил верёвку и направился в лагерь. Муква побежал за ним! Это была полная победа, и по спине Ленгдона даже мурашки пробежали от удовольствия. Такого он не испытывал ещё за всё время своей охотничьей практики.

Метусин вернулся очень поздно и был крайне удивлён, что Брюс ещё не появлялся. Стало темно, и охотники разложили костёр. Только через час, когда они уже кончали ужинать, появился Брюс. За плечами у него была какая-то ноша. Он сбросил её неподалёку от дерева, за которым притаился Муква.

— Шкура прямо бархатная, и немного мяса

для собак, — сказал горец. Подстрелил его из пистолета.

Он сел и принялся за еду. Немного погодя Муква осторожно подобрался к скрюченному телу, которое лежало футах в трёх-четырёх от него. Медвежонок обнюхал его и весь так и затрясся. Прижавшись к мягкому, ещё не утратившему живого тепла меху, он всхлипнул тихонько и на время притих.

Брюс принёс в лагерь и швырнул у подножия дерева не что иное, как мёртвого маленького Пипунескуса!

Глава 17
Тэр собственной персоной

Этой ночью Мускву снова охватило чувство бесконечного одиночества. Брюс и Метусин за день намаялись, карабкаясь по горам, и завалились спать пораньше, и Ленгдон последовал их примеру. Пипунескус так и остался лежать на том самом месте, где Брюс сбросил его.

Муква не шелохнулся после этого страшного открытия, от которого забилось чаще его сердце. Он ещё не знал, какой бывает смерть, да и вообще не знал, что это значит, а кроме того, Пипунескус был мягким и тёплым, и Муква был уверен, что тот вот-вот зашевелится. Теперь у Мусквы не было ни малейшего желания затевать с ним драку.

Но вот снова наступила полная тишина, звёзды высыпали на небе, костёр догорел. А Пипунескус не двигался.

Осторожно-осторожно Муква толкнул его носом и потянул за шелковистую шёрстку, всхлипывая и как бы говоря при этом: «Я не буду больше драться с тобой, Пипунескус! Просыпайся же, и давай дружить!»

Но и тогда Пипунескус не шелохнулся. И у Мусквы пропала всякая надежда разбудить его.

Не переставая уверять своего маленького толстого врага, с которым они сражались когда-то на зелёном лугу, что он раскаивается теперь в своём прежнем недружелюбии к нему, Мусква, всё так же всхлипывая, приник к Пипунескусу и вскоре заснул.

Утром первым делом Ленгдон пошёл посмотреть, как Мусква провёл ночь, и вдруг замер на месте и целую минуту простоял не шевелясь. А затем какой-то странный, приглушённый крик сорвался с его губ. Прижавшись друг к другу, как будто оба были живыми, лежали Мусква и Пипунескус. Мусква же каким-то образом пристроился так, что маленькая лапа мёртвого медвежонка, обнимала его.

Ленгдон потихоньку вернулся к постели Брюса, и минуты через две Брюс, протирая глаза, шагал с ним к медвежатам. Он, так же как и Ленгдон, остановился поражённый. Друзья переглянулись.

— Мясо для собак! — еле выговорил Ленгдон. — И ты мог принести его на мясо собакам, Брюс!

Брюс не ответил. Ленгдон тоже не произнёс больше ни слова. Целый час после этого друзья не

разговаривали. Метусин тем временем оттащил Пипунескуса подальше от лагеря.

С Пипунескуса не сдирали шкуру, и мясо его не стали скармливать собакам. Его положили в ямку, вырытую в пойме ручья, засыпали песком и завалили камнями. И это всё, что смогли сделать Брюс и Ленгдон для Пипунескуса.

В этот день Брюс и Метусин снова отправились в горы. Горец нашёл кусок кварца, в котором оказались бесспорные признаки золота, и вместе с индейцем вернулся в лагерь за приспособлениями для его промывки. Ленгдон же всё возился с Мусквой, воспитывая медвежонка.

Несколько раз он подводил медвежонка к собакам и, когда они рычали на него и начинали рваться со сворок, порол их, пока они наконец не сообразили и не усвоили, что хотя Муска и медведь, однако особа его неприкосновенна.

Ленгдон теперь совсем освободил медвежонка от верёвки, и, когда понадобилось снова привязать его, тот уже не стал сопротивляться.

На третий и четвёртый день Брюс и индеец занимались геологическими разведками в долине на восток от горного кряжа и в конце концов пришли к заключению, что найденные ими крупицы принадлежат к ледниковым наносам и не

выведут их к золотоносной жиле.

На четвёртую ночь — а она выдалась облачная и холодная — Ленгдон решил испытать Мускву и взял его к себе в постель. Он думал, что с ним хлопот не оберёшься, но Муква спал тихо, как котёнок, и, после того как устроился поуютней, почти не шелохнулся до самого утра. Часть ночи Ленгдон проспал, обнимая рукой тёплое и пушистое тельце медвежонка.

Сейчас было самое время продолжать охоту на Тэра, уверял Брюс, но ушибленная нога Ленгдона разболелась не на шутку, и это нарушило их планы. Ленгдон был не в состоянии пройти более четверти мили сразу. А сесть в седло было так больно, что об охоте верхом не могло быть и речи.

— Ещё несколько дней промедления не испортят дела, — утешал его Брюс. — Если мы дадим нашему старикану передышку побольше, то он, пожалуй, станет не таким осторожным.

Три следующих дня прошли не без пользы и не без удовольствия для Ленгдона. От Мусквы он узнал о медведях и особенно о медвежатах больше, чем за всё прежнее время. Теперь собаки были переведены в чащицу, за целых триста ярдов от лагеря, и мало-помалу медвежонку была

предоставлена полная свобода. Да он и не делал никаких попыток сбежать и вскоре убедился, что Брюс и индеец тоже его друзья. Но привязался он только к Ленгдону.

Утром на седьмой день после погони за Тэром Брюс и Метусин, захватив с собой собак, поехали через всю долину на восток. Для подготовки загона Метусин должен был приняться за дело на день раньше. Брюс рассчитывал сегодня же вернуться в лагерь, чтобы завтра начать охоту.

Утро было чудесное. Прохладный ветерок тянул то с севера, то с запада. Часов в девять Ленгдон привязал Москву к дереву, оседлал коня и отправился верхом вниз по долине.

Он не собирался охотиться. Ему просто было радостно скакать верхом, дышать встречным ветром и любоваться чудесными горами. Он проехал мили три-четыре на север и очутился у широкого пологого склона, который вёл к горному кряжу в западном направлении. Ленгдону вдруг захотелось взглянуть оттуда, сверху, на другую долину. Колено не беспокоило, он стал подниматься верхом и через полчаса добрался почти до вершины. Перед коротким, но очень крутым подъёмом пришлось спешиться. На вершине он ступил на ровную террасу, которую со всех сторон окружа-

ли отвесные каменные стены иссечённых гор. В четверти мили отсюда терраса спадала уступами в долину, посмотреть на которую так хотелось Ленгдону.

Посредине террасы оказалась глубокая впадина, которую сначала не было видно. Очутившись на её краю, Ленгдон вдруг бросился на землю и, прижавшись лицом, минуты две лежал не двигаясь. Затем медленно поднял голову. Ярдах в ста от него, сгрудившись около небольшого водоёма, паслось стадо диких коз. Их было штук тридцать, преимущественно матки с козлятами. Ленгдону удалось заметить во всём стаде только двух козлов. С полчаса охотник лежал неподвижно, наблюдая за козами. Вот одна из них направилась с двумя козлятами к склону горы, за ней другая, и, видя, что всё стадо готово уйти, Ленгдон поспешно вскочил и что было мочи побежал к ним.

Какое-то мгновение козы, козлы и козлята стояли точно парализованные его внезапным появлением. Они стояли, словно разглядывая его, и, казалось, у них отнялись ноги. Ленгдон уже пробежал половину разделявшего их расстояния, как вдруг козы, опомнившись, в диком ужасе помчались к склону ближайшей горы.

Мгновение, и их копыта звонко застучали по

камням и сланцу. Ленгдон долго ещё слышал далёкий гул в горах, пробуждённый их бегством по утёсам и горным вершинам. А когда этот гул утих, козы превратились уже в бесконечно далёкие точки, мелькающие на горизонте там, где горы и небо сливаются друг с другом.

Ленгдон двинулся дальше и через несколько минут уже оглядывал сверху лежащую по ту

сторону гор долину. С южной стороны вид на долину заслоняло огромное плечо одной из скал. Оно было не очень высоким, и Ленгдон стал взбираться по нему наверх. Он уже был почти на самом верху, как вдруг зацепился ногой за кусок шифера и, падая, с силой ударил ружьё о каменную глыбу. Ленгдон не ушибся, только больное колено заныло немного, но ружьё было разбито. Ложа ружья раскололась почти полностью, и он отломил её совсем.

В лагере у него оставалась ещё пара запасных ружей, и потому эта неудача расстроила его не так сильно, как могло бы быть при других обстоятельствах. И он продолжал карабкаться по скалам, пока наконец не выбрался на ровный карниз, огибающий отрог горы. В ста футах от него карниз упирался в отвесную стену горы. Отсюда открывался великолепный вид на широкие просторы страны, лежащей между двумя горными хребтами на юге. Ленгдон набил трубку и уселся в предвкушении увидеть что-то особенное и насладиться чудесной панорамой.

Бинокль позволял ему видеть на несколько миль вокруг. Перед Ленгдоном простёрлась нетронутая страна, куда ещё не заглядывал ни один охотник. Примерно в полумиле от него, а то

и ближе стадо карибу не спеша гуськом направлялось к зелёным западным склонам. Мелькали на солнце белоснежные крылья бесчисленных куропаток. А ещё дальше, в двух милях отсюда, горный баран пасся на скудно поросшем зеленью склоне. И Ленгдон задумался.

Сколько же всего таких вот долин в Канадских горах, которые простёрлись с запада на восток от моря до прерии и на тысячу миль с севера на юг?.. Сотни, тысячи… И в каждой — целый мир, свой особый мир. В каждой — своя жизнь, свои ручьи, озёра, леса, свои радости и свои трагедии. Эту, например, долину, на которую он смотрит, наполняет то же ласковое журчание и заливает тот же солнечный свет, что и все остальные долины. Но здесь своя жизнь. Медведи, которые заселяют вот те лишь смутно различимые невооружённым глазом горные склоны на севере и на западе, совсем не похожи на здешних медведей. Это новая страна, страна новых надежд и новых тайн. И, зачарованный ею, Ленгдон потерял чувство времени и забыл о голоде.

Ему казалось, что все эти долины всегда будут для него новыми, что он никогда не устанет странствовать по ним, от одной к другой. И в каждой будут свои красоты, свои тайны, которые

надо открыть, своя особая жизнь, которую надо узнать. Они представлялись непостижимыми и загадочными, такими же, как сама жизнь. Они скрывали свои сокровища веками, даря жизнь тысячам живых существ и требуя её обратно у тысяч других. И, глядя на эти залитые солнечным светом просторы, Ленгдон задавал себе вопрос, какова же была бы, например, повесть о жизни этой долины и сколько бы томов она заполнила.

Она начиналась бы с глухого предания о сотворении мира, об океанах, их приливах и отливах, о том, как суша в конце концов оттеснила их отсюда; о тех сказочных доисторических эпохах, когда здесь не было ночи, а сиял вечный день, когда чудовища фантастических размеров ступали по тем самым долинам, где сейчас он видит оленей, пьющих из ручья, и когда огромные крылатые твари, полуптицы-полузвери, проносились в небе вон там, где сейчас парит орёл. Потом всё сразу переменилось, пробил страшный час, и воцарилась ночь. Тропический мир стал ледяным, и новая жизнь родилась, чтобы снова заполнить его. Но, наверное, ещё не скоро после этого, думал Ленгдон, первый медведь пришёл в страну мамонта, мастодонта и других чудовищ. И этот первый медведь был праотцем того гризли,

которого им с Брюсом предстоит завтра убить!..

Ленгдон так ушёл в свои мысли, что не услышал шума у себя за спиной. И вдруг будто что-то его толкнуло. Ему показалось, точно одно из тех чудовищ, которые рисовались его воображению, вдруг глубоко вздохнуло рядом с ним. Он медленно обернулся, сердце у него остановилось, и кровь застыла в жилах.

Загородив единственный выход отсюда, всего в каких-нибудь пятнадцати футах от него, разинув пасть и качая головой, как маятником, рассматривая попавшегося в ловушку врага, стоял Тэр, Король Гор!

Мгновенно руки охотника сами собой схватились за сломанное ружьё, и Ленгдон понял, что его песенка спета.

Глава 18
Великодушие сильного

Прерывистое дыхание, какой-то сдавленный звук вместо крика — вот и всё, что сорвалось с губ Ленгдона при виде гигантского гризли. Секунды показались ему долгими часами.

Первой мыслью было, что он бессилен что-либо сделать, совершенно бессилен. Даже бежать, и то некуда — припёрт к отвесной стене скалы. Вниз не спрыгнешь — под ним крутой обрыв в сотню футов глубиной. Пропал…

Ленгдон понимал, он смотрит в лицо собственной смерти, такой же страшной, как та, что настигла его собак. Жить ему оставалось считаные секунды. И всё-таки в эти последние мгновения он не утратил рассудка. Он обратил даже внимание на красный огонь горящих жаждой мести глаз гризли. Увидел шрам вдоль спины зверя, по которой скользнула одна из его пуль. Заметил и плешину в том месте, где другая его пуля пронзила предплечье Тэра. И, как только Ленгдон разглядел всё это, сразу представилось, что гризли специально выследил именно его,

шёл следом по карнизу и запер его в этом тупике, чтобы воздать ему полной мерой за всё перенесённое.

А Тэр шагнул вперёд — всего на шаг — и медленно, одним красивым, лёгким движением поднялся на задние лапы во весь свой могучий рост. И даже в своём теперешнем положении Ленгдон не мог не отметить про себя царственного великолепия зверя. Сам он не шелохнулся, а лишь не сводил с Тэра глаз. Ленгдон уже твёрдо решил, что ему делать, когда гигантский зверь кинется на него: он бросится с обрыва. В этом случае представлялся хоть один шанс из тысячи. Ведь внизу может оказаться какой-нибудь уступ или случайный отрог, за который он удержится.

А Тэр?

Он не ожидал увидеть здесь человека! То самое существо, которое преследовало его, ранило… теперь оно перед ним — стоит только протянуть лапу, и из того дух вон! Каким же жалким, бледным, растерянным выглядит это существо сейчас! Где же его необыкновенный гром? Его обжигающая молния? Почему он молчит, словно воды в рот набрал? Даже собака и та вела бы себя решительней. Она показала бы зубы, рычала бы, дралась. А это существо, человек, ничего не пред-

принимает! И глубокое сомнение зародилось в сознании Тэра. Да неужели же вот это растерянное, безвредное, насмерть перепуганное создание и в самом деле то самое, что ранило его?

Гризли чуял человеческий дух, острый, ядовитый. И всё-таки на этот раз он не приносил с собой боли!

И вот всё так же не спеша Тэр снова опустился на передние лапы. Сурово посмотрел на человека. Шевельнись только Ленгдон, и тут же бы ему и конец. Но Тэр не был прирождённым убийцей. Ещё с полминуты подождал он боли или признаков опасности. Ничего подобного не было, и гризли теперь не знал, что делать. Он опустил нос к самой земле, и Ленгдон увидел, как взлетает пыль от горячего дыхания зверя. Ещё томительные полминуты человек и медведь созерцали друг друга.

А затем зверь медленно и как-то неуверенно полуобернулся. Заворчал. Чуть оскалил зубы. Однако повода для нападения не было — этот растерянный белолицый пигмей, прижавшийся к скале, ни одним движением не обнаруживал намерения вступать в схватку. Кроме того, Тэр видел, что дальше пути нет.

Случись так, что человек оказался бы на дороге у гризли, загораживая ему проход, всё это

происшествие могло кончиться для Ленгдона по-другому. Но так как дальше пути не было, Тэр не спеша удалился в том направлении, откуда пришёл. Огромная голова его была опущена к самой земле, а длинные когти — клик, клик, клик! — постукивали, точно кастаньеты из слоновой кости.

И только тогда, когда гризли исчез — так показалось Ленгдону, — он вздохнул, и сердце его вновь забилось. Протяжный рыдающий вздох вырвался у него. Он встал, ноги подгибались. Подождал — минута, две, три… осторожно подкрался к повороту идущей по карнизу тропы, за которым скрылся Тэр. Путь был открыт, и Ленгдон пошёл по своему прежнему следу к зелёному склону, не переставая оглядываться и прислушиваться и всё ещё сжимая в руках обломки ружья. Добравшись до начала плато, он поспешно присел за огромную каменную глыбу. Ярдах в трёхстах от него Тэр не спеша спускался с вершины откоса в восточную долину.

Пока гризли не появился снова, взобравшись на тот, дальний край расселины, и не исчез совсем, Ленгдон не двигался с места. Когда охотник достиг склона, на котором оставил спутанную лошадь, Тэра уже не было видно. Лошадь была на том же месте. Ленгдон почувствовал себя в

полной безопасности, только усевшись в седло. Рассмеялся совершенно особым — нервным, отрывистым, радостным смехом и, оглядев долину, набил трубку.

— Ах ты, медведище! — прошептал Ленгдон, и каждая жилка в нём задрожала, когда он вновь обрёл дар речи. — Чудовище ты этакое… да ведь у тебя же душа, да ещё пошире человеческой!

А потом добавил еле слышно, казалось сам не замечая, что говорит вслух:

— А если б я вот так же припёр тебя к стене, разве я не убил бы тебя? А ты… я попал тебе в лапы, и ты отпустил меня с миром!

Он ехал в лагерь и всё ясней понимал, что сегодняшний день завершил ту великую перемену, которая всё это время назревала в нём. Он встретился с Королём Гор так, как не многим доводится. Он столкнулся лицом к лицу со своей смертью, и его четвероногий противник, за которым он гонялся и которого он изувечил, проявил великодушие. Ленгдону думалось, что Брюс не поймёт, не сможет понять этого. Но для него самого этот день и час приобрели такое значение, что ему не забыть их до самой могилы. И Ленгдон знал, что отныне и впредь он никогда не поднимет руку ни на Тэра, ни на кого-либо из его сородичей.

Он добрался до лагеря, кое-как состряпал себе еду и пообедал в обществе Мусквы, строя новые планы на ближайшее время. Завтра он пошлёт Брюса за Метусином, и охоте на этого великана гризли конец.

Они отправятся дальше, на Скину, а может быть, пройдут и до самой границы Юкона. Затем что-нибудь в начале сентября свернут на восток, в район Карибу, и выйдут вновь на заселённые места там, где Скалистые горы переходят в прерию. Мускву он заберёт с собой. Вдали от дебрей, в гуще людской, в краю больших городов, они с медвежонком будут большими друзьями. Мысль о том, что это будет за жизнь для Мусквы, ему сейчас и в голову не приходила.

Было уже два часа, а он всё ещё мечтал о новых, непроторённых тропах на север, как вдруг донёсся звук, который заставил его очнуться. Ленгдон вздрогнул. Несколько минут он не обращал на этот звук никакого внимания, приняв его за один из тех, что постоянно слышатся в долине. Но тот всё отчётливее выделялся в этом привычном

бормотании долины. Наконец Ленгдон, который лежал под деревом, привалившись к нему спиной, встал и, чтобы лучше слышать, вышел из чащицы на открытое место. Муксва отправился за ним. Ленгдон остановился, и рыжемордый медвежонок тоже. Его маленькие ушки насторожились, голова повернулась на север. Звук доносился оттуда.

Ещё мгновение, и Ленгдон распознал этот звук, но даже и теперь повторял себе, что слух обманывает его. Не могло же быть, чтобы это лаяли собаки! Сейчас Метусин и Брюс с собаками где-то далеко на юге. По крайней мере Метусин должен бы сейчас быть там, а Брюс — возвращаться в лагерь! Звук очень скоро стал совсем отчётливым, и Ленгдон понял, что ошибиться невозможно.

Собаки приближались по долине. Брюс и Метусин, стало быть, почему-то пошли не на юг, а на север. И вот собаки подают голос — яростный, азартный лай, который сказал Ленгдону, что они сейчас бегут по горячему следу зверя. И вдруг нервная дрожь пронзила тело. Во всей долине было только одно живое существо, на которое Брюс стал бы спускать собак, — великан гризли!

Ещё несколько мгновений Ленгдон прислушивался. А затем побежал назад, в лагерь, привязал

Мускву к дереву, схватил новую винтовку и оседлал лошадь. Через пять минут он уже мчался верхом по направлению к тому району, где не так давно Тэр даровал ему жизнь.

Глава 19
Последняя схватка

Тэр услышал собак за целую милю. По двум причинам сегодня он был расположен бежать от них ещё меньше, чем несколько дней назад. Сами по себе собаки пугали его не больше, чем какой-нибудь барсук или даже сурки, которые свистят со своих скал. Он пришёл к выводу, что глотки у них здоровые, а зубы так себе и разделаться с ними проще простого. Страх же на него нагонял тот, кто следует за собаками. Но сегодня он столкнулся лицом к лицу с существом, принёсшим с собой в эти долины такой необычный запах. Оно не пыталось чем-нибудь повредить ему, и он не стал его убивать. Кроме того, Тэр разыскивал Исквау, медведицу, а рисковать жизнью ради любви способен не только человек.

Расправившись с последней из убитых им при первой встрече собак, Тэр сделал как раз обратное тому, чего ждал от него Брюс. Он не пошёл на юг, а вместо этого завернул к северу и на третью ночь после сражения и потери Мусквы снова отыскал Исквау. В предвечерних сумерках незадолго до их

встречи погиб Пипунескус. Тэр слышал резкий треск автоматического пистолета Брюса.

Всю ночь и следующие сутки гризли провёл с Исквау, а затем снова ушёл от неё. Разыскивая её в третий раз, он и наскочил на Ленгдона на этом предательском карнизе.

Медведь всё ещё не обнаружил запаха подруги, когда услышал лай собак, напавших на его след.

Он шёл на юг и поэтому оказался неподалёку от лагеря охотников. Гризли держался высоких склонов, пересечённых расщелинами, изрезанных сланцевыми плешинами, глубокими ущельями и беспорядочными нагромождениями каменных глыб. Он всё время был с наветренной стороны, чтобы не прозевать запаха Исквау, как только она появится где-нибудь поблизости. Когда он услышал лай, то не уловил запаха собак и едущих за ними двух охотников.

При иных обстоятельствах он проделал бы свой излюбленный манёвр и дал бы крюк, обойдя людей с подветренной стороны, но сейчас обычная осторожность гризли отступала перед его стремлением к подруге. Собаки были уже ближе чем в полумиле, как вдруг он внезапно остановился, потянул носом воздух и ринулся вперёд. Тэр упёрся в узкое ущелье, из которого убегала

Исквау. Лай эрделей стал ещё яростней и совсем приблизился.

Гризли спустился как раз в тот момент, когда медведица выбежала из ущелья. На мгновение она задержалась возле Тэра, затем кинулась дальше. Уши её были сердито прижаты, из горла вырывалось угрожающее рычание. Тэр последовал за ней и тоже зарычал. Он знал, что его подруга бежит от собак, и, поднимаясь следом за ней в гору, всё больше приходил в ярость. В таком состоянии, как сейчас, ему всё бывало нипочём. Гризли был страшным бойцом, когда преследовали его самого, но, когда опасность нависала над его подругой, тут он уже превращался в сущего дьявола.

Тэр всё больше отставал, давая Исквау уйти подальше, и дважды оборачивался, скаля клыки и посылая громовым голосом вызов врагу. Выбравшись из расщелины наверх, он оказался в тени, которую отбрасывала вершина горы. Исквау спешила достичь перевала через гору и уже успела скрыться из виду. Она исчезла в хаосе обломков, сорвавшихся сверху, с утёса, глыб песчаника и каменных пород. Сейчас вершины гор были всего в каких-нибудь трёхстах ярдах выше Тэра. Он посмотрел вверх.

Исквау уже на пути туда, через этот каменный завал, поэтому здесь, внизу, самое место для боя. Собаки были совсем близко. Они громко лаяли. До выхода из ущелья им оставалось уже немного. Тэр повернулся им навстречу и стал ждать.

Стоя на полмили южнее, Ленгдон увидел в бинокль Тэра и Исквау, и почти в тот же миг из ущелья вырвались собаки. Он поднялся до середины горы верхом, отсюда вскарабкался выше и кинулся по бараньей тропе, очутившись почти на той же высоте, что и Тэр. Оттуда, где сейчас стоял Ленгдон, долина под ним просматривалась в бинокль на несколько миль.

Брюс и Метусин оказались уже совсем близко. Он увидел, как они слезают с лошадей и бегут в ущелье. Затем они скрылись в нём. Ленгдон снова повернулся к Тэру.

Собаки не давали гризли уйти, и Ленгдон знал, что тому не справиться с ними на открытом месте. Затем он заметил какое-то движение в каменных нагромождениях и негромко вскрикнул, поняв, в чём дело, когда разглядел Исквау, спокойно взбирающуюся на вершину горы. Ленгдон понял, что этот второй зверь — медведица.

Великан гризли — мужчина — остался внизу, чтобы биться. И если собакам удастся задержать

его ещё минут на десять-пятнадцать, то медведю конец. Брюс и Метусин выберутся к тому времени из ущелья и окажутся от него менее чем в ста ярдах!

Ленгдон поспешно сунул бинокль в футляр и помчался по бараньей тропе. Ярдов сто пролетел одним духом, но дальше тропа разбегалась на множество мелких тропинок, скользящих по глинистому склону, и следующие пятьдесят ярдов отняли у него целых пять минут. Потом Ленгдон снова почувствовал твёрдую почву под ногами. Задыхаясь, он побежал дальше, и ещё через пять минут гребень горы заслонил от него Тэра и собак. Когда же он перевалил через этот гребень и пробежал вниз ярдов пятьдесят по склону, то остановился как вкопанный. Дальше пути не было — он оказался на самом краю крутого обрыва.

Ленгдон находился теперь в пятистах ярдах от той площадки, на которой стоял Тэр спиной к скале. Гризли повернул свою огромную голову к собакам. Ленгдон переводил дыхание, собирая силы для крика: Брюс и Метусин с минуты на минуту должны были выбежать из перелеска. Затем его вдруг осенила мысль, что если они даже и услышат его крик, то всё равно не поймут, чего он хочет. Брюсу и в голову не придёт, что от него требуют пощады тому самому зверю, за которым они гоняются чуть ли не целых две недели.

И, когда Тэр, бросившись на собак, отогнал их на добрых двадцать ярдов в сторону ущелья, Ленгдон поспешно залёг за камень.

Если он ещё не опоздал совсем, то спасти гризли теперь может только одно. Стая эрделей отступила ещё на несколько ярдов вниз по склону, и Ленгдон прицелился в неё. Одна мысль настойчиво сверлила его голову — он должен пожертвовать своими собаками, иначе обречёт Тэра на гибель в тот самый день, когда тот даровал ему жизнь! И он, не колеблясь, спустил курок.

Стрелять приходилось с далёкой дистанции, и первая пуля взвихрила фонтанчик пыли футах в пятидесяти от эрделей; надо было взять прицел выше. Второй выстрел, и снова он промахнулся.

Звук третьего слился с пронзительным воем, которого Ленгдон, однако, не расслышал, и одна собака покатилась кувырком с откоса.

Сами по себе звуки выстрелов не испугали Тэра. Но когда он увидел, как один из его врагов высоко подпрыгнул и затем покатился с горы, гризли поспешил в укрытие, за каменные глыбы. Раздался четвёртый выстрел, пятый… При пятом выстреле собаки с отчаянным визгом кинулись обратно в ущелье. Одна из них припадала на перебитую переднюю лапу. А Ленгдон вскочил на камень, служивший ему до этого опорой при стрельбе, и вгляделся в линию горных вершин. Исквау только что достигла вершины. На мгновение задержалась и посмотрела вниз. Но вот она исчезла.

Тэр под прикрытием каменных громад и огромных глыб выветрившегося песчаника двигался по следу медведицы. После того как Тэр скрылся, из ущелья выскочили запыхавшиеся Брюс и Метусин. Оттуда, где они стояли, даже по вершине горы можно было стрелять наверняка. Поэтому Ленгдон закричал как сумасшедший и замахал им руками, указывая вниз.

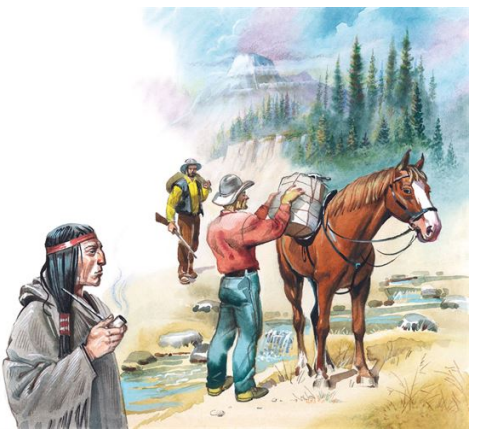
Брюс и Метусин не замедлили попасться на эту удочку, хотя собаки уже снова яростно лаяли у камней, среди которых исчез Тэр. Охотники сейчас же решили, что Ленгдону оттуда, где он стоял, видно продвижение медведя и что гризли сейчас несётся в долину. И, только пробежав более ста ярдов вниз по склону, они остановились и оглянулись на Ленгдона, ожидая от него дальнейших указаний. Но на этот раз Ленгдон, стоя на камне,

показал им рукой на линию горных вершин.

Тэр в этот момент как раз переходил её. На мгновение он, так же как и Исквау, задержался и бросил последний взгляд на человека.

И Ленгдон, прежде чем гризли исчез, помахал ему шляпой и крикнул:

— Счастливо, дружище… счастливо!

Глава 20
«Прощай, Муссква!»

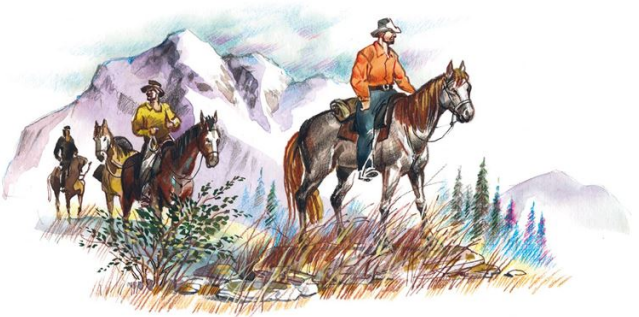
Ночью Ленгдон и Брюс обсуждали новые планы. А Метусин сидел поодаль, покуривая с невозмутимым видом и время от времени пристально приглядываясь к Ленгдону, как бы всё ещё не в состоянии поверить в то, что произошло сегодня днём.

Пройдёт много лун после сегодняшней ночи, и Метусин всегда будет рад случаю лишний раз поведать своим детям и внукам, друзьям и соплеменникам о том, как он однажды охотился с белым человеком, который перестрелял собственных собак, чтобы сохранить жизнь какому-то гризли. Ленгдон после этой истории уже не был для него прежним Ленгдоном, и после этого сезона Метусин никогда больше не пойдёт с ним на охоту. Потому что теперь Ленгдон стал кесквау, то есть сумасшедшим. У него что-то разладилось. Великий Дух отнял у Ленгдона сердце и отдал его медведю гризли.

И, покуривая свою трубку, Метусин поглядывал на Ленгдона с некоторой опаской. Его подозрение

окончательно утвердилось, когда он увидел, что Брюс и Ленгдон сооружают из кожаной корзины клетку, и понял, что медвежонок будет сопровождать их в долгом путешествии. После этого у него уже не оставалось никаких сомнений насчёт состояния Ленгдона. Ленгдона «испортили». А подобная порча, по мнению индейца, не предвещала ничего хорошего.

На следующее утро вся экспедиция уже на рассвете была готова к долгому пути на север, и Брюс с Ленгдоном двинулись впереди вверх по склону и через хребет Скалистых гор в ту самую долину, из которой они впервые увидели Тэра. Вся экспедиция живописно растянулась за ними гуськом. Шествие замыкал Метусин. А в кожаной корзине, притороченной на одной из лошадей, ехал Муска.

Ленгдон был весел и сиял.

— Это самая удачная охота в моей жизни, — сказал он Брюсу. — И я никогда не пожалею, что мы не убили его.

— Много ты понимаешь! — пренебрежительно отозвался Брюс. — Возьмись я за это дело по-своему, его шкура сейчас была бы на спине Дишпен. Любой турист там, у железной дороги, отвалил бы за неё сотню долларов.

— А для меня он живой стоит несколько ты-

сяч, — ответил Ленгдон и с этими загадочными словами приотстал посмотреть, как Муска переносит путешествие.

Медвежонок то валился из стороны в сторону, то перекатывался в корзине, как неопытный новичок в хаудэ — широком, под балдахином седле на спине у слона. Понаблюдав за ним некоторое время, Ленгдон снова присоединился к Брюсу. Ещё раз шесть за следующие два-три часа подъезжал он к Мускве и каждый раз возвращался к Брюсу всё более молчаливым и задумчивым, как бы о чём-то споря с самим собой.

В девять часов они достигли конца долины Тэра. Прямо за ней возвышалась гора, и здесь поток, вдоль которого они ехали, круто сворачивал на запад, углубляясь в узкий каньон[22]. К востоку начинался зелёный холмистый склон, по которому лошадям нетрудно будет пройти и который выведет экспедицию в следующую долину по направлению в Дрифтеуд. Этого направления Брюс и решил держаться.

Посредине склона остановились дать лошадям передышку. Муска жалобно взывал из своей кожаной темницы. Ленгдон слышал, но, каза-

---

[22] Примечания: 22
Каньо́н — каменистый овраг.

лось, не обращал ни малейшего внимания на этот плач. Он, не отрывая глаз, всё смотрел и смотрел на долину, по которой они только что проезжали.

В свете утреннего солнца она была великолепна. Отсюда ясно виднелись заснеженные вершины, ниже которых лежало прохладное тёмное озеро, где Тэр недавно ловил рыбу. Отдалённые зелёные склоны гор казались бархатными, и Ленгдону при виде всего этого подумалось, что сейчас он в последний раз слышит журчащую музыку страны Тэра. И она подействовала на него, как хорал, как радостный гимн в честь того, что он уходит отсюда, ничем не нарушив жизни гор и долин, оставляя всё таким же, как было до его прихода. Но так ли это? Разве до его ушей не доносится вместе с этой музыкой гор нечто печальное, скорбное, чья-то жалобная мольба?

И снова неподалёку потихоньку всхлипнул Муква.

Тогда Ленгдон повернулся к Брюсу.

— Решено, — сказал он, и в этих словах прозвучала непреклонная решимость. — Всё утро я собирался с духом и вот теперь решился. Вы с Метусином тронетесь дальше, как только лошади отдышатся, а я съезжу в долину, отъеду

примерно на милю и выпущу медвежонка на волю где-нибудь в таком месте, откуда он найдёт дорогу в родные места.

Он не стал дожидаться, чтобы его начали отговаривать, не стал слушать возражения Брюса. Кстати, тот промолчал. Взяв Мускву на руки, Ленгдон направил лошадь обратно, к югу.

Проехав с милю по долине, он очутился на

широком, открытом лугу с редкими зарослями ивняка и островками ели. Воздух благоухал от множества цветов.

Здесь он спешился и минут десять посидел с Мусквой, опустившись на землю. Вытащив из кармана небольшой бумажный пакетик, последний раз покормил медвежонка сахаром. Тяжёлый комок подступил к горлу, когда носик медвежонка ткнулся в его ладонь, а когда Ленгдон наконец поднялся и вскочил в седло, глаза его застлал горячий, влажный туман. Он попытался рассмеяться.

Может быть, это бесхарактерность, но он любил Мускву и знал, что оставляет в этой горной долине что-то очень близкое и дорогое.

— Прощай, малыш, — говорил он, и голос его прерывался от волнения. — Прощай, малыш Злюка! Может, когда-нибудь я вернусь сюда и мы увидимся… Ты будешь тогда большим, свирепым медведем. Но я не выстрелю… никогда… ни разу!

И он быстро поскакал на север. Отъехав ярдов на триста, оглянулся. Мусква бежал следом, но расстояние между ними быстро увеличивалось. Ленгдон помахал ему рукой.

— Прощай! — крикнул он, проглатывая подступающий к горлу комок. — Прощай!

А ещё через полчаса он, уже стоя на вершине склона горы, навёл бинокль на долину. Мусква виднелся вдали маленькой чёрной точкой. Медвежонок остановился и доверчиво ждал его возвращения.

И снова Ленгдон попробовал было рассмеяться, но ничего не вышло. Перевалив через горы, он навсегда исчез из жизни Мусквы.

Глава 21
Муква ищет своего друга

Добрых полмили Муква гнался за Ленгдоном. Сначала бегом, потом перешёл на шаг и наконец остановился, уселся по-собачьи, не сводя глаз с далёкого горного склона. Если бы Ленгдон шёл пешком, то медвежонок, пожалуй, бежал бы за ним, не думая о привале, пока не выбился бы из сил. Но кожаная клетка смущала его. В ней было тесно, лошадь на ходу так встряхивала клетку, что медвежонку это казалось землетрясением. А он понимал, что там, впереди, не только Ленгдон, но и клетка.

Некоторое время он сидел так и грустно всхлипывал. Но не делал дальше ни шагу. Медвежонок не сомневался, что друг, которого он уже успел полюбить, скоро вернётся. Он всегда возвращался и ещё ни разу не обманул ожиданий медвежонка. Затем Муква пустился на поиски клейтонии и кандыка, стараясь при этом не отходить очень далеко от места, где проходила экспедиция.

Весь этот день он провёл в лугах, заросших цветами, у подножия склона. Светило солнце, было

очень приятно. И он отыскал здесь немало столь милых его сердцу луковиц. Медвежонок рылся в земле и наелся досыта. Днём он соснул.

Но, когда солнце стало садиться и тяжёлые тени гор надвинулись на долину, погрузив её в темноту, ему стало страшно. Что там ни говори, а ведь он был ещё всего-навсего медвежонком в самом младенческом возрасте и до сих пор только одну ужасную ночь — ночь после гибели матери — провёл один. Тэр заменил ему мать, а потом Ленгдон — Тэра, и до сегодняшней ночи ему ещё не привелось по-настоящему почувствовать одиночество.

Он забился в чащу боярышника неподалёку от следа, оставленного экспедицией, и всё ждал, насторожённо прислушиваясь и принюхиваясь. Ярко засверкали звёзды, но сегодня их красота не могла выманить медвежонка из его укрытия. И только на рассвете он, осторожно крадучись, выбрался из своего убежища.

Солнце снова приободрило его и сделало смелей, и он побрёл обратно, через долину. Запах,

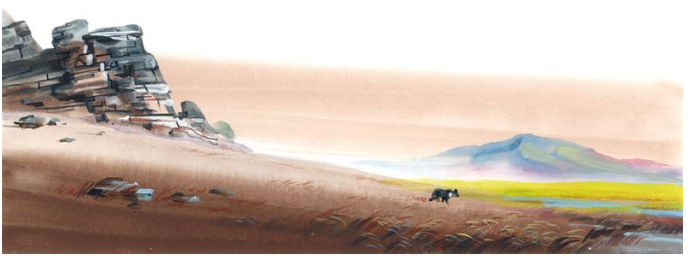
оставленный прошедшими здесь накануне лошадьми, становился всё слабей и слабей и вот наконец совершенно исчез. Этот день Мусква питался травой и несколькими корешками кандыка.

Ночь застала его на вершине склона, по которому экспедиция проходила из долины, где побывали Тэр и Искваy. Медвежонок устал, живот у него подвело от голода, и в довершение всего он окончательно заблудился. Эту ночь он проспал в дупле поваленного дерева.

На следующий день отправился дальше и много ещё дней и ночей бродил по долине в полном одиночестве. Он прошёл неподалёку от озерца, возле которого они с Тэром повстречали старого гризли, с жадностью обнюхал рыбные кости и горестно всхлипнул.

Проходил он и по берегу глубокого, тёмного озера. Снова довелось ему увидеть птиц, пролетающих, как тени, в лесном сумраке. Проходил по плотине, построенной бобрами. А две ночи проспал по соседству с запрудой, образованной упавшими деревьями на том самом месте, откуда не так давно он следил за Тэром, который ловил рыбу. Он уже почти забыл Ленгдона, думал больше о Тэре и вспоминал о матери. Так, как

сейчас он скучал по ним, он никогда не скучал по человеку. Дикая натура Мусквы взяла своё.

Только в начале августа очутился он у края долины и перевалил через тот самый склон, на котором Тэр впервые услышал гром ружей белых людей и где впервые пули ужалили его. Медвежонку частенько приходилось укладываться спать на пустой желудок, но за эти две недели он

заметно вырос и уже не боялся темноты.

Муква прошёл по глубокому, не знающему солнечного света каньону, который начинался выше грязевой лечебницы Тэра. И так как отсюда можно было выбраться только одним путём, то он наконец очутился наверху, у выхода из ущелья, через которое когда-то прошёл раненый Тэр, а следом за ним его преследователи: Брюс и Ленгдон. Но вот и родные места, его дом — внизу распростёрлась вторая долина.

Само собой разумеется, медвежонок не узнал её. Всё, что он здесь видел, было совершенно незнакомо ему. Но долина была так прекрасна, полна такого изобилия и столько в ней было солнечного света, что медвежонок не спешил выбираться из неё.

Ему попадались целые заросли клейтонии и кандыка. А на третий день своего пребывания в долине он впервые самостоятельно убил живую дичь.

Муква чуть не наступил на маленького, не больше красной белки, сурчонка. Зверёк не успел удрать, и медвежонок схватил его. Попировал Муква на этот раз на славу.

Только ещё через неделю прошёл он по пойме ручья возле того самого склона, на котором погиб-

ла его мать. И если бы он поднялся на вершину склона и прошёл по его гребню, то увидел бы её кости, дочиста обглоданные зверьём и птицами.

Ещё через неделю медвежонок оказался на небольшом выпасе, где Тэр задрал сначала карибу, а потом чёрного медведя.

Теперь-то Муксва понял, что он дома!

Дня два не отходил он от этой арены былого сражения и пира дальше чем на двести ярдов. И день и ночь медвежонок ждал появления Тэра. Потом в поисках пищи пришлось уйти подальше, но каждый день в тот час, когда тени, отбрасываемые горами, начинали удлиняться, он неизменно возвращался к чащице, где они с Тэром устроили когда-то свой продовольственный склад. Тот самый, который был так по-мародёрски разорён и осквернён чёрным медведем.

Однажды в поисках кореньев он забрёл очень далеко и находился примерно в полумиле от места, которое стало теперь его домом. В тот момент, когда чья-то огромная тень неожиданно упала на него, он обнюхивал подножие скалы. Медвежонок поднял глаза и с полминуты стоял как громом поражённый. Сердце его стучало и прыгало так, как никогда ещё в жизни. Перед ним стоял Тэр!

Великан гризли стоял неподвижно, как и медвежонок, и спокойно разглядывал его. Тогда Муска с восторженным щенячьим визгом подбежал к нему. Тэр опустил огромную голову. Ещё с полминуты оба простояли неподвижно, нос Тэра уткнулся в пушистую спину медвежонка. А потом Тэр, будто Муска никогда и не терялся, как ни в чём не бывало зашагал вверх по склону, и счастливый медвежонок отправился следом за ним.

С тех пор много дней прошло в удивительных путешествиях и роскошных пирах. Тэр показал Муске тысячу новых мест в обеих долинах и в разделяющих их горах. Были дни удачной рыбной ловли. Ещё один карибу был убит в горах. Муска всё больше толстел и прибавлял в весе. К середине сентября он уже был ростом с большую собаку.

Затем появились ягоды, и Тэр знал, где их искать. Сначала в низинах поспела дикая малина, затем мыльнянка. А за ними — ни с чем не сравнимая чёрная смородина. Она росла в глубине леса, в холодке, и ягоды её были чуть ли не с вишню, а по сладости она почти не уступала сахару, которым кормил Муску Ленгдон. Чёрная смородина пришлась медвежонку по вкусу больше всего на свете. Она росла тяжёлыми, огромными

гроздьями. На усыпанных ими кустах почти не было листьев, и медвежонку ничего не стоило за какие-нибудь пять минут обобрать и слопать целую кварту смородины.

Но вот наконец миновала и ягодная пора. Наступил октябрь. Ночи стали очень холодными, случалось, что солнце не выглядывало по целым дням. Небеса помрачнели, и по ним ползли тяжёлые облака. На вершинах гор снег становился всё глубже и там, на высоте, уже больше не таял.

Снег выпал и в долине. Сначала только-только застелил землю белым ковром, на котором у Мусквы мёрзли лапы. Снег этот пролежал недолго.

С севера задули холодные, сырые ветры. Моно-

тонная музыка летней долины сменилась теперь заунывным воем ветра по ночам, тоскливым скрипом деревьев. И Мускве казалось, что весь мир становится другим.

В эти холодные, сумрачные дни Мускву особенно удивляло, что Тэр не уходит с ветреных склонов, — ведь ничего же не стоило взять да укрыться в низинах. И Тэр, если он вообще пускался в объяснения с ним, вероятно, сказал медвежонку, что зима уже не за горами и что эти склоны — их последние кормильцы. Ягод в долинах уже не осталось и в помине, трава и коренья — что это за еда в такую пору… Им нечего сейчас попусту терять драгоценное время на поиски муравьёв и гусениц, а вся рыба ушла в глубокие воды. В эту пору карибу становится чутким на запахи, как лиса, и быстрым, как ветер. И только на этих склонах ещё можно кое-как пообедать сурками и гоферами — таков обед голодного времени. Тэр выкапывал их из земли, и Мусква изо всех сил помогал ему. Не раз им приходилось выбрасывать целые вагоны земли, прежде чем они добирались до уютных зимних квартир, где спало семейство какого-нибудь сурка. А иной раз им приходилось целыми часами копать, пока сцапаешь трёх-четырёх маленьких гоферов, ко-

торые не больше красной белки, но зато жирны просто на диво.

Так они прожили конец октября и встретили ноябрь. Вот теперь снег, холодные ветры и яростные метели, идущие с севера, взялись за дело всерьёз. Пруды и озёра затянуло льдом. А Тэр всё ещё оставался на склонах гор. У Мусквы по ночам зуб на зуб не попадал от холода, и ему

казалось, что солнце так больше никогда и не засияет по-прежнему.

В один прекрасный день, примерно в середине ноября, Тэр вдруг бросил откапывать семейство сурков, спустился в долину и с самым деловитым видом направился на юг. Когда они тронулись в путь, то находились в десяти милях от каньона, лежащего выше грязевого бассейна. Но великан гризли шагал так быстро, что они добрались туда ещё засветло.

Два следующих дня Тэр, казалось, перестал интересоваться всем на свете. Пищи в этом каньоне не водилось никакой, а Тэр слонялся возле скал, прислушиваясь да принюхиваясь, и вообще вёл себя с точки зрения Мусквы более чем странно. В разгар второго дня Тэр задержался у сахарных сосен, земля под которыми была устлана опавшей хвоей, и принялся поедать её. Хвоя не пришлась Мускве по вкусу, но что-то подсказывало медвежонку, что надо делать то же, что и Тэр, и он начал подбирать хвою язычком и глотать, понятия не имея, что это сама мать-природа заканчивает их последние приготовления к долгой спячке.

Было уже четыре, когда они подошли к входу в глубокую пещеру, ту самую, в которой Тэр появился на свет. Здесь гризли снова задержался, принюхиваясь по привычке. Темнело. Над каньоном завывала снежная буря. Щиплющий ветер то и дело налетал с горных вершин. Небо было чёрным, валил снег.

С минуту гризли постоял, по плечи засунув голову в пещеру. Потом вошёл, а за ним и Муска.

Глубоко-глубоко в пещере они пробирались в такой темноте, что хоть глаз выколи, и чем дальше, тем становилось теплей. Затихало завывание ветра, пока не превратилось в еле слышное бормотание.

Ещё полчаса возился Тэр, прежде чем устроился со всеми удобствами. Муксва свернулся у него под боком. Ему было очень тепло и уютно.

Всю эту ночь бушевала метель. Снег выпал глубокий. Он доверху завалил весь овраг огромными сугробами и накрыл его сверху толстой снежной крышей. Весь мир был погребён под снегом. Наутро не стало входа в пещеру и огромных каменных глыб. Исчезли чёрные деревья и красный кустарник. Всё стало белым и мёртвым. Монотонная музыка долины умолкла.

Глубоко в пещере беспокойно шевельнулся Муксва. Потом тяжело вздохнул Тэр. Долго и непробудно спали они после этого. И как знать — может быть, видели сны.